Эр1 807
А-172

Возвращение.

ГПИ-8-197

ВЛ. ЛАЗАРЕВСКІЙ

ИНСТИТУТ
Изучения России и Югославии

РОССІЯ
И
ЧЕХОСЛОВАЦКОЕ ВОЗРОЖДЕНІЕ

Съ предисловіемъ В. В. Шульгина.

К-ВО «ГРАДЪ КИТЕЖЪ»

VIII-5-197
3513
ЭР1
807
№354.
ИНСТИТУТ
Изучения России и Югославии

ВЛ. ЛАЗАРЕВСКІЙ

РОССІЯ
и
ЧЕХОСЛОВАЦКОЕ ВОЗРОЖДЕНІЕ

Очеркъ чешско-русскихъ отношеній 1914-1918 г.г.

ИНСТИТУТ
Изучения России и Югославии

Съ предисловіемъ В. В. Шульгина.

Библіотека-читальня
„Родина"
Издательство
и книгосклады
Берлинъ, Тауэнцинъ 1

К-ВО «ГРАДЪ КИТЕЖЪ»
Парижъ, 1921

Государ. публичная
Историческая
библиотека РСФСР
№ 22747 1963

V соф 46 733

Эта книга напечатана въ Парижѣ въ Imprimerie de Navarre въ февралѣ тысяча девятьсотъ двадцать седьмого года въ количествѣ двухъ тысячъ экземпляровъ.
Всѣ права сохранены за авторомъ.

Родному Кіеву,
матери городовъ русскихъ,
откуда въ старину «есть пошла Русская Земля»
и гдѣ въ наши дни возродились славныя дружины
братскаго чехословацкаго народа, —
посвящается эта книга.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Книга В. А. Лазаревскаго представляетъ «очеркъ прошлаго». Но, если такъ можно выразиться, она наполнена «тоской по лучшему будущему».

Канву для этой книги дала чешская литература вопроса и въ частности книги Масарика. А по этой канвѣ вышитъ узоръ: о томъ, какъ литературныя произведенія одного профессора мѣшали одному президенту республики.

Къ трагедіи «Масарикъ — Россія» можно подходить съ разныхъ точекъ зрѣнія. Однако, нужно отдавать себѣ отчетъ въ томъ, что это — именно трагедія. Дѣйствительно, не подлежитъ сомнѣнію, что личность Масарика сыграла огромную роль въ созданіи современной Чехословакіи. Масарикъ есть одинъ изъ факторовъ Чехословацкой Республики. Но другой факторъ — значеніе котораго не учитывается до сихъ поръ достаточно, — есть Россія. И трагедія состоитъ въ томъ, что первый «факторъ» не любилъ, вѣрнѣе сказать ненавидѣлъ второй, и подвергъ Россію публичному бичеванію какъ разъ передъ той минутой, когда «сей второй факторъ» приступилъ къ созданію современной Чехіи.

Эту послѣднюю мысль надо выразить яснѣе. Если бы въ 1914 г., когда Австрія поставила ультиматумъ Сербіи съ явной цѣлью вызвать Россію на отпоръ, — если бы Россія уклонилась и не приняла вызова, то что бы произошло?

Если можно сомнѣваться въ судьбѣ самой Сербіи и вообще всего того, что лежало внѣ границъ Имперіи Габсбурговъ, — то въ одномъ сомнѣваться нельзя: *Чехословацкая Республика въ случаѣ уклоненія Россіи не родилась бы на свѣтъ Божій.*

Ибо Чехословацкая Республика есть слѣдствіе міровой войны.

Міровая война была начата нѣмцами «за раздѣль Россіи». Но Россія , принявъ вызовъ, обратила ее въ войну «за раздѣлъ Австріи». И хотя Россія по тысяча и одной причинѣ не выдержала испытанія «огнемъ и мечомъ» и заплатила за свою слабость страшнѣйшей изъ революцій, но тѣмъ не менѣе эту свою цѣль, основную цѣль — *раздѣлъ Австріи*, Россія выиграла.

Никакія ухищренія, историческіе софизмы и документальные парадоксы этого основного факта ни вычеркнуть, ни стереть не могутъ. Принявъ вызовъ Австріи, Россія такимъ образомъ создала Чехословацкую Республику. Мало того: кромѣ Россіи ни одна держава въ мірѣ этого сдѣлать не могла. Ни Франція, ни Англія, ни Америка вызова Австріи просто принять не могли; безъ хода Россіи всѣ державы остались бы молчаливыми свидѣтелями поглощенія германизмомъ новыхъ славянскихъ земель и закрѣпленія власти надъ уже инкорпорированными.

Это — одна сторона вопроса. Другая — это то, что дѣятельнѣйшее лицо изъ среды чеховъ, созидавшихъ свое государство, т. е. проф. Масарикъ, Россію не понимая презиралъ.

Этими двумя фактами обусловливается линія поведенія профессора президента Масарика, «какъ мемуариста».

Нельзя вычеркнуть (ибо и боги не могутъ сдѣлать бывшее не бывшимъ) книги, написанной проф. Масарикомъ до войны противъ Россіи. Межъ тѣмъ у многихъ чеховъ, будемъ думать, у подавляющаго большинства націи, есть сознаніе неразрывности невидимыхъ узъ, которыми чещскій народъ сплетенъ съ русскимъ. Что же остается дѣлать? Естественно, надо доказывать, что это смутное ощущеніе — у однихъ, выношенное міровоззрѣніе — у другихъ, невѣрно: Россія молъ имѣла малое отношеніе къ созданію Чехіи.

Эта тенденція заслуживаетъ отпора. Между тѣмъ какъ то до сихъ поръ даже сами русскіе не могли достаточно ярко поставить точку надъ і. Происходитъ это, можетъ быть, по простой причинѣ: русскіе столько натерпѣлись горя изъ за этой злосчастной міровой войны, что нѣкоторые изъ нихъ «впали въ

искушеніе»: иные изъ насъ думаютъ, что въ 1914 году совершена была роковая ошибка, и что надо было предоставить Германіи съ Австріей съѣсть Сербію.

Такъ думать, конечно, заблужденіе, даже съ эгоистически-русской точки зрѣнія. Настоящей цѣлью міровой войны было, какъ уже сказано, не столько поглощеніе Сербіи или иной державы, сколько *раздѣлъ Россіи*. Вся южная Россія съ Кіевомъ во главѣ, подъ именемъ «Украины», должна была отойти подъ протекторатъ Австріи (вѣрнѣе Германіи) съ Габсбургскимъ принцемъ во главѣ, и этимъ открыть ходъ къ Кавказу. А кавказской нефтью, какъ извѣстно, смазывается въ своемъ замкѣ «ключъ къ Азіи». Знаменитый Drang nach Osten означалъ въ переводѣ на русскій языкъ раздѣлъ Россіи.

Если Россія послѣ всѣхъ ужасныхъ перипетій, включая сюда и большевицкое владычество, все же этотъ страшный ударъ отбила — или отобьетъ, то это будетъ означать, что Россія побѣжденная — побѣдила. Поэтому точка зрѣнія нѣкоторыхъ русскихъ о томъ, что надо было предоставить Австріи раздѣлаться съ Сербіей, — есть слабость, о которой именно и сказано: «не введи насъ во искушеніе».

Но слабость эта понятна: это слабость людей, слишкомъ измучившихся и воспринявшихъ, наконецъ, какъ правильную, никогда не свойственную раньше Россіи точку зрѣнія — «невмѣшательства въ чужія дѣла».

Традиціонная Россія всегда «вмѣшивалась», ибо ее всегда объ этомъ умоляли. Традиціонной была въ Россіи великодушная слабость сильнаго къ слабѣйшему. Это, конечно, можно разсматривать, какъ сентиментальный недостатокъ, но такое «разсматриваніе» близоруко, ибо сентиментализмъ à la longue всегда совпадаетъ съ выгодой, какъ въ конечномъ счетѣ всегда совпадаютъ Польза и Добро.

Какъ бы тамъ ни было, нѣкоторые русскіе, впавшіе въ искушеніе, не смѣютъ достаточно опредѣленно и ярко сказать о томъ, что Россія есть первопричина всѣхъ новыхъ государствъ, родившихся на развалинахъ Австріи. Но если такъ держатся русскіе, это можно толковать и въ томъ смыслѣ, что они поступаютъ изъ соображеній должной скромности. Но эти побуж-

денія ни въ коемъ случаѣ не должны были бы удерживать тѣхъ, которые русскимъ сентиментализмомъ, если онъ былъ таковымъ, — воспользовались. Къ величайшему сожалѣнію это именно мы наблюдаемъ со стороны перваго президента чешской Республики, которому такъ трагически мѣшаютъ литературные грѣхи проф. Масарика.

При чтеніи книги В. А. Лазаревскаго шагъ за шагомъ раскрываются пути, какими проф. Масарикъ старается затушевать основной факторъ созданія современной Чехословакіи. При этомъ очень большое мѣсто отводится вопросу о томъ, кто создалъ войско.

Президентъ Масарикъ, повидимому, непоколебимо убѣжденъ въ томъ, что именно онъ, а не русскіе чехи, создалъ чешскую армію, ту армію, которая явилась не только символомъ, но и дѣйствительнымъ орудіемъ созиданія государства. Если это такъ, то этимъ Масарикъ дѣлаетъ большую несправедливость и въ отношеніи своихъ соотечественниковъ, отнимая у нихъ вполнѣ заслуженное ими: безпристрастная исторія запишетъ, что чешская армія была создана на русской территоріи самоотверженными усиліями тогдашнихъ «русскихъ чеховъ», при нѣкоторой помощи теперешнихъ «чешскихъ русскихъ», т. е. тѣхъ русскихъ, которые любили, любятъ и будутъ любить «прессованное славянство», alias — чешскій народъ.

Книга В. А. Лазаревскаго излагаетъ перипетіи всего этого незабвеннаго, но нѣкоторыми такъ прочно забытаго прошлаго. Это, какъ мы сказали, очеркъ прошлаго. Но всѣми своими корнями это произведеніе стремится укрѣпить будущее, стараясь вырвать изъ будущихъ чешско-русскихъ отношеній нѣкоторые ядовитые плевелы... Книга Лазаревскаго какъ бы говоритъ: «да, такъ было, но такъ да не будетъ»... Попутно авторъ возстанавливаетъ истину тамъ, гдѣ она была искажена, бережно снимая съ нея , съ истины, клочки желчи и клеветы... Особенное достоинство изложенія состоитъ въ томъ, что авторъ нигдѣ не впадаетъ въ тонъ, недопустимый по отношенію къ лицу, которому чешскій народъ оказалъ знаки величайшаго довѣрія.

Критикуя Масарика, какъ политическаго дѣятеля, авторъ

тщательно избѣгаетъ всего того, что могло бы задѣть любого чеха, какъ гражданина своего государства. Въ «международныхъ отношеніяхъ» нужна величайшая осторожность. И если писанія проф. Масарика относительно Россіи заслуживаютъ суровѣйшаго отпора по существу, то избирая форму отпора, ни въ коемъ случаѣ нельзя забывать, что Масарикъ въ настоящее время является главой народа, съ которымъ мы русскіе желаемъ жить въ самомъ тѣсномъ, дружескомъ, братскомъ единеніи.

Эту именно цѣль и имѣетъ книга В. А. Лазаревскаго, и только такъ и слѣдуетъ ее понимать.

В. Шульгинъ.

ГЛАВА I.

НАЧАЛО ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ И РУССКІЕ ЧЕХИ

Могутъ быть разные подходы къ вопросу объ основныхъ причинахъ войны 1914 года. Но во всякомъ случаѣ совершенно несомнѣнно, что вопросъ о преобладаніи на Балканахъ и въ центральной Европѣ игралъ не послѣднюю роль.

Въ 1909 году Россія должна была, по условіямъ своей внутренней жизни, и главнымъ образомъ вслѣдствіе несовершенства своей арміи, — примириться съ аннексіей Босніи и Герцеговины Австро-Венгріей. Это былъ громадный ударъ престижу Россіи въ глазахъ малыхъ славянскихъ народовъ, обязанныхъ Россіи своимъ возникновеніемъ въ качествѣ членовъ международнаго общенія XIX вѣка.

Было ясно, что для Австро-Венгріи это не конецъ, а только начало утвержденія безраздѣльнаго владычества на Балканахъ — путь, который соблазнялъ ее давно, но который открылся только послѣ образованія Германской имперіи, кратковременной борьбы этой имперіи съ монархіей Габсбурговъ, и наконецъ, союза Габсбурговъ съ Гогенцоллернами.

Россія, вся ея исторія императорскаго періода, значительная часть теченій общественной мысли, быстрый ходъ развитія ея внутреннихъ силъ и внѣшняго вліянія — противились Австро-Венгріи въ этой ея задачѣ. И если въ 1909 году Россія вынуждена была принять требованіе о признаніи ею аннексіи Босніи и Герцеговины даже безъ европейской конференціи, то обстановка должна была рѣшительно измѣниться къ 1917

году, когда вооруженныя силы Россіи были бы заново организованы и приведены въ боевую готовность.

Съ точки зрѣнія холоднаго разсчета Россія должна была бы принять австрійскій ультиматумъ 1914 года такъ же, какъ она приняла аннексію Босніи и Герцеговины. Съ точки зрѣнія сухого разсудка она должна была бы стиснуть зубы, промолчать, остаться спокойной, что бы ни случилось, и подождать еще три года.

Но дѣйствія народовъ, какъ и поступки отдѣльныхъ людей, не всегда диктуются разсудкомъ. И можно ли за это упрекать народы и правительства?

Психологически Россія не могла поступить иначе, чѣмъ она это сдѣлала. Ибо можетъ быть, въ противномъ случаѣ, черезъ три года вооруженныя силы ея были бы готовы, но моральная почва для ея балканской политики выскользнула бы безвозвратно изъ подъ ея ногъ.

Такъ именно было воспринято рѣшеніе правительства всей страной, и потому нерѣдко встрѣчающіяся теперь сужденія о томъ, что правительство должно было поступить иначе, всѣ сужденія о томъ, какъ оно должно было поступить, — безплодны.

Больше того, и для внутренней обстановки, для общественной жизни Россіи, фактъ объявленія войны оказался живительнымъ и благотворнымъ. Тотъ тяжелый внутренній кризисъ, который принято называть «конфликтомъ между властью и обществомъ» — казалось, былъ преодолѣнъ. Казалось, мечъ, вынутый Россіей изъ ноженъ въ защиту своего національнаго достоинства, какъ Великой Державы и какъ державы славянской, — былъ вмѣстѣ съ тѣмъ хирургическимъ ножемъ, способнымъ искусно взрѣзать гнойный нарывъ соціальныхъ противорѣчій и раздоровъ въ общественно-политической жизни страны.

Памятное засѣданіе Государственной Думы на другой день послѣ объявленія войны навсегда останется драгоцѣнной страницей русской исторіи и послѣднимъ и рѣшительнымъ оправданіемъ іюльскихъ дѣйствій «стараго режима».

Интуитивно испытываемое всѣмъ русскимъ обществомъ сознаніе значительности событій, какъ кануна наступленія новой фазы въ жизни русскаго государства — вызвало естественное стремленіе поближе ознакомиться и изучить тѣ проблемы, комплексомъ которыхъ опредѣлялся историческій путь Россіи.

И среди тѣхъ вопросовъ, которые должны были получить разрѣшеніе въ результатѣ войны, — прежде всего и ближе всего ощущалось два: вопросъ Галицкой Руси, кусочка русской территоріи, кусочка русскаго народа и русской души, оторваннаго волею исторіи отъ живого организма Россіи, и во-вторыхъ, вопросъ древнихъ славянскихъ земель, Чехіи и Словакіи, земель, насыщенныхъ славянской славой и преданіями сѣдыхъ временъ обще-славянской культуры и обще-славянской доблести, земель, воспринявшихъ всѣ достиженія современной европейской цивилизаціи, но остававшихся въ предѣлахъ государства, чуждаго имъ по своимъ традиціямъ и историческимъ заданіямъ, земель, лишенныхъ возможности выявить передъ всѣмъ міромъ свое подлинное національно-историческое лицо и строить свою собственную жизнь и историческую судьбу.

***

Въ Россіи передъ войной считалось около ста тысячъ чеховъ. Большинство ихъ жило на югѣ Россіи. Всѣ они были трудолюбивыми хозяевами, отличались предпріимчивостью и работоспособностью. Высокій уровень хмѣлеводства въ Юго-западномъ краѣ въ значительной степени былъ заслугой чешскихъ колонистовъ. И если говорить объ общественномъ мнѣніи юго-западной Россіи, то необходимо отмѣтить, что помимо общеполитическихъ соображеній и чувствованій, — симпатіи русскихъ къ интересамъ Чехіи во многомъ способствовало личное знакомство съ представителями чешскаго народа.

Русскіе чехи являлись поистинѣ носителями идеи славянскаго единенія. Они, такъ сказать, олицетворяли ее, ибо, оставаясь вѣрными сынами своего народа, они вмѣстѣ съ тѣмъ горячо относились и къ русскому народу и къ Россіи, ощущая

ея интересы, какъ интересы славянства, и чувствуя себя не на чужбинѣ, а въ своей же славянской средѣ. Это умонастроеніе русскихъ чеховъ нашло себѣ яркое выраженіе задолго до войны въ журналѣ «Русскій Чехъ», выходившемъ подъ редакціей В. Вондрака въ Кіевѣ въ 1906, 7 и 8 году.

***

Если начало войны возбудило приливъ интереса и симпатіи къ еще не освобожденному славянскому народу со стороны русскаго общества и печати, то съ другой стороны русскіе чехи увидѣли въ наступающихъ событіяхъ историческій часъ свершенія давнихъ надеждъ и прозрѣвали за туманной пеленой дымныхъ завѣсъ сіяющія возможности свободы родной земли и ея національнаго возрожденія. Начавшая выходить за нѣсколько лѣтъ передъ войной въ Кіевѣ чешская газета «Чехослованъ» помѣстила немедленно послѣ объявленія мобилизаціи (17 іюля) статью подъ заглавіемъ «Въ рѣшительную минуту», въ которой было сказано слѣдующее:

— Многіе русскіе чехи, обязанные военной службой, будутъ приглашены или уже призваны вступить въ ряды австрійскаго войска. Въ эту значительную минуту возникаетъ громадной важности вопросъ — какъ поступить?...

Какъ бы въ отвѣтъ на этотъ вопросъ редакція помѣщаетъ письмо, въ которомъ говорится:

— Надѣемся, что между чехами не найдется ни одного человѣка, который былъ бы способенъ помогать Австріи противъ Сербіи, который добровольно пошелъ бы противъ славянскихъ братьевъ, рѣшился бы копать могилу своему народу.

Въ связи съ этимъ же вопросомъ редакція обратилась къ старѣйшинѣ чешской колоніи въ Кіевѣ, предсѣдателю общества «Янъ Амосъ Коменскій», Г. И. Іиндржишеку и получила такой отвѣтъ:

— Я убѣжденъ, что у сознательныхъ чеховъ, живущихъ въ Россіи, не можетъ быть двухъ мнѣній въ этомъ вопросѣ. Въ надвигающейся битвѣ за существованіе славянства ни одинъ порядочный чехъ не приложитъ руку къ порабощенію славянъ.

А потому никто изъ чеховъ, обязанныхъ австрійской военной службой, если у него есть хоть немного національнаго сознанія и славянскаго чувства, въ Австрію не вернется.

25 іюля въ «Чехослованѣ» было объявлено о предстоящемъ собраніи чеховъ Юго-западнаго края, со слѣдующей программой: обсужденіе вопроса объ отношеніи русскихъ чеховъ къ современнымъ міровымъ событіямъ и къ Австріи, возложеніе вѣнка на памятникъ Государя Александра II, Царя-Освободителя славянъ, шествіе къ дому генералъ-губернатора и посылка всеподданнѣйшей телеграммы.

Въ томъ же номерѣ газеты была помѣщена телеграмма изъ Москвы:

«На собраніи, состоявшемся 21-го іюля (ст. ст.), московская чешская колонія постановила корпоративно перейти въ русское подданство. Одновременно былъ принятъ текстъ воззванія къ русскимъ чехамъ: «Чехи! События, которыя неудержимо развиваются въ Европѣ, свидѣтельствуютъ о томъ, что все идетъ къ огромной борьбѣ двухъ расъ: славянской и германской. Чехи XV и XVII вѣка принесли все въ жертву за свободу совѣсти, мы же, ихъ потомки, нашу жизнь до послѣдней капли крови отдадимъ за побѣду славянства. Чехи, будьте послушны голосу крови.»

Собраніе чеховъ въ Кіевѣ состоялось 27 іюля ст. ст. Собралось около двухъ тысячъ чеховъ. Все собраніе прошло съ необычайнымъ подъемомъ, достигавшимъ подлиннаго патріотическаго вдохновенія. Съ восторгомъ были приняты рѣчи русскаго профессора Т. Г. Флоринскаго (впослѣдствіи разстрѣлянаго большевиками), Іиндржишека, Ф. Зумана и В. Вондрака. Ф. Зуманъ, между прочимъ, сказалъ:

— «Для насъ чеховъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, на какую сторону стать. Даже если бы у насъ не было никакихъ славянскихъ симпатій, то все же въ этой войнѣ наша обязанность стать на сторонѣ Россіи, какъ охранительницы европейскаго мира...

«Братья, для насъ насталъ или часъ освобожденія, или часъ смерти. Нашъ народъ лежитъ связанный по рукамъ и по ногамъ,

надъ нимъ занесенъ ножъ врага. Если Россія не побѣдитъ, ножъ будетъ вонзенъ въ его сердце»...

По предложенію В. Вондрака было принято обращеніе къ болгарскому народу принять участіе въ общей борьбѣ славянства противъ его исконнаго непріятеля.

Вотъ выдержки изъ резолюціи, принятой единогласно собраніемъ:

«Нѣтъ больше австрійскихъ чеховъ. Теперь всѣ — просто чехи. Нѣкоторые изъ нихъ, русскіе подданные въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, уже сражаются подъ русскими знаменами, тѣ же, кто не могутъ участвовать въ войнѣ, должны имъ всячески помогать, дать средства на содержаніе госпиталей, на поддержку вдовъ и сиротъ. Женщины должны вступить въ ряды работницъ Краснаго Креста.

«Славяне, очутившіеся волей злой судьбы подъ владычествомъ Австро-Венгріи и неутомимо работавшіе на культурномъ и хозяйственномъ поприщѣ, прозрѣвали въ дали событій близившееся соединеніе всѣхъ славянъ и это было единственной причиной, почему они оставались подданными Австро-Венгріи. Однако надежды австрійскихъ славянъ не исполнились. Австро-Венгрія напала на братскій сербскій народъ, а когда Великій Царь, надежда всѣхъ славянъ, въ полномъ единеніи со своимъ народомъ сталъ на защиту Сербіи, Австро-Венгрія осмѣлилась бросить вызовъ могучей Россіи и всему славянству. Жребій брошенъ. *Для насъ , чеховъ, нѣтъ выбора.* Намъ лучше погибнуть со всѣмъ славянствомъ, чѣмъ прозябать по милости нашихъ поработителей.

«Кіевскіе чехи и чехи Юго-западнаго края единогласно отказываются отъ австрійскаго подданства и обращаются съ покорнѣйшей просьбой къ начальнику края, чтобы онъ повергъ къ ступенямъ трона Его Императорскаго Величества, великодушнаго защитника славянства, чувства безпредѣльной любви, преданности и благодарности, наполняющія сердца всѣхъ чеховъ.»

Собраніе 27 іюля является лишь однимъ изъ наиболѣе значительныхъ обнаруженій того патріотическаго подъема, въ которомъ сливались надежда на освобожденіе своей страны

и обще-славянскія чувства, и который охватилъ все чешское населеніе Россіи. Со всѣхъ концовъ Россіи, изъ многочисленныхъ чешскихъ колоній на мѣстахъ приходили свѣдѣнія въ крупные центры объ этихъ настроеніяхъ.

Внѣшнимъ проявленіемъ этихъ чувствъ былъ, во первыхъ, отказъ отъ австрійскаго подданства. А затѣмъ зародилась идея, которая явилась лозунгомъ и первымъ дѣйственнымъ актомъ вооруженной борьбы чеховъ за самостоятельность своей земли. Это — мысль о созданіи чехословацкой вооруженной силы.

Московскій земскій дѣятель С. К. Родіоновъ, находившійся въ дружескихъ отношеніяхъ со многими представителями чешской колоніи, хлопоталъ передъ московскими властями и наконецъ добился у градоначальника Андріанова изъятія для чеховъ изъ общаго правила о заключеніи въ концентраціонные лагери военнообязанныхъ подданныхъ воюющихъ съ Россіей державъ... Въ дни, когда рѣшался этотъ вопросъ, друзья Родіонова, скульпторъ Амортъ и г. Новотный, заявили ему, что они, будучи австрійскими подданными, вмѣсто того, чтобы итти «въ Сибирь», рѣшили пойти добровольцами въ русскую армію... И Родіоновъ имъ сказалъ:

— А почему вы не могли бы организовать свою особую чешскую войсковую часть?...

Эта мысль была принята съ восторгомъ.

С. К. Родіоновъ телеграфировалъ въ Петроградъ адъютанту Великаго Князя Николая Николаевича и получилъ телеграфный отвѣтъ съ просьбой прислать въ Петроградъ чешскую делегацію для выясненія этого вопроса.

Само собой разумѣется, что и петроградскіе чехи всей душой откликнулись на эту мысль. Немедленно была произведена запись первыхъ добровольцевъ. Тѣмъ временемъ московскіе делегаты вошли въ переговоры съ военнымъ министромъ Сухомлиновымъ, начальникомъ генеральнаго штаба Бѣляевымъ и начальникомъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго генераломъ Янушкевичемъ.

Надо сказать, что эти военные начальники проявили большое пониманіе политической обстановки и высказали мысль, что хотя русская армія не испытываетъ недостатка въ человѣ-

ческомъ матеріалѣ, однако чехословацкія части могутъ принести большую пользу нашей арміи въ идеологическомъ отношеніи, учитывая наличіе въ австрійскихъ войскахъ славянскаго и въ частности чешскаго элемента.

При этомъ мысль о созданіи чехословацкихъ частей не была задержана на первыхъ порахъ никакими бюрократическими и канцелярскими барьерами, и шестого августа московскіе делегаты были освѣдомлены, что положеніе о чешской дружинѣ одобрено Военнымъ Совѣтомъ.

Чешскимъ движеніемъ живо заинтересовались не только высшіе военные круги, но и министерство иностранныхъ дѣлъ, во главѣ съ министромъ С. Д. Сазоновымъ. Сазоновъ съ исключительнымъ вниманіемъ отнесся къ посѣтившей его делегаціи петроградскихъ чеховъ и проявилъ необычайный интересъ къ политическимъ настроеніямъ чехословацкаго народа въ связи съ объявленіемъ войны. Нелишне отмѣтить фактъ, что на другой день Сазоновъ лично отдалъ визитъ посѣтившимъ его членамъ правленія чехословацкаго петроградскаго кружка Бартошу, Рейфу и Клецандѣ.

Это вниманіе и живой интересъ русскаго общества и правительства къ чешскому освободительному движенію получило санкцію и съ высоты престола.

Вскорѣ послѣ объявленія войны Государь прибылъ въ Москву. Чехи приняли участіе въ той восторженной встрѣчѣ, которая была оказана Царю московскимъ населеніемъ. Государь обратилъ вниманіе на группу чеховъ, привѣтствовавшую его криками «на здаръ», «слава»,—о чемъ было сообщено градоначальникомъ Коничеку, одному изъ видныхъ дѣятелей чешской колоніи въ Москвѣ. Тогда Коничекъ обратился къ градоначальнику съ просьбой освѣдомиться, не могутъ ли чехи ходатайствовать объ аудіенціи у Государя. Аудіенція была разрѣшена.

Въ составъ чешской делегаціи вошли С. Коничекъ, Л. Тучекъ и А. Грабе.

Во время аудіенціи Коничекъ вручилъ Государю меморандумъ, въ которомъ заключалось изложеніе идеологическаго содержанія чешскаго освободительнаго движенія, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ оно ощущалось и переживалось

московскими чехами въ Россіи въ началѣ войны, у его непосредственныхъ психологическихъ истоковъ. Здѣсь ясно были выражены двѣ идеи, — идея единенія славянства и идея чехословацкой самостоятельности: «пусть заблеститъ свободная и независимая корона св. Вацлава въ лучахъ короны Романовыхъ», — такъ заканчивался меморандумъ.

Государь отвѣтилъ делегатамъ: «Дай Богъ, чтобы ваше желаніе исполнилось. Я сдѣлаю все, что будетъ въ моихъ силахъ и вы тоже , господа, должны содѣйствовать счастливому окончанію начатой, вызванной нѣмцами , войны. Передайте вашимъ соотечественникамъ мой привѣтъ».

Эта аудіенція, состоявшаяся 7-го августа, съ одной стороны содѣйствовала благожелательному отношенію правительственныхъ органовъ къ чешскому движенію, а съ другой стороны еще болѣе укрѣпила энтузіазмъ самихъ чеховъ.

Чешскіе дѣятели въ Россіи быстро приходятъ къ убѣжденію о необходимости согласовать и центрировать свою работу. Для этой цѣли былъ созванъ чешскій съѣздъ въ Петроградѣ, въ которомъ приняли участіе представители чешскихъ обществъ и кружковъ Петрограда, Москвы, Кіева и Варшавы. Задачи съѣзда были организаціонныя и политическія. Съ одной стороны съѣздъ ходатайствовалъ объ утвержденіи устава «Чешскаго Совѣта въ Россіи» — центральнаго органа, объединяющаго мѣстные чешскіе комитеты, а съ другой стороны съѣздъ имѣлъ своей цѣлью сдѣлать все возможное для достиженія стоящей передъ нимъ огромной патріотической задачи: возстановленія самостоятельнаго чешскаго государства.

Несмотря на свою непродолжительность (съ 28 августа по 5 сентября 1914 г.), съѣздъ имѣлъ громадное значеніе для чешскаго движенія.

Депутація отъ участниковъ съѣзда была принята Государемъ 4 сентября въ Александровскомъ дворцѣ въ Царскомъ Селѣ. Въ составъ делегаціи вошли: О. Червеный (Кіевъ), Ю. Клецанда (Петроградъ), С. Коничекъ (Москва), І. Орсагъ (Варшава).

Отъ имени делегаціи произнесъ рѣчь О. Червеный, который заявилъ, что весь чехословацкій народъ, лишенный воз-

можности въ настоящую минуту выразить свою волю, жаждетъ своего освобожденія и надѣется, что его мечта свершится благодаря помощи Россіи.

«Освобожденіе отъ суроваго нѣмецкаго и мадьярскаго ига, — сказалъ Червеный, — подняло бы духъ 10 милліоновъ человѣкъ, способныхъ и желающихъ работать на пользу не только своего народа, но славянства вообще и желающихъ идти съ нимъ и съ Великой Россіей рука объ руку.

«Молимъ Бога, Государь, чтобы Онъ помогъ Вашимъ доблестнымъ войскамъ довести до конца начатое по Вашей волѣ дѣло освобожденія и единенія всѣхъ славянъ. У насъ чеховъ — одна мечта, которую наши представители имѣли уже счастье высказать Вашему Величеству въ Москвѣ. Это наше желаніе мы повторяемъ вновь: Да возсіяетъ свободная и независимая корона святого Вацлава въ лучахъ короны Романовыхъ.»

Государь попросилъ показать ему на картѣ границы будущей Чехословакіи, какъ ее представляютъ чехи. Задавъ нѣсколько вопросовъ каждому изъ присутствующихъ, Государь сказалъ делегатамъ на прощаніе: «Благодарю васъ, господа, за ваше сообщеніе. Надѣюсь, что Богъ намъ поможетъ, и что ваши желанія будутъ исполнены».

Делегаты съѣзда посѣтили всѣхъ министровъ, причемъ особенно подробную бесѣду имѣли съ министромъ иностранныхъ дѣлъ С. Д. Сазоновымъ, который прямо сказалъ , что возстановленіе независимаго чешскаго государства входитъ въ планы русскаго правительства, что этотъ вопросъ обсуждался еще до начала военныхъ дѣйствій и рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ.

***

Пониманіе русскимъ правительствомъ національныхъ идеаловъ чешскаго населенія и довѣріе къ нимъ совершенно конкретно выразились въ той быстротѣ, съ которой были выполнены всѣ необходимыя формальности въ отвѣтъ на ходатайство чеховъ о сформированіи добровольческихъ чешскихъ войсковыхъ частей.

30 іюля 1914 года, по докладу военнаго министра, вопросъ этотъ получаетъ единогласное одобреніе совѣта министровъ.

На основаніи рѣшенія совѣта министровъ уже 5 августа генеральный штабъ представляетъ Военному Совѣту детально разработанный докладъ о формированіи. Докладъ этотъ получаетъ одобреніе Военнаго Совѣта 7 августа, и, наконецъ, 17 августа слѣдуетъ Высочайшее утвержденіе.

При этомъ, если первоначальныя чехословацкія формированія вылились въ скромныя рамки чешской дружины, это объясняется лишь тѣмъ, что военное вѣдомство руководилось сравнительно небольшой численностью чешскаго населенія въ Россіи, имѣя кромѣ того въ виду, что чехи—русскіе подданные несли воинскую повинность въ общемъ порядкѣ.

И сами чехи опредѣляли примѣрное количество добровольцевъ, могущихъ составить кадры перваго формированія, всего въ 550 человѣкъ.

ГЛАВА II.

ЧЕШСКАЯ ДРУЖИНА

Организаціонная работа по созданію дружины велась преимущественно кіевскимъ комитетомъ, при въ высшей степени благожелательномъ отношеніи и всемѣрной поддержкѣ со стороны штаба Кіевскаго военнаго округа.

Съ точки зрѣнія политической, съ точки зрѣнія обсужденія и выявленія тѣхъ идеологическихъ основаній, на которыхъ строилась эта работа, — наиболѣе показательными являются два собранія чешскихъ добровольцевъ, 10 и 15 августа ст. ст.

На первомъ собраніи выступилъ съ краткимъ , но содержательнымъ и вдохновеннымъ заявленіемъ предсѣдатель Кіевскаго чешскаго комитета Іиндржишекъ. Начинающееся движеніе въ пониманіи его и всѣхъ его сотрудниковъ — было прежде всего движеніемъ славянскимъ и должно было вдохновляться мыслью о благѣ всего славянства. Вмѣстѣ съ тѣмъ имъ было подчеркнуто стремленіе къ самостоятельности чехословацкаго народа. Въ томъ же духѣ говорилъ представитель петроградскихъ чеховъ Рейманъ.

На собраніи было принято обращеніе къ чешскому населенію въ Россіи, текстъ котораго былъ предложенъ Зуманомъ.

Въ обращеніи было высказано, что долгъ чеховъ, находящихся въ Россіи, — принять самое дѣятельное участіе съ оружіемъ въ рукахъ въ выполненіи той задачи, которая стоитъ передъ державами Согласія, и которая въ данномъ случаѣ совпадаетъ съ интересами Россіи и связана съ будущей судьбой всего славянства и въ частности чехословацкаго народа.

На собраніи 15 августа необычайно глубокое и сильное въ пониманіи отвѣтственной задачи момента и въ сознаніи патріотическаго долга заявленіе сдѣлалъ представитель московскихъ чеховъ Л. Тучекъ, скончавшійся въ Прагѣ въ 1925 году, въ полномъ расцвѣтѣ силъ. На памятномъ собраніи 15 августа Тучекъ сказалъ:

— «Ни одно изъ историческихъ событій не совершилось безъ большихъ усилій и безъ глубокой отвѣтственности. И потому — святой долгъ насъ всѣхъ — идти въ дружину, въ бой, не взирая на то, что мы потерпимъ матеріальные убытки. Вспомнимъ о тысячахъ нашихъ братьевъ, которые умирали на югѣ, насильно загнанные въ бой противъ славянъ. Неужели этотъ поступокъ нѣмцевъ и мадьяръ долженъ остаться не отомщеннымъ? Кто изъ васъ не хотѣлъ бы видѣть чешскаго короля въ Градчанахъ, кто изъ васъ не желалъ бы свободы?

«Чехія должна быть добыта чешскимъ войскомъ— для того, чтобы на мирной конференціи мы могли выступить съ требованіемъ самостоятельности, обосновывая наши требованія нашимъ участіемъ въ вооруженныхъ дѣйствіяхъ. Въ этомъ задача нашихъ добровольцевъ».

Въ этомъ же собраніи былъ сдѣланъ докладъ секретаремъ кіевскаго комитета В. Вондракомъ; изъ доклада было ясно, что работа по организаціи дружины за короткое время была сильно подвинута впередъ.

Идеологическія основы работы по созданію дружины были еще разъ подчеркнуты въ «Чехослованѣ» въ № 74 отъ 20 августа ст. ст.:

— «Чешская дружина, сражаясь за будущее и счастье всего славянства, должна честно исполнить и тѣ задачи, которыя въ настоящее время не можетъ взять на себя чешскій народъ въ чешскихъ земляхъ, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ непріятелемъ. Задачей чешской дружины будетъ добыть полную самостоятельность чехословацкому народу, обезпечить ему спокойное культурное, экономическое и соціальное развитіе».

Эти основныя мысли были подробнѣе развиты въ статьяхъ Тумы, Реймана и рядѣ другихъ статей «Чехослована», являвшихся краснорѣчивыми отзвуками настроеній, которыми

вдохновлялась организаціонная работа по созданію чешской дружины.

Національный подъемъ и патріотическая самоотверженность, которыхъ нельзя поддѣлать, и которыми дышатъ приводимыя здѣсь слова и описываемыя дѣйствія; неоднократно подчеркиваемая чешскими дѣятелями въ Россіи цѣль и завѣтная мечта — самостоятельное чехословацкое государство, — слишкомъ ярки и слишкомъ очевидны...

И много времени должно было пройти, чтобы другіе люди, пришедшіе благодаря новымъ событіямъ, могли бросить тѣнь на эту самоотверженную и безкорыстную работу. Эти люди захотѣли присвоить себѣ всю заслугу и всю честь національнаго освобожденія. Обстоятельства, роковыя для Россіи, оказались благопріятными для нихъ...

Правда, раздоры и препятствія начались еще раньше. Но объ этомъ дальше...

***

28 сентября состоялось торжество освященія знамени дружины и приведеніе ея чиновъ къ присягѣ на Софійской площади въ Кіевѣ.

По окончаніи церковнаго торжества Вондракъ произнесъ отъ имени русскихъ чеховъ рѣчь, проникнутую глубокимъ патріотическимъ вдохновеніемъ. Рѣчь эта замѣчательна тѣмъ, что совершенно ясно и отчетливо намѣчаетъ ту военную и государственную программу, которую въ дальнѣйшемъ осуществлялъ Союзъ, а затѣмъ и Масарикъ.

Напомнивъ добровольцамъ вѣковыя усилія чешскаго народа, стремившагося всегда къ свободѣ во всѣхъ проявленіяхъ души человѣческой, къ политической самостоятельности и устройству своей національной жизни на демократическихъ началахъ, Вондракъ призывалъ дружинниковъ «быть тѣми ангелами, которые принесутъ изстрадавшемуся чешскому народу долгожданную вѣсть о правѣ самимъ наконецъ распорядиться своей судьбой, безъ посторонней опеки, и отдать народныя симпатіи по влеченію своей души, своего сердца — Славянству

и Россіи». «Великая цѣль, ради которой вы идете въ бой, требуетъ и великаго подвига. Вы истинная дружина побѣды или смерти. Для васъ нѣтъ плѣна. Вы должны побѣдить или умереть... Но вы побѣдите. Еще не выступая въ походъ, вы уже одержали безкровную, но драгоцѣннѣйшую побѣду. Вы завоевали сердце русскаго народа... Пусть же будутъ эти чувства нашихъ новыхъ друзей для васъ священными. Братья, несите ихъ въ своемъ сердцѣ въ нашу родную Чехію и пусть будутъ они провозвѣстниками грядущихъ братскихъ отношеній между великой Россіей и нарождающейся Чехіей».

Заканчивая свою рѣчь поэтической легендой о рыцаряхъ священной горы Бланика, ждущихъ рѣшительной минуты для того, чтобы придти и освободить свою родину, Вондракъ призывалъ дружинниковъ быть этими Бланицкими рыцарями и сорвать рабскія оковы съ рукъ истерзанной матери-Родины. Ибо чешская дружина, говорилъ Вондракъ, и есть начало того національнаго войска, къ которому стремились давнишнія мечты чешскаго народа.

Дружина прошла церемоніальнымъ маршемъ передъ начальникомъ штаба Кіевскаго военнаго округа ген. Н. А. Ходоровичемъ и первымъ своимъ командиромъ полк. Созентовичемъ, а затѣмъ совершила прогулку по улицамъ Кіева. Населеніе горячо привѣтствовало добровольцевъ, которые были этимъ глубоко тронуты и взволнованы. Нѣкоторые изъ нихъ говорили: «Нѣть, не правы тѣ, кто доказывали отсутствіе какого-бы то ни было славянскаго чувства и сознанія у русскаго народа. Видно, что народъ понимаетъ и сочувствуетъ нашимъ завѣтнымъ мечтамъ и радуется тому, что цѣли у насъ общія»...

Кіевлянами было устроено нѣсколько вечеровъ въ честь добровольцевъ. Объ одномъ изъ нихъ, устроенномъ реальнымъ училищемъ, въ зданіи котораго была размѣщена 2-ая рота дружины, пишетъ въ своемъ дневникѣ полковникъ Швецъ: «Здѣсь было столько сердечности, такое восхищеніе нашимъ поступкомъ, какого мы не заслужили. Никогда не забуду этого вечера.»

8 октября 1914 года штабъ Юго-западнаго фронта приказалъ отправить чешскую дружину въ Яворовъ. На слѣдующій день дружина выступила на фронтъ. Она вошла въ составъ III

арміи, которой командовалъ тогда генералъ Радко Дмитріевъ.

Военное назначеніе чешской дружины не было сразу опредѣлено съ достаточной ясностью.

Въ началѣ, считая, что созданіе чешскихъ частей имѣетъ политическое значеніе, военное начальство вмѣстѣ съ тѣмъ разсматривало ихъ, какъ будущія нормальныя войсковыя единицы.

Но въ сентябрѣ уже Главное Управленіе генеральнаго штаба видимо измѣнило свою первоначальную точку зрѣнія, какъ это видно изъ отношенія по поводу формированія чешскихъ добровольческихъ частей, направленнаго генеральнымъ штабомъ штабу Кіевскаго военнаго округа. «Чехи поставили своей задачей, — говорится здѣсь, — по вторженіи нашихъ армій въ Австро-Венгрію, поднять противъ этого государства общее возстаніе среди своихъ единомышленниковъ, находящихся въ предѣлахъ Австріи. Такимъ образомъ, цѣлью сформированія войсковыхъ частей изъ чеховъ добровольцевъ слѣдуетъ считать поднятіе возстанія среди чешскаго населенія Австро-Венгріи. Вмѣстѣ съ тѣмъ представляется необходимымъ использовать чешскія дружины для созданія въ предѣлахъ Австро-Венгріи благопріятной обстановки для дѣйствій нашихъ войскъ...»

Предполагалось такимъ образомъ, что въ тотъ моментъ, когда боевой фронтъ соприкоснется съ чешской территоріей, — чешскія части, какъ боевыя единицы, перестанутъ существовать и распылятся среди чешскаго населенія Австро-Венгріи, образовавъ сѣть агитаторовъ, способствующую возстанію чеховъ противъ Австріи.

Эта новая точка зрѣнія военныхъ властей заключала въ себѣ для чешской дружины одновременно и выгоду , и невыгоду.

Невыгода состояла въ томъ, что нѣкоторые младшіе войсковые начальники смотрѣли на чешскую дружину, какъ на «не настоящую» войсковую часть, какъ на собраніе «полуштатскихъ» людей, и въ связи съ этимъ относились недостаточно внимательно къ нуждамъ дружины. Правда, это могло быть лишь на первыхъ порахъ, ибо дружина вскорѣ проявила себя съ самой лучшей стороны въ чисто боевомъ отношеніи.

Зато политическое значеніе, которое было придано военными властями дружинѣ, обусловило разрѣшеніе представителямъ чешской общественности Л. Тучеку и З. Рейману состоять при командирѣ дружины въ качествѣ руководителей политической подготовкой добровольцевъ и въ качествѣ связующаго звена между ними и чешскими обществами. Вскорѣ, послѣ выборовъ произведенныхъ въ кіевскомъ комитетѣ, такое же назначеніе получили Вондракъ и Орсагъ. Такимъ образомъ при дружинѣ оказались чешскіе политическіе представители Кіева, Москвы, Петрограда и Варшавы.

Это обстоятельство имѣло существенное значеніе и для дружинниковъ, и для чешской общественности въ Россіи, такъ какъ представители ея получили возможность непосредственно слѣдить за жизнью дружины и ея нуждами.

Политическая задача дружины, намѣченная генеральнымъ штабомъ, не была выполнена просто въ силу хода военныхъ дѣйствій. Русской арміи не суждено было достигнуть предѣловъ Чехіи. И чешская дружина съ честью стала нести боевую службу. Это рѣшеніе было принято начальникомъ штаба фронта генераломъ Алексѣевымъ по представленію командира дружины полковника Созентовича и чешскаго политическаго представителя В. Вондрака. Однако, генералъ Алексѣевъ не захотѣлъ предоставить чехамъ особый боевой участокъ, учитывая, что австрійское командованіе постаралось бы во что бы то ни стало раздавить дружину или захватить ее въ плѣнъ. Оберегая живую силу молодыхъ чешскихъ формированій, ген. Алексѣевъ рѣшилъ использовать чеховъ въ качествѣ развѣдчиковъ. Да и простыя соображенія цѣлесообразности подсказывали поручить чехамъ развѣдывательную работу; въ пользу этого говорило знаніе многими изъ нихъ нѣмецкаго и мадьярскаго языковъ, способность ихъ къ индивидуальнымъ дѣйствіямъ въ силу извѣстнаго культурнаго уровня... И вскорѣ послѣ прибытія на фронтъ составъ дружины былъ распредѣленъ между 5, 11, 32, 42, и 44 пѣхотными дивизіями, образовавъ при каждой изъ нихъ развѣдывательныя команды.

Результаты полностью подтвердили правильность рѣшенія

генерала Алексѣева. Цѣлый рядъ блестящихъ развѣдокъ, сопровождавшихся взятіемъ значительнаго количества плѣнныхъ, — былъ отмѣченъ въ военныхъ приказахъ по дивизіямъ, корпусамъ и по арміямъ. Одинъ изъ офицеровъ дружины, подпоручикъ Чечекъ, получилъ рѣдкое для младшаго офицера отличіе — орденъ св. Георгія. Многіе добровольцы были неоднократно отличаемы военными наградами.

ГЛАВА III.

ИДЕЯ САМОСТОЯТЕЛЬНАГО ВОЙСКА. — СОЮЗЪ ЧЕХОСЛОВАЦКИХЪ ОБЩЕСТВЪ ВЪ РОССІИ

Въ ноябрѣ 1914 года кіевскій чешскій комитетъ получилъ свѣдѣнія отъ Тучека и Реймана о томъ, что военное начальство дружины признало возможнымъ привлекать для пополненія дружины — чеховъ, попадающихъ въ русскій плѣнъ. Послѣ возбужденія соотвѣтствующаго ходатайства въ штабѣ генерала Иванова, послѣдовало разрѣшеніе Верховнаго Главнокомандующаго Великаго Князя Николая Николаевича принимать въ составъ дружины военноплѣнныхъ чеховъ и словаковъ, добровольно изъявившихъ желаніе вступить въ ея ряды тотчасъ по взятіи ихъ въ плѣнъ, при условіи ручательства за ихъ благонадежность со стороны политическихъ помощниковъ командира дружины, причемъ Вондраку, Тучеку, Рейману и Орсагу было разрѣшено, посѣщая штабы войсковыхъ соединеній Юго-Западнаго фронта, выбирать желающихъ плѣнныхъ и направлять ихъ въ штабъ дружины.

Это разрѣшеніе было дано 4 декабря. За декабрь мѣсяцъ 400 военноплѣнныхъ выразили желаніе поступить въ дружину; изъ нихъ въ ея ряды было принято 259.

Такимъ образомъ выяснилось, что разсчитывать на быстрое расширеніе состава чешскихъ частей путемъ пополненія ихъ военноплѣнными не приходится. Главная масса чеховъ, находившихся въ австрійской арміи, перешла въ плѣнъ въ первые мѣсяцы войны, во время осенняго наступленія русскихъ армій

въ Галичинѣ, и была тотчасъ же отправлена вглубь Россіи. Разрѣшеніе 4 декабря къ этой массѣ примѣнено быть не могло.

Видя, что единственная возможность созданія чешскаго войска заключается въ привлеченіи въ его составъ военноплѣнныхъ, размѣщенныхъ въ концентраціонныхъ лагеряхъ Европейской Россіи и Западной Сибири, — правленіе чешскаго союза въ Кіевѣ, коему петроградскимъ съѣздомъ поручено было выполнять обязанности временнаго правленія обще-чешскаго союза въ Россіи, — рѣшило начать работу въ этомъ направленіи.

Въ началѣ января 1915 года чешская делегація въ составѣ Г. Іиндржишека, Ф. Дѣдины и В. Вондрака выѣхала въ Ставку Верховнаго Главнокомандующаго.

Наряду съ дѣлами, касавшимися положенія чеховъ въ Россіи, делегація представила начальнику штаба Верховнаго Главнокомандующаго генералу Янушкевичу докладъ, существенная часть котораго являлась проектомъ созданія чешскаго войска изъ военноплѣнныхъ.

Начальникъ штаба доложилъ сущность чешскаго проекта Великому Князю Николаю Николаевичу, послѣ чего чешская делегація была принята Великимъ Княземъ, который выразилъ свое сочувствіе и довѣріе къ чешскимъ начинаніямъ и предложилъ делегаціи возбудить въ Петроградѣ ходатайство по вопросамъ, входящимъ въ сферу вѣдѣнія министерства иностранныхъ дѣлъ.

Делегація покинула Ставку, будучи почти увѣрена въ успѣхѣ и исполнена лучшихъ надеждъ. В. Вондракъ тотчасъ же отправился въ Петроградъ, гдѣ подалъ докладъ министру иностранныхъ дѣлъ, а также представилъ проектъ организаціи чешскаго войска военному министерству.

Существо этого доклада, являвшагося краеугольнымъ камнемъ всей чешской военно-политической концепціи, заключалось въ слѣдующемъ.

Зачисленіе плѣнныхъ въ ряды чешскаго войска должно было происходить на основѣ добровольчества. Вся организація войска должна была быть проведена самими чехами, объединенными въ Союзъ чешскихъ обществъ въ Россіи. Правленіе

его должно было представительствовать отъ имени чешскаго народа передъ русскимъ правительствомъ впредь до созданія чехословацкаго государства. Назначеніе лицъ командnаго состава чешскаго войска должно было также производиться правленіемъ Союза; предполагалось просить военное вѣдомство о назначеніи русскихъ офицеровъ генеральнаго штаба для комплектованія штаба чешской арміи.

Численность войска предполагалась въ 20-25 тысячъ; въ виду того, что наличіе на фронтѣ такого войскового соединенія отвѣчало бы интересамъ французской и англійской армій, высказывалась мысль о возможности обращенія къ правительствамъ этихъ странъ съ просьбой о предоставленіи финансовыхъ средствъ, необходимыхъ для организаціи чешскаго войска, причемъ финансированіе это представлялось въ видѣ государственнаго займа будущему чешскому государству. Расходованіе средствъ должно было быть поставлено подъ контроль представителей русскаго, французскаго и англійскаго правительствъ и Союза чешскихъ обществъ.

Внутренній строй войска долженъ былъ устанавливаться правленіемъ Союза, которому присваивались въ отношеніи войска какъ бы функціи военнаго министерства. При этомъ указывалось, что всѣ дѣйствія правленія Союза должны быть строго согласованы съ интересами и взглядами русскаго правительства.

Съ момента возникновенія войска ему присваивался бы чешскій языкъ въ командѣ и во внутреннихъ сношеніяхъ, чешскія знамена и чешская форма; вмѣстѣ съ тѣмъ предполагалось, въ виду военныхъ обстоятельствъ, просить разрѣшенія о ношеніи въ теченіе войны русской формы.

Далѣе въ проектѣ указывалось, что послѣ занятія русской арміей части чехословацкой территоріи возможно было бы провозглашеніе независимости чехословацкаго государства и низложеніе Габсбурговъ съ чешскаго престола. Съ этого момента чешское войско могло бы явиться равноправнымъ въ ряду другихъ союзническихъ войскъ, и непріятельское командованіе не имѣло бы формальнаго права разсматривать чеховъ, какъ военныхъ дезертировъ. Въ случаѣ же, если бы австрійскія

военныя власти не пожелали считаться съ чехами, какъ съ регулярной арміей и для чешскихъ солдатъ продолжала бы существовать та опасность разстрѣла въ случаѣ плѣна, которая грозитъ чинамъ чешской дружины, — чешское войско имѣло бы право отвѣчать тѣмъ же.

Въ заключеніе проекта высказывалась мысль, что для успѣшности организаціи чешскаго войска весьма существенное значеніе имѣло бы изданіе русскимъ правительствомъ акта о будущей судьбѣ Чехіи и указывалось, что наиболѣе подходящей въ этомъ смыслѣ формой было бы воззваніе Верховнаго Главнокомандующаго къ чехословацкому народу.

***

Уставъ Совѣта чеховъ въ Россіи, выработанный на петроградскомъ съѣздѣ въ августѣ 1914 г., былъ утвержденъ 10 декабря. Затѣмъ для этой организаціи было принято другое наименованіе, а именно: Союзъ чехословацкихъ обществъ въ Россіи.

На основѣ утвержденнаго устава въ Москвѣ между 7 и 11 марта 1915 года состоялся съѣздъ, въ которомъ приняли участіе представители не только основателей союза, т. е. чешскихъ обществъ Петрограда, Москвы, Кіева и Варшавы, но и представители цѣлаго ряда непрестанно возникающихъ новыхъ чешскихъ организацій на мѣстахъ.

Рѣшенія съѣзда показываютъ, что мѣропріятія въ направленіи созданія чешскаго войска, осуществленныя уже кіевскими чехами, вполнѣ отвѣчали общему настроенію всѣхъ чеховъ въ Россіи. Сдѣланные временнымъ правленіемъ шаги получили полное одобреніе, и было постановлено приложить и въ дальнѣйшемъ всѣ усилія къ созданію самостоятельнаго чехословацкаго войска путемъ набора добровольцевъ изъ числа плѣнныхъ.

Что касается политическаго устройства будущаго чехословацкаго государства, то на московскомъ съѣздѣ петроградскіе представители, и въ частности петроградскій делегатъ Павлу, единственный плѣнный, участвовавшій въ съѣздѣ, — явились опредѣленными сторонниками монархическаго строя

будущей Чехословакіи, тогда какъ представитель кіевскихъ чеховъ В. Вондракъ склонялся къ мысли, что форма правленія должна быть опредѣлена народнымъ волеизъявленіемъ въ самой Чехословакіи... Какъ извѣстно, позднѣе кіевскіе чехи были обвинены въ реакціонныхъ стремленіяхъ и въ желаніи во что бы то ни стало заслужить симпатіи къ себѣ русской бюрократіи въ ущербъ чешскимъ національнымъ интересамъ... Политическая резолюція съѣзда была формулирована слѣдующимъ образомъ: самостоятельное чехословацкое государство со славянскимъ королемъ во главѣ, въ тѣснѣйшей связи съ славянскимъ міромъ, въ особенности со своей освободительницей Россіей.

Эти мысли явились содержаніемъ ряда произнесенныхъ на съѣздѣ рѣчей.

Мѣстомъ пребыванія избраннаго на съѣздѣ правленія Союза чехословацкихъ обществъ былъ назначенъ Петроградъ, и въ силу этого самое правленіе было составлено преимущественно изъ петроградскихъ чеховъ. Предсѣдателемъ правленія былъ избранъ П. Чермакъ.

Для руководства дѣлами, связанными съ задачей созданія чехословацкаго войска, была избрана особая военная комиссія во главѣ съ бывшимъ секретаремъ кіевскаго союза В. Вондракомъ , успѣвшимъ выдвинуться въ первые ряды вождей чешскаго освободительнаго движенія. Въ качествѣ членовъ въ комиссію вошли Тучекъ, Рейманъ, Орсагъ, Гржманъ и Пучалка. Такимъ образомъ была осуществлена самая тѣсная связь между военной комиссіей и чешской дружиной.

И резолюціи, принятыя съѣздомъ, и самый выборъ состава военной комиссіи, — ясно свидѣтельствовали о томъ, что мѣропріятія, предпринятыя въ періодъ предшествовавшій съѣзду кіевскими чехами, полностью соотвѣтствовали общему настроенію и духу всего освободительнаго движенія.

***

Военной комиссіи, въ сотрудничествѣ съ правленіемъ Союза, предстояло, кромѣ разрѣшенія текущихъ дѣлъ, работать въ

трехъ основныхъ направленіяхъ. Во-первыхъ, главной задачей ея была работа по созданію войска. Во-вторыхъ, ей предстояло добиться привлеченія къ работѣ на заводахъ на нужды арміи чешскихъ военноплѣнныхъ, освободивъ ихъ изъ концентраціонныхъ лагерей. Наконецъ, она обязана была вообще заботиться объ улучшеніи положенія плѣнныхъ.

На ряду съ этимъ военная комиссія оказала самую существенную поддержку правленію Союза въ его стараніяхъ улучшить вообще правовое положеніе чеховъ въ Россіи. Русскія центральныя и мѣстныя власти широко шли навстрѣчу интересамъ чеховъ въ смыслѣ предоставленія имъ изъятій изъ общихъ правилъ, касавшихся подданныхъ воюющихъ съ Россіей государствъ. Такъ, Верховный Главнокомандующій немедленно удовлетворилъ ходатайство петроградскаго чешскаго комитета о томъ, чтобы на чеховъ не распространялось распоряженіе о выселеніи австрійскихъ и германскихъ подданныхъ изъ Петрограда и Петроградской губерніи. Вопросъ о правовомъ положеніи чеховъ былъ затронутъ делегаціей, состоявшей изъ Іиндржишека, Вондрака и Дѣдины, при посѣщеніи ею Ставки Верховнаго Главнокомандующаго въ январѣ 1915 г., послѣ чего Ставкой было сдѣлано распоряженіе о томъ, что австрійскіе и германскіе подданные славянскаго происхожденія и въ частности чехи — вообще не подлежатъ выселенію изъ ихъ мѣстожительства. Министерство внутреннихъ дѣлъ съ своей стороны подтвердило, что славяне пользуются правомъ свободнаго передвиженія по всей Россіи, кромѣ мѣстностей, состоящихъ на военномъ положеніи. Въ концѣ 1915 г. для чеховъ были сдѣланы изъятія изъ новыхъ распоряженій, касающихся подданныхъ воюющихъ съ Россіей государствъ, въ частности въ вопросѣ о наложеніи секвестра на фабричныя и заводскія предпріятія, въ вопросахъ землевладѣнія, судебной защиты и т. д.

Генеральный штабъ съ готовностью принялъ предложеніе правленія Союза (докладная записка отъ 24 іюня 1915 г.) о томъ, чтобы военноплѣнные чехи спеціалисты были использованы въ качествѣ рабочей силы на фабрикахъ и заводахъ, работающихъ на нужды войны. Правда, отказъ военнаго вѣдомства

предоставить необходимыя средства для отбора и распредѣленія спеціалистовъ по предпріятіямъ — сдѣлалъ невозможнымъ быстрое и планомѣрное проведеніе въ жизнь предложенной мѣры, и пришлось прибѣгнуть къ болѣе длительному и менѣе совершенному способу, а именно, письменному опросу желающихъ. Все же военное вѣдомство получило около 20.000 заявленій отъ чешскихъ плѣнныхъ о желаніи работать на фабрикахъ, и нѣкоторая часть желающихъ была использована для нуждъ нашей промышленности.

Военной комиссіи и лично В. Вондраку принадлежатъ совершенно исключительныя заслуги въ дѣлѣ улучшенія положенія плѣнныхъ, въ частности тѣхъ, которые находились въ Дарницкомъ лагерѣ подъ Кіевомъ, гдѣ была сосредоточена главная масса плѣнныхъ, отправляемыхъ съ линіи Юго-западнаго фронта.

По ходатайству комиссіи для чеховъ и словаковъ было предоставлено шесть отдѣльныхъ бараковъ, что сразу улучшило ихъ положеніе, отдѣливъ ихъ отъ нѣмцевъ и венгровъ. Часть плѣнныхъ получила работу у чешскихъ колонистовъ. Часть была размѣщена на фабрикахъ и заводахъ въ районѣ Кіева, причемъ были приняты мѣры для того, чтобы владѣльцы этихъ предпріятій не злоупотребляли положеніемъ военноплѣнныхъ и не эксплоатировали ихъ трудъ. Для этой цѣли военными властями была издана особая инструкція.

Для плѣнныхъ чеховъ устраивались лекціи, научныя экскурсіи, осмотръ кіевскихъ достопримѣчательностей, имъ было разрѣшено посѣщать кіевскій «Соколъ».

Необходимо отмѣтить, что военная комиссія могла успѣшно справиться съ своей задачей улучшенія быта плѣнныхъ въ значительной мѣрѣ благодаря исключительно благожелательному отношенію и симпатіи къ чехамъ со стороны штаба Кіевскаго военнаго округа и въ частности генерала Ходоровича, бывшаго сначала начальникомъ штаба, затѣмъ помощникомъ главнаго начальника и, наконецъ, главнымъ начальникомъ Кіевскаго военнаго округа.

Но главной задачей военной комиссіи, какъ и вообще основной цѣлью правленія Союза — было добиться созданія

чешскаго войска, въ которомъ чехи видѣли залогъ своей будущей государственной самостоятельности.

Вновь избранное правленіе Союза продолжаетъ тѣ шаги, которые начаты были кіевскими чехами отъ имени временнаго правленія. Черезъ нѣсколько дней послѣ своего избранія правленіе обращается къ генералу Янушкевичу съ просьбой о разрѣшеніи представителямъ правленія прибыть въ Ставку для того чтобы вручить ему докладную записку съ изложеніемъ необходимыхъ мѣропріятій для скорѣйшаго формированія чехословацкихъ частей.

Генералъ Янушкевичъ отвѣтилъ, что детальное обсужденіе плана является преждевременнымъ, такъ какъ еще недостаточно выяснена политическая сторона вопроса, которая подлежитъ изученію и разрѣшенію министерства иностранныхъ дѣлъ.

Въ соотвѣтствіи съ этимъ отвѣтомъ, черезъ нѣсколько дней предсѣдатель правленія Союза Чермакъ и секретарь его Клецанда подаютъ докладную записку министру иностранныхъ дѣлъ С. Д. Сазонову.

Благожелательное отношеніе С. Д. Сазонова къ чехамъ и чешскому движенію было извѣстно, и потому Союзъ надѣялся встрѣтить въ его лицѣ сторонника и дѣятельнаго защитника идеи чехословацкаго войска.

Но повидимому С. Д. Сазоновъ не могъ оказать рѣшающаго вліянія въ этомъ вопросѣ.

Въ маѣ правленіе Союза получило краткое сообщеніе министерства внутреннихъ дѣлъ, во главѣ котораго стоялъ тогда Н. А. Маклаковъ, — что чешское ходатайство признано совѣтомъ министровъ не подлежащимъ удовлетворенію.

До сихъ поръ не вполнѣ ясными представляются мотивы этого рѣшенія, идущаго, казалось бы, въ разрѣзъ съ тѣмъ благожелательнымъ отношеніемъ, которое неоднократно проявлялось къ чешскому дѣлу и со стороны высшихъ властей, и съ высоты престола.

Впервые мы находимъ достаточно авторитетное сужденіе по этому вопросу въ недавно напечатанной бесѣдѣ С. Д. Сазонова съ сотрудникомъ газеты «Возрожденіе» («Возрожденіе» № 448, отъ 24 августа 1926 г.). Изъ словъ С. Д. Са-

зонова легко заключить, что чешская докладная записка, въ томъ видѣ, какъ она была представлена, могла вызвать опасенія военныхъ авторитетовъ, голоса которыхъ оказались рѣшающими, — въ томъ, что предлагаемый порядокъ формированій создавалъ бы угрозу проникновенія въ ряды армій русскаго фронта, наряду съ цѣнными бойцами, — и ненадежныхъ, и можетъ быть враждебныхъ Россіи элементовъ.

Въ концѣ іюня правленіе Союза дѣлаетъ еще одну попытку подвинуть вопросъ о разрѣшеніи чешскихъ формированій. 24 іюня предсѣдатель правленія Чермакъ подалъ начальнику генеральнаго штаба ген. Бѣляеву докладную записку, гдѣ содержалась просьба и о разрѣшеніи формированій, и о допущеніи спеціалистовъ изъ числа военноплѣнныхъ чеховъ къ работамъ въ предпріятіяхъ, обслуживающихъ матеріальную часть русской арміи.

Дѣла формированія записка не подвинула, и послѣ этого энергія петроградскаго правленія оказалась какъ бы исчерпанной.

Военная комиссія продолжала въ Кіевѣ энергичную работу, которая сильно способствовала военнымъ успѣхамъ чешской дружины, улучшенію матеріальнаго положенія семей дружинниковъ, постепенному пополненію численности бойцовъ, облегченію положенія военноплѣнныхъ, — но эта работа, успѣшно проводимая въ полномъ согласіи и при помощи штаба Кіевскаго военнаго округа, — все же имѣла мѣстное значеніе и, содѣйствуя успѣху чешскаго дѣла въ цѣломъ, не могла быть однако непосредственно обращена на разрѣшеніе основного вопроса: созданія самостоятельнаго войска изъ военноплѣнныхъ.

Конечно, у предсѣдателя комиссіи В. Вондрака была и достаточная энергія, и желаніе въ интересахъ общаго дѣла приложить свои усилія къ достиженію и этой важнѣйшей и основной задачи.

Но правленіе Союза, находившееся въ Петроградѣ, считало, что такой порядокъ вещей былъ бы вторженіемъ въ его компетенцію и категорически препятствовало В. Вондраку принять участіе въ веденіи этого дѣла. Правленіе отвергало предложенія

В. Вондрака выступить отъ лица Союза съ ходатайствами передъ военными учрежденіями, и наконецъ даже заявило, что если военная комиссія предприметъ соотвѣтствующіе шаги, то за такое превышеніе компетенціи будетъ лишена полномочій.

Такимъ образомъ вопросъ о созданіи войска оставался на точкѣ замерзанія въ теченіе девяти мѣсяцевъ.

ГЛАВА IV.

ПОБѢДА «МИЛИТАРИСТОВЪ». — ПЕРВЫЕ УСПѢХИ И НЕОЖИДАННАЯ НЕУДАЧА

12 апрѣля 1916 г. открылся въ Кіевѣ второй очередной съѣздъ Союза чехословацкихъ обществъ.

По заслушаніи докладовъ правленія и военной комиссіи съѣздъ намѣтилъ программу будущей работы Союза и, естественно, въ ней на первомъ мѣстѣ стояла та же задача, которая и раньше разсматривалась чехами, какъ краеугольный камень національнаго освобожденія: созданіе войска. На ряду съ этимъ стояли другія заданія, связанныя съ первымъ: освобожденіе военноплѣнныхъ, использованіе ихъ труда для военныхъ цѣлей, мобилизація всѣхъ чеховъ, способныхъ носить оружіе, пріуроченная къ моменту, когда того потребуетъ обстановка.

Для обезпеченія исполнительныхъ органовъ Союза постоянными матеріальными средствами было рѣшено ввести съ 1 апрѣля 1916 года обязательное обложеніе всѣхъ чеховъ и словаковъ, живущихъ въ Россіи, безъ различія подданства и рода занятій. Обложеніе было построено въ видѣ нѣсколькихъ налоговъ, которые въ суммѣ должны были составлять отъ 2 до 6% дохода каждаго лица.

Кромѣ того, была проведена единовременная подать на военныя нужды, въ видѣ поимущественнаго налога въ размѣрѣ отъ 1 до 6%.

Съ воодушевленіемъ было принято прочитанное на съѣздѣ привѣтственное письмо Т. Г. Масарика.

Мѣстопребываніе правленія Союза было перенесено изъ Петрограда въ Кіевъ. Новымъ предсѣдателемъ правленія былъ избранъ В. Вондракъ; такимъ образомъ была подчеркнута и оцѣнена его энергичная самоотверженная работа для достиженія національныхъ чешскихъ идеаловъ и для облегченія участи его соотечественниковъ военноплѣнныхъ.

Военная комиссія была преобразована въ военный отдѣлъ; руководителемъ его былъ избранъ Л. Тучекъ.

* * *

Менѣе чѣмъ черезъ полтора мѣсяца послѣ избранія В. Вондрака предсѣдателемъ правленія Союза — былъ представленъ Ставкѣ Верховнаго Главнокомандующаго детально разработанный проектъ формированія чехословацкихъ войсковыхъ частей.

Согласно этому проекту чехословацкое войско должно было подчиняться непосредственно Верховному Главнокомандующему и начальнику его штаба. Во время нахожденія на фронтѣ и въ тылу чехословацкія части подчиняются начальникамъ по указанію начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго. На правленіе Союза возлагается отвѣтственность за политическую благонадежность, нравственную безупречность и физическую пригодность зачисляемыхъ въ войско лицъ. Чехословацкое войско руководствуется уставомъ русской службы. Предусматривается ношеніе русской формы. Правленіе Союза выдаетъ всѣмъ чинамъ войска особые паспорта, съ момента полученія которыхъ воины пріобрѣтаютъ права русскихъ военнослужащихъ, а въ случаѣ непригодности для дальнѣйшаго несенія службы — права подданнаго союзнаго государства. Старшій начальникъ чехословацкаго войска, Воевода, назначается Верховнымъ Главнокомандующимъ; для руководства мобилизаціей чехословацкаго войска назначается особый офицеръ генеральнаго штаба, состоящій при правленіи Союза.

Къ этому проекту былъ приложенъ техническій планъ формированія.

Черезъ три дня послѣ подачи этого проекта В. Вондракъ

и Л. Тучекъ были приняты Государемъ въ Ставкѣ, въ Могилевѣ, причемъ Государь еще разъ подтвердилъ свое желаніе всемѣрно способствовать осуществленію чешскихъ національныхъ стремленій. Въ бесѣдѣ съ чешскими представителями Государь проявилъ живое участіе въ судьбѣ К. П. Крамаржа, который въ это время былъ австрійскими властями приговоренъ къ смерти. Государь выразилъ надежду, что австрійское правительство не рѣшится привести въ исполненіе этотъ приговоръ.

На другой день послѣ пріема В. Вондрака и Л. Тучека правленіе Союза получило увѣдомленіе, что Государь по докладу генерала М. В. Алексѣева одобрилъ въ основныхъ чертахъ проектъ созданія чешскаго войска.

Проектъ былъ отосланъ для окончательной разработки Главному Управленію генеральнаго штаба.

Въ іюнѣ же мѣсяцѣ Государю была представлена военнымъ министромъ Шуваевымъ докладная записка, касающаяся положенія плѣнныхъ славянъ.

Указывая на то, что еще 8 апрѣля Государь выразилъ согласіе на освобожденіе плѣнныхъ славянъ, генералъ Шуваевъ докладывалъ о необходимости, для сохраненія и укрѣпленія симпатій къ Россіи со стороны военноплѣнныхъ, освободить возможно скорѣе тѣхъ изъ военноплѣнныхъ чеховъ, которые уже на дѣлѣ доказали свою преданность Россіи, въ частности чиновъ 28 и 88 чешскихъ полковъ, добровольно перешедшихъ къ русскимъ, а также и вообще всѣхъ плѣнныхъ славянъ, за полную лойяльность коихъ ручаются легализованныя общества славянъ, а именно Союзъ чехо-словацкихъ обществъ, Русскій народный совѣтъ Прикарпатской Руси, равно какъ Всероссійское попечительство о плѣнныхъ славянахъ и др. Генералъ Шуваевъ считалъ возможнымъ освобождать славянъ и по индивидуальнымъ ходатайствамъ, въ томъ случаѣ, когда военное начальство, въ вѣдѣніи котораго они состоятъ, признаетъ ихъ этого достойными. Освобождаемымъ славянамъ предлагалось предоставить полную свободу передвиженія, за исключеніемъ района театра войны. Въ виду того, что большинство плѣнныхъ славянъ подверглось у себя на родинѣ конфискаціи имущества и даже не могло разсчитывать на возможность вернуться домой,

— генералъ Шуваевъ предлагалъ предоставить имъ право переходить въ русское подданство, не ожидая окончанія войны.

Учитывая, что большинство плѣнныхъ славянъ находится на работахъ въ предпріятіяхъ, обслуживающихъ нужды арміи, и немедленный уходъ ихъ съ работы отразился бы и на интересахъ военнаго снабженія, и на интересахъ хозяевъ предпріятій, — Шуваевъ предлагалъ обязать освобождаемыхъ плѣнныхъ оставаться на работахъ въ теченіе мѣсяца.

На этомъ докладѣ Государь 27 іюня (ст. ст.) собственноручно написалъ: «Согласенъ».

Чешскій военный проектъ задержался въ генеральномъ штабѣ полтора мѣсяца. Только 27 іюля онъ былъ посланъ обратно въ Ставку. Генеральный штабъ внесъ сравнительно второстепенныя измѣненія. При пріемѣ чиновъ войска на службу, физическая пригодность опредѣлялась не правленіемъ Союза, а особыми комиссіями. Было измѣнено предположеніе о чешскомъ языкѣ въ войскѣ. Признавалось ненужнымъ прикомандированіе къ правленію Союза особаго офицера генеральнаго штаба, и формированіе войска предполагалось поручить штабу Кіевскаго военнаго округа.

Въ самыхъ первыхъ числахъ августа В. Вондракъ снова отправился въ Ставку, чтобы подвинуть вопросъ объ окончательномъ утвержденіи проекта. Онъ попрежнему нашелъ самый благожелательный пріемъ, и 5 августа покидалъ Ставку въ полной увѣренности, что въ самые ближайшіе дни завѣтная цѣль будетъ достигнута.

Считая разрѣшеніе на формированіе войска и освобожденіе плѣнныхъ обезпеченнымъ, въ стремленіи не потерять ни одного дня, правленіе Союза еще въ концѣ іюля послало въ лагери для военноплѣнныхъ восемь своихъ представителей, поручивъ имъ произвести отборъ тѣхъ лицъ, которыя могли бы быть въ первую очередь освобождены поцъ поручительство Союза и зачислены въ войско.

И вотъ, совершенно неожиданно, послѣдовало распоряженіе генерала Бѣляева отъ 8 августа — безотлагательно прекратить снятіе военноплѣнныхъ славянъ съ какихъ либо работъ.

Распоряженіе это было мотивировано интересами военной промышленности.

А черезъ три дня, 11 августа, состоялось постановленіе «Особаго Совѣщанія для объединенія всѣхъ мѣропріятій по снабженію Арміи и Флота и организаціи тыла», слѣдующаго содержанія:

«Удостовѣреніе о приверженности къ Россіи военноплѣнныхъ славянъ со стороны славянскихъ обществъ считать недостаточнымъ въ смыслѣ обезпеченія благонадежности ими лицъ»...

Это означало полное крушеніе всѣхъ плановъ и разсчетовъ Союза...

***

Что же произошло? Каковы были тѣ явныя пружины и скрытыя теченія, которыя обусловили этотъ рѣзкій поворотъ?

Для того, чтобы это установить, нужно разобраться въ пестрой ткани взаимоотношеній чешскихъ дѣятелей, работавшихъ тогда въ Россіи, а также и тѣхъ отношеній, очень сложныхъ и порою измѣнчивыхъ, которыя существовали между отдѣльными чешскими группами и высшими органами русскаго правительства и командованія.

ГЛАВА V.

КІЕВСКІЕ «МИЛИТАРИСТЫ» И ИХЪ ПЕТРОГРАДСКАЯ ОППОЗИЦІЯ

До войны чешскія общества въ Россіи не имѣли сколько нибудь отчетливо выраженнаго политическаго лица. Въ Кіевѣ, въ частности, были чехи, которые слыли либералами и были близки по своимъ общественнымъ воззрѣніямъ къ русскимъ умѣренно-оппозиціоннымъ государственно-мыслящимъ кругамъ. Таковы были Вондракъ и Іиндржишекъ. Были съ другой стороны Дѣдина и Зивалъ, люди стараго закала, для которыхъ славянофильство отождествлялось съ самодержавіемъ русскаго Царя, люди, которые съ точки зрѣнія нашей предвоенной интеллигенціи вполнѣ заслуживали, наряду съ представителями ортодоксальной бюрократическо-дворянской идеологіи, званій «квасныхъ патріотовъ» и «зоологическихъ націоналистовъ», званій по тому времени очень обидныхъ, и только теперь, послѣ всего пережитаго Россіей, какъ будто получившихъ амнистію, да и то подписанную далеко не всѣми лидерами эмигрантской общественности...

Но передъ войной просвѣтительная и благотворительная дѣятельность чешскихъ обществъ просто не давала почвы для политическихъ разногласій и пререканій...

Дѣло должно было измѣниться, когда чехи, сплотившись въ единый союзъ, рѣшили взяться за выполненіе грандіозной задачи національно-*политическаго* характера... Но на первыхъ порахъ тотъ національный подъемъ, который заставилъ и рус-

скія политическія партіи забыть на короткое время взаимные счеты и притупить концы своихъ политическихъ мечей, — позволялъ и чешскимъ дѣятелямъ держаться въ сторонѣ отъ политическихъ споровъ, сосредоточивъ всѣ усилія на чисто конкретныхъ, практическихъ заданіяхъ. Горячка работы притупила личныя честолюбія и предубѣжденности... И тотъ же Дѣдина, не питавшій никакихъ симпатій къ воззрѣніямъ Вондрака, очень много поработалъ и для чешской дружины, и затѣмъ, въ качествѣ члена правленія кіевскаго общества, для достиженія общихъ чешскихъ задачъ — улучшенія правового положенія чеховъ и разрѣшенія чешскихъ формированій...

Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того какъ стали возникать все новыя и новыя трудности, которыхъ нельзя было взять штурмомъ патріотическаго чувства, а приходилось распутывать и побѣждать осторожнымъ разсчетомъ, когда каждый составилъ себѣ мнѣніе объ удѣльномъ вѣсѣ и о качествахъ окружавшихъ его людей, — положеніе должно было измѣниться.

Дѣятели и свидѣтели той эпохи, какъ и современные публицисты независимой Чехословакіи, касающіеся въ своихъ воспоминаніяхъ и сужденіяхъ событій того времени, — говорятъ о двухъ враждующихъ теченіяхъ, которыя имѣли будто бы мѣсто въ средѣ русскихъ чеховъ, и дѣлятъ ихъ на «кіевскихъ» и «петроградскихъ». Это не совсѣмъ вѣрно, скорѣе даже совсѣмъ невѣрно.

Политическія тренія были впервые внесены въ чешскую среду въ Россіи представителями чешской интеллигенціи изъ военноплѣнныхъ. Совершенно особенная роль принадлежитъ здѣсь чешскому журналисту Богдану Павлу, который былъ взятъ въ плѣнъ русскими войсками въ одномъ изъ первыхъ боевъ, попавъ въ Кіевъ, согласился помогать кіевскому Союзу въ его работѣ, а затѣмъ, переѣхавъ въ Петроградъ, основалъ тамъ газету «Чехословакъ». Редакція «Чехословака», пополнившись затѣмъ еще нѣсколькими лицами изъ военноплѣнныхъ, изъ коихъ наиболѣе активнымъ былъ Флоріанъ Заплеталъ, — и стала основателемъ, представителемъ и олицетвореніемъ «петроградскаго» направленія. Въ этомъ «петроградскомъ» направленіи собственно чешская колонія Петрограда была почти что

не при чемъ, поскольку вообще приходится объ общественныхъ явленіяхъ крупнаго масштаба говорить, намѣчая главныя линіи и опуская отдѣльныя исключенія (какъ въ данномъ случаѣ напр. Юрій Клеманда).

Названіе газеты «Чехословакъ», въ противовѣсъ кіевскому «Чехословану», т. е. «Чехославянину» — должно было служить русскимъ чехамъ какъ бы укоромъ въ неумѣренномъ русофильствѣ, въ забвеніи своихъ, чисто чешскихъ интересовъ. Здѣсь, въ редакціи «Чехословака», сгущалась и вырабатывалась та психологія, которая позволила потомъ, послѣ русской революціи, обвинить чешскихъ патріотовъ въ измѣнѣ національному дѣлу, въ рабской покорности «царизму» и его слугамъ, и это обвиненіе закрѣпить, развить и разукрасить уже на почвѣ освобожденной Чехословакіи, фундаментъ независимости которой былъ построенъ усиліями и патріотическимъ подъемомъ «неумѣренныхъ русофиловъ»...

Конечно, и представители «петроградскаго» направленія не скупились на изъявленія всеподданнѣйшихъ чувствъ, и въ этомъ отношеніи проявляли еще большее усердіе чѣмъ тѣ, противъ кого они боролись, можетъ быть именно потому, что чувства эти были поддѣльны и примѣнялись въ чисто «инструментальномъ» порядкѣ — съ цѣлью заслужить расположеніе офиціальныхъ круговъ. Можетъ быть именно потому Павлу и выступилъ на московскомъ съѣздѣ въ февралѣ 1915 года съ деклараціей монархическихъ чувствъ чешскаго народа, тогда какъ Вондракъ, желая сохранить по отношенію къ своему народу полную лойяльность и воздержаться отъ такъ или иначе связывающихъ и обязывающихъ заявленій отъ имени націи, — настаивалъ на необходимости предоставить вопросъ о государственномъ устройствѣ будущей Чехіи народному волеизъявленію...

Во время московскаго съѣзда 1915 года рознь двухъ теченій обнаружилась яснѣе всего на вопросѣ о способахъ созданія войска. Военной комиссіей былъ предложенъ прямой путь: добиваться у русскихъ властей освобожденія изъ лагерей тѣхъ военноплѣнныхъ, которые пожелаютъ вступить въ войско. Противъ такого плана горячо возражалъ Клеманда, упрекавшій

составителей проекта въ излишней «милитаристичности»: они «хотятъ гнать на убой слишкомъ много чешской молодежи, за что народъ позднѣе могъ бы привлечь русскихъ чеховъ къ отвѣтственности»...

«Антимилитаристичное» теченіе осталось въ огромномъ меньшинствѣ. Выступленіе Клецанды съ очевидностью показываетъ, что теченіе, къ которому онъ принадлежалъ, можетъ быть названо петроградскимъ только въ кавычкахъ. Петроградскіе чехи составляли очень значительную часть чешской дружины; одними изъ наиболѣе пламенныхъ вдохновителей вооруженной борьбы и создателей чешской дружины были петроградцы Ваврохъ и Рейманъ.

Надо сказать, что «петроградское » направленіе, которое впослѣдствіи добивалось для себя монополіи быть единомышленнымъ съ линіей Масарика и какъ бы представительствовать его идеи, — въ данномъ случаѣ пошло въ разрѣзъ съ мнѣніемъ Масарика въ такомъ основномъ и рѣшающемъ вопросѣ, какъ вопросъ вооруженной борьбы.

Въ бесѣдѣ своей съ Реймаиомъ 6 іюля 1916 г. въ Лондонѣ Масарикъ сказалъ, что чешскіе колонисты въ каждой странѣ имѣли свои особыя задачи, и задачей русскихъ чеховъ — была организація военнаго движенія.

Въ рѣчи своей въ Петроградѣ, 12 сентября 1917 года, Масарикъ заявилъ: «Наше войско я считаю нашимъ радикальнѣйшимъ политическимъ дѣйствіемъ противъ Австріи, нашей революціей»...

Послѣ того какъ на кіевскомъ съѣздѣ 1916 года предсѣдателемъ Союза чехословацкихъ обществъ былъ избранъ Вондракъ, Бенешъ выразилъ свое удовлетвореніе побѣдой активной части русскихъ чеховъ, видя въ ея линіи солидарность съ активной программой заграничнаго Національнаго Совѣта, — въ противовѣсъ пацифистскому «петроградскому» направленію.

Можетъ быть на съѣздѣ 1915 года Юрій Клецанда и его единомышленники вели себя такъ потому, что имъ неизвѣстно было тогда значеніе, которое придавалъ Масарикъ принципу вооруженной борьбы. Во всякомъ случаѣ для нихъ было существенно выступить защитниками интересовъ массы военно-

плѣнныхъ. Съ демагогической точки зрѣнія ихъ позиція была весьма благодарна. Они утверждали, что нужно добиваться освобожденія военноплѣнныхъ изъ лагерей независимо отъ желанія или нежеланія ихъ вступить въ войско. Вѣроятно, они сами понимали, что ихъ точка зрѣнія вредна для успѣха военныхъ формированій, но имъ важно было сыграть на популярность, пріобрѣсти среди массы военноплѣнныхъ обаяніе народныхъ трибуновъ, для того чтобы использовать затѣмъ свое вліяніе въ борьбѣ съ противниками.

Они прекрасно учитывали, что въ огромной массѣ военноплѣнныхъ чеховъ далеко не всѣ — герои, рвущіеся въ бой, что наоборотъ, большинство на сторонѣ несознательныхъ и пассивныхъ, и они заняли позицію трибуновъ этого большинства, предвидя, что при голосованіи количество важнѣе качества.

Если бы «петроградское» и «кіевское» теченія были теченіями среди *русскихъ* чеховъ — то поведеніе «петроградцевъ» заслуживало бы самаго суроваго осужденія. Оправданіе для «петроградцевъ», конечно субъективное, а не объективное, — въ томъ, что это теченіе было создано военноплѣнными. Здѣсь просто существовало коренное различіе психологій. Конечно, смѣшны и нечестны были обвиненія въ томъ, что «кіевскіе», а мы можемъ сказать — вообще русскіе чехи интересы «царской бюрократіи» ставили выше національныхъ чешскихъ задачъ. Но русскіе чехи, тѣсно соприкоснувшіеся съ русской культурой и жизнью, душой постигшіе русскую душу, — не отдѣляли и тѣмъ болѣе не противополагали русскихъ и чешскихъ интересовъ, и, заглядывая въ историческое будущее, не могли таить въ себѣ ничего того, что опредѣляется французскимъ словомъ reserves. Вспомнимъ первую же рѣчь В. Вондрака на многолюдномъ собраніи чеховъ въ Кіевѣ 27 іюля 1914 года, — гдѣ онъ совершенно твердо заявилъ, что для чеховъ мыслимъ одинъ единственный путь: вмѣстѣ съ Россіей.

Совершенно иной въ самыхъ своихъ основахъ и глубинахъ была психологія представителей чешской интеллигенціи, очутившихся въ Россіи въ качествѣ военноплѣнныхъ. Большинство изъ нихъ было воспитано на западно-европейскихъ идеяхъ формальнаго демократизма и соціализма. На Россію, при всей

симпатіи къ ней, они смотрѣли какъ на *средство* въ своей національной борьбѣ, которая для нихъ въ то же время являлась борьбой за демократическіе идеалы западнаго образца. Самодовлѣющая цѣнность Россіи въ ея историческимъ величіи была недоступна ихъ моральному взору. Они не хотѣли принять такъ сказать морфологію русскаго строя и жизненнаго уклада, какъ результатъ незыблемаго въ своей неизбѣжности историческаго процесса. Въ высшей степени показательнымъ представляется выраженіе одного изъ идеологовъ «петроградскаго» направленія Папоушка: «наша борьба противъ Габсбурговъ являлась одновременно борьбой противъ монархизма вообще».

Это чисто формальное отношеніе къ монархическому принципу, какъ еще неизжитому злу XX вѣка, обусловленное вліяніемъ западныхъ демократическихъ настроеній и неумѣніемъ подойти къ особенностямъ и свойствамъ русской жизни и исторіи, — хорошо извѣстно тѣмъ русскимъ, которымъ приходилось жить въ Чехословакіи.

Дѣятели «петроградскаго» направленія знали, что въ самомъ основномъ, въ своемъ отношеніи къ Россіи — они близки проф. Масарику, и потому не побоялись и въ дальнѣйшемъ, когда полностью выяснилась позиція Масарика въ пользу активной вооруженной борьбы всѣми средствами во что бы то ни стало, — выступать противъ принятаго на съѣздѣ 1915 года принципа обязательной службы въ чешскомъ войскѣ военноплѣнныхъ, освобождаемыхъ изъ лагерей. Этой цѣной они демагогически завоевывали авторитетъ и вліяніе среди массы военноплѣнныхъ. Они знали, что это ихъ вліяніе пригодится профессору Масарику, съ которымъ они въ нужную минуту найдутъ общій языкъ, и который охотно проститъ имъ тогда ихъ теперешнее *тактическое* расхожденіе съ директивами Масарика, нужное съ точки зрѣнія масариковской *стратегіи*.

Успѣхи чешской дружины на фронтѣ и политическіе успѣхи «милитаристовъ», а особенно блестящая работа военной комиссіи, во главѣ которой стоялъ В. Вондракъ, ослабили вліяніе петроградскихъ оппозиціонеровъ въ такой степени, что на выборахъ делегатовъ отъ петроградскихъ чеховъ на съѣздъ 1916 года — Павлу и Клеканду постигла неудача. Здѣсь — лишнее доказа-

тельство, какъ мало основаній имѣла редакція «Чехословака» отождествлять «петроградское» направленіе со своимъ собственнымъ. Только по настоянію предсѣдателя петроградскаго общества Чермака, угрожавшаго своимъ выходомъ изъ правленія Союза, были произведены перевыборы, и Клецанда и Павлу попали на съѣздъ.

На апрѣльскомъ съѣздѣ 1916 года, работа коего была въ общемъ весьма плодотворна, впервые сказались результаты демагогіи петроградскихъ политикановъ. На съѣздѣ выступила группа военноплѣнныхъ, подъ руководствомъ оберъ-лейтенанта австрійской службы Млчоха, будущаго организатора большевицкаго «путча» въ Прагѣ въ 1920 году. Подъ предлогомъ лойяльности по отношенію къ профессору Масарику Млчохъ выдвинулъ нелѣпое требованіе полной независимости чешскихъ формированій отъ русскаго военнаго командованія, и предложилъ раздѣлить всю чешскую работу на «акцію колонистовъ» и «акцію плѣнныхъ».

Это провокаціонное выступленіе было быстро ликвидировано и не отразилось на работахъ съѣзда. Въ немъ увидѣли лишь непріятный, но незначительный инцидентъ. На самомъ дѣлѣ оно было грознымъ предостереженіемъ...

* * *

Кіевскій съѣздъ 1916 года, на которомъ предсѣдателемъ правленія Союза былъ избранъ В. Вондракъ, явился рѣшительной побѣдой идеи вооруженной борьбы, идеи, представленной русскими чехами.

Потерпѣвшіе пораженіе оппозиціонеры еще усилили свою кампанію противъ строителей чешскаго дѣла. Они нашли себѣ вскорѣ союзниковъ въ ближайшемъ окруженіи правленія Союза.

Союзъ, добиваясь освобожденія изъ лагерей представителей чешской интеллигенціи, попавшихъ въ число военноплѣнныхъ, — бралъ ихъ «на поруки», содѣйствовалъ ихъ переѣзду въ Кіевъ и привлекалъ ихъ къ организаціонной работѣ. За 1916 годъ число этихъ сотрудниковъ Союза изъ среды военно-

плѣнныхъ возросло до 50 человѣкъ. Въ то время какъ нѣкоторая часть изъ нихъ добросовѣстно и горячо относилась къ своимъ обязанностямъ, помогая правленію Союза въ его патріотической работѣ, другая часть вскорѣ восприняла оріентацію петроградскихъ оппозиціонеровъ. Эта часть организовала «клубъ сотрудниковъ Союза», который вступилъ въ конспиративныя отношенія съ петроградскими политиканами. Клубъ сталъ проводникомъ петроградской интриги. Члены клуба, на обязанности коихъ лежали письменныя и личныя сношенія съ чехами на мѣстахъ, использовали эти возможности для агитаціи противъ руководителей Союза.

Позже, когда интриги клуба приняли явный характеръ, остальная часть сотрудниковъ правленія Союза также рѣшила организоваться, въ противовѣсъ «клубистамъ». Эти сотрудники 25 октября 1916 года образовали свою фракцію, которая ихъ врагами была названа «черной рукой». Въ отвѣтъ «клубисты» получили кличку «руки шпинавой» (грязной).

Документы этой эпохи даютъ замѣчательныя свидѣтельства о томъ, какъ патріотическая работа правленія Союза дискредитировалась его же «сотрудниками». Нерѣдки бывали случаи, когда на письма, получаемыя правленіемъ съ мѣстъ съ просьбой прислать тѣ или иныя свѣдѣнія или указанія, «сотрудники» вмѣсто того, чтобы отвѣтить по существу, что являлось ихъ служебной обязанностью, — отвѣчали частными письмами, въ которыхъ старались очернить самыхъ цѣнныхъ и безкорыстныхъ дѣятелей Союза, какъ напримѣръ, инженера Часека, одного изъ лучшихъ сотрудниковъ «Чехослована».

Вслѣдствіе интригъ «сотрудниковъ» долженъ былъ уйти отъ общественной работы первый знаменосецъ чешской дружины, котораго хорошо помнятъ многіе кіевляне, статскій совѣтникъ Гейдукъ, пятидесятисемилѣтній старикъ, который первымъ откликнулся на ратный призывъ къ освобожденію своей родины и пошелъ въ ряды бойцовъ...

Какими же средствами дѣйствовали петроградскіе и кіевскіе интриганы въ своей разрушительной работѣ?

Однимъ изъ наиболѣе благодарныхъ предлоговъ для агитаціи противъ правленія Союза былъ вопросъ о замѣщеніи

офицерскихъ вакансій въ чешскихъ войскахъ. Оппозиціонеры выступили въ защиту требованія чеховъ-офицеровъ австрійской службы о признаніи за ними права на офицерскіе посты и въ чешскихъ частяхъ.

Правленіе Союза считало, что патріотическій долгъ требуетъ вступленія подъ знамена всѣхъ гражданъ, способныхъ къ военной службѣ, независимо отъ того, какая служебная роль будетъ предоставлена каждому. Лица, предназначаемыя на командные посты, должны отвѣчать двумъ требованіямъ: обладать необходимой технической подготовкой и быть вмѣстѣ съ тѣмъ способными показать другимъ примѣръ исполненія національно-патріотическаго долга. И если званіе австрійскаго офицера свидѣтельствовало о пригодности даннаго лица по первому пункту, то со вторымъ требованіемъ это званіе не находилось ни въ какомъ сочетаніи, а иногда служило даже неблагопріятнымъ показателемъ. Наконецъ, если признать за чехами офицерами право на офицерскія мѣста въ чешскихъ частяхъ, создалось бы практически безвыходное положеніе, такъ какъ количество мѣстъ совершенно не соотвѣтствовало бы количеству претендентовъ.

Но тамъ, гдѣ затронуты личные интересы, люди рѣдко считаются съ соображеніями высшей справедливости и даже съ логикой вещей... И «офицерскій вопросъ» былъ широко использованъ врагами правленія Союза, старавшимися гдѣ возможно раздразнить личныя самолюбія и интересы во вредъ дѣятелямъ Союза.

Какъ упоминалось выше, кіевскій съѣздъ постановилъ ввести обязательное обложеніе всѣхъ чеховъ на нужды чешскаго движенія. И вотъ, проведеніе этого рѣшенія, которое для правленія, какъ для исполнительнаго органа съѣзда, являлось обязательнымъ, — дало поводъ «сотрудникамъ» осыпать правленіе каменнымъ дождемъ обвиненій въ злоупотребленіяхъ , въ отниманіи у бѣдняковъ послѣдней копѣйки, въ непроизводительныхъ тратахъ народныхъ денегъ. Финансовая сторона дѣятельности правленія, которую чехи на мѣстахъ, естественно, не могли наблюдать и провѣрять, дала широкую почву для безотвѣтственныхъ нападокъ и инсинуацій.

Если въ «офицерскомъ вопросѣ» работа враговъ Союза могла еще въ нѣкоторыхъ случаяхъ быть плодомъ добросовѣстнаго заблужденія, то обвиненія въ финансовыхъ злоупотребленіяхъ были завѣдомой клеветой. На «революціонномъ» съѣздѣ 1917 года, гдѣ хозяевами положенія явились распропагандированныя массы военноплѣнныхъ, гдѣ, наконецъ, было свергнуто ненавистное правленіе, — ревизіонная комиссія, состоявшая изъ его заклятыхъ недруговъ, принуждена была вынести слѣдующее заключеніе: «Что касается общаго веденія хозяйственныхъ дѣлъ, ревизіонная комиссія считаетъ обоснованнымъ предложеніе предоставить кіевскому правленію Союза въ финансовомъ отношеніи абсолюторіумъ, что она по уполномоченію съѣзда и рѣшаетъ, считая вмѣстѣ съ тѣмъ своимъ долгомъ съ благодарностью констатировать, что нѣкоторые члены бывшаго правленія Союза (Вондракъ, Іиндржишекъ, Гржманъ) возмѣщали изъ собственныхъ средствъ путевые расходы, которые они имѣли бы право поставить въ счетъ. Кіевъ, 4 мая (нов. ст.) 1917».

«Сотрудниками» широко были использованы въ качествѣ средства пропаганды также и инсинуаціи, касающіяся личности дѣятелей Союза. Такъ, Вондрака неоднократно обвиняли въ стремленіи къ «абсолютизму» тѣ, кто потомъ первые настаивали на провозглашеніи диктатуры Масарика.

Вглядываясь въ то упорство, съ которымъ «сотрудники» Союза работали для разрушенія своего же чешскаго дѣла, испытываешь желаніе до конца понять психологію этихъ людей. Какъ то не хочется вѣрить, что честолюбіе и личная непріязнь въ такой мѣрѣ затушевывали въ ихъ сознаніи и совѣсти интересы своего народа.

Приходитъ въ голову вопросъ, нельзя ли если не оправдать, то объяснить ихъ поведеніе — воздѣйствіемъ того общаго духа оппозиціонерства и фронды, который въ 1916 году сталъ быстро захватывать русское общество и даже въ значительной мѣрѣ армію, подъ вліяніемъ усталости отъ продолжительныхъ военныхъ усилій, углублявшейся отчужденности между бюрократическимъ аппаратомъ и обществомъ, грандіозной сплетни, свивавшейся вокругъ Царской семьи и запечатлѣнной недобрымъ

именемъ Распутина? Вѣдь для достиженія стоявшихъ передъ чехами задачъ правленіе Союза должно было находиться въ непрерывныхъ и по возможности дружескихъ сношеніяхъ съ органами власти, отъ которыхъ зависѣла судьба чешскихъ начинаній въ Россіи. И въ глазахъ массы, распыленной по мѣстечкамъ, колоніямъ, лагерямъ для военноплѣнныхъ, массы, всегда легко вѣрящей сплетнѣ и соприкоснувшейся съ легендой о предательствѣ Царицы и бюрократическихъ верховъ, — дѣятельность Союза въ ея же пользу и для общаго блага родины— могла представляться какимъ-то соучастіемъ въ мнимой измѣнѣ... Можетъ быть и многіе изъ «сотрудниковъ» были не чужды такимъ настроеніямъ. Но несомнѣнно, для нѣкоторыхъ изъ нихъ очерченная психологія большинства являлась только удобной почвой для сплетаемой ими интриги.

Изъ опубликованныхъ въ Прагѣ въ 1922 году писемъ члена редакціи «Чехословака» Заплетала къ одному изъ «сотрудниковъ» Союза Куделѣ мы видимъ, что если въ однихъ случаяхъ представлялось выгоднымъ обвинять дѣятелей Союза въ подчиненіи интересамъ «черносотенныхъ русскихъ властей», то въ другихъ случаяхъ неизбѣжныя несовершенства и затрудненія считалось возможнымъ объяснить діаметрально противоположными причинами. «Вондракъ имѣетъ непріятное прошлое въ своей дѣятельности на Украинѣ,*) — пишетъ Заплеталъ. — Здѣсь (въ Петроградѣ) это знаютъ, знаютъ его взгляды на Россію, знаютъ, къ чему онъ способенъ (?). А Вондракъ стоитъ во главѣ всего нашего движенія. Центральныя учрежденія это знаютъ, и относятся отрицательно къ такому предсѣдателю и къ такой организаціи, во главѣ которой стоитъ политически несчастный человѣкъ».

Письмо это написано 10 іюля 1916 года, т. е. въ ту эпоху, когда изъ всѣхъ чешскихъ дѣятелей Вондракъ пользовался наибольшимъ довѣріемъ, вліяніемъ и расположеніемъ русскихъ правительственныхъ органовъ и особенно Ставки.

---

*) Намекъ на оппозиціонную дѣятельность В. Вондрака въ качествѣ гласнаго волынскаго земства.

Нужно ли прибавить, что если бы отношеніе къ Россіи Павлу, Заплетала и его друзей было таково, какимъ было и есть отношеніе къ Россіи Вондрака, то интересы Россіи и Чехіи неизмѣримо выиграли бы... и въ прошломъ и въ будущемъ?

ГЛАВА VI.

I. I. ДЮРИХЪ

Враги правленія Союза нашли новое и очень сильное орудіе въ лицѣ прибывшаго лѣтомъ 1916 года представителя пражскихъ руководящихъ политическихъ круговъ, товарища предсѣдателя чешскаго заграничнаго Національнаго Совѣта, бывшаго чешскаго депутата въ австрійскомъ парламентѣ Іосифа Дюриха. Политическая судьба этого человѣка была поистинѣ трагична: онъ, самъ того не сознавая, явился въ рукахъ интригановъ тараномъ, нанесшимъ гибельный ударъ интересамъ дѣла, которому самъ онъ былъ искренно и до конца преданъ.

Чистосердечно считая, что онъ проводитъ свою линію для національнаго блага, Дюрихъ сталъ исполнителемъ чужихъ желаній, злой воли людей, совершенно чуждыхъ ему по психологіи, по духу и идеаламъ.

***

Обстоятельства поѣздки Дюриха заграницу рисуютъ ту атмосферу, мучительно напряженную, полную внѣшняго, искусственнаго мертваго спокойствія и внутренней тревоги, надежды и гнѣва, — въ которой жила Чехія и столица ея, золотая Прага, съ начала войны.

Дюрихъ въ своихъ мемуарахъ приводитъ распространенный тогда въ Прагѣ разсказъ. Намѣстника Богеміи кн. Туна спросили, читалъ ли онъ утреннія газеты. «Я не читаю газетъ, — отвѣтилъ Тунъ, — мнѣ достаточно посмотрѣть на улицу и если

я увижу, что кучки чеховъ собираются тамъ и сямъ, я уже знаю, что насъ побили на фронтѣ, и мнѣ этого довольно...» Но, конечно, ни въ разговорахъ, ни тѣмъ болѣе въ печати нельзя было проявлять своихъ настроеній и симпатій подъ угрозой обвиненія въ государственной измѣнѣ...

Въ напряженной, но еще несмѣлой надеждѣ, что конецъ войны окажется роковымъ для Австріи и принесетъ освобожденіе родной землѣ, — чехи прекрасно понимали всю важность заблаговременной политической работы въ этомъ направленіи, необходимость своевременно поставить въ извѣстность дипломатію державъ Согласія о своихъ національныхъ стремленіяхъ, для того чтобы отвѣтственные политики Европы въ своихъ разсчетахъ и соглашеніяхъ учли достаточно ясно и полно интересы народа, такъ долго ждавшаго своего освобожденія.

Это настроеніе и это убѣжденіе было, можно сказать, всеобщимъ, но разумѣется, особенно волновало чешскихъ политическихъ вождей, въ теченіе предшествующихъ лѣтъ и десятилѣтій работавшихъ для укрѣпленія чешскаго національнаго самосознанія и для защиты интересовъ народа — какъ въ чешской печати и въ австрійскомъ парламентѣ, такъ и на международномъ форумѣ.

Въ маѣ 1915 года покинулъ предѣлы Австріи одинъ изъ выдающихся чешскихъ дѣятелей проф. Масарикъ. Вскорѣ по прибытіи въ Швейцарію, проф. Масарикъ началъ работу по освѣдомленію Западной Европы о правахъ и стремленіяхъ чешскаго народа. Онъ завязалъ многочисленныя и тѣсныя связи съ политическими верхами Франціи, Англіи и Соединенныхъ Штатовъ.

Но ходъ и результаты работы Масарика оставались по понятнымъ причинамъ долгое время неизвѣстными въ Прагѣ. Кромѣ того, были особыя обстоятельства, заставлявшія думать, что врядъ ли дѣятельность Масарика можетъ распространиться и на Россію и оказать свое воздѣйствіе на русское правительство и дипломатическій міръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Прагѣ не могли ни надѣяться, ни даже предполагать той исключительно энергичной и талантливой работы по осуществленію общей національ-

ной цѣли, которую рѣшились и сумѣли начать и выполнить русскіе чехи.

Ощущалась необходимость поѣздки заграницу еще хотя бы одного полномочнаго представителя чешскаго народа, лица, которое могло бы предпринять широкую и планомѣрную политическую работу, и въ частности и въ особенности явиться авторитетнымъ выразителемъ и представителемъ народной воли въ глазахъ русскаго правительства.

Не легко и не каждый могъ получить разрѣшеніе властей на выѣздъ изъ Австріи. Нашелся все же одинъ изъ чешскихъ дѣятелей, который могъ разсчитывать, что ему удастся безъ особыхъ затрудненій предпринять заграничную поѣздку. Это былъ Іосифъ Дюрихъ. И его преклонный возрастъ — ему было уже 70 лѣтъ, и его положеніе и занятія, какъ спеціалиста по мукомольному дѣлу, — все это не давало основаній какимъ либо подозрѣніямъ со стороны австрійскихъ властей. Къ этому присоединялись и семейныя обстоятельства Дюриха: часть его семьи была заграницей, и желаніе старика поѣхать повидать больную дочь въ нейтральную, стоящую вдалекѣ отъ событій Испанію — казалось вполнѣ безобиднымъ.

Несмотря за безпокойство за судьбу членовъ семьи, оставляемыхъ дома, несмотря на предстоящія трудности далекаго путешествія, Дюрихъ былъ радъ взять на себя выполненіе работы, которая соотвѣтствовала его патріотическимъ идеаламъ и должна была привести къ ихъ воплощенію.

Прошло не мало времени, пока задуманная поѣздка была осуществлена. Всѣ разговоры и сношенія между отдѣльными чешскими дѣятелями должны были происходить съ величайшей осторожностью; затрудненія встрѣчались, очевидно, и въ изысканіи необходимыхъ средствъ.

Первыя подробныя бесѣды о своей поѣздкѣ Дюрихъ имѣлъ съ К. П. Крамаржемъ и А. Швеглой. Послѣ второй встрѣчи Швегла предупредилъ Дюриха, чтобы тотъ, въ видахъ осторожности, не приходилъ къ нему и ему не писалъ. Затѣмъ Дюрихъ нѣсколько разъ встрѣчался съ Крамаржемъ въ поѣздѣ, но Крамаржъ не возобновлялъ разговора о томъ, о чемъ вѣроятно, думали оба. Въ то время и стѣны вагона имѣли уши.

Только мѣсяца черезъ три послѣ предварительныхъ разговоровъ, Дюриха разыскалъ докторъ Пшемыслъ Шамалъ, сообщившій ему, что ему слѣдуетъ побывать у Крамаржа и у Шейнера, старосты соколовъ.

Крамаржъ принялъ Дюриха съ большой осторожностью. Онъ сдѣлалъ такъ, чтобы Дюрихъ засталъ его какъ бы невзначай, — когда онъ занятъ былъ съ архитекторомъ, строившимъ его новую градчанскую виллу. Прошло больше часа, пока Крамаржъ освободился и повелъ Дюриха въ садъ, гдѣ вручилъ ему деньги на поѣздку — 30 тысячъ кронъ. Коснувшись задачъ, къ исполненію которыхъ былъ призванъ Дюрихъ, Крамаржъ изложилъ свою точку зрѣнія по ряду вопросовъ общей политики. Дюрихъ вспоминаетъ, что, говоря о Россіи, Крамаржъ сказалъ ему съ необычайной силой и выразительностью: «работайте для великой славянской Имперіи»...

Покидая Прагу, Дюрихъ не получилъ ни отъ Крамаржа, ни отъ другихъ чешскихъ вождей — какихъ бы то ни было точныхъ инструкцій и директивъ. Да и понятно. Высшей цѣлью были національные идеалы, которые ощущались всѣми одинаково, остальное зависѣло отъ обстановки, оцѣнить которую было легче всего на мѣстѣ.

8 мая (нов. ст.) 1915 года Дюрихъ покинулъ Австрію. Однако прошло больше года, прежде чѣмъ онъ достигъ конечнаго пункта своей поѣздки — Петрограда.

Нѣкоторое время Дюрихъ задержался въ Швейцаріи. Здѣсь онъ видѣлся и бесѣдовалъ нѣсколько разъ съ профессоромъ Масарикомъ. Между прочимъ, онъ присутствовалъ на празднествѣ въ честь Яна Гуса, гдѣ выступали Масарикъ и знаменитый другъ Чехіи французскій профессоръ Дени.

Дюрихъ представился русскому посланнику въ Бернѣ и по его предложенію написалъ краткій меморандумъ о политическомъ положеніи Чехіи и просьбу о разрѣшеніи ему въѣзда въ Россію.

Въ началѣ 1916 года Дюрихъ переѣхалъ въ Парижъ. Здѣсь еще въ сентябрѣ 1915 года профессоръ Масарикъ по соглашенію съ Дюрихомъ учредилъ «Чешскій Національный Совѣтъ»; третьимъ членомъ Совѣта сталъ приглашенный Масарикомъ, съ

согласія Дюриха, на постъ генеральнаго секретаря Совѣта Эдуардъ Бенешъ, сравнительно очень молодой человѣкъ, всецѣло находившійся подъ вліяніемъ личности и взглядовъ Масарика; Масарикъ могъ быть вполнѣ увѣренъ, что Бенешъ во всемъ полностью будетъ проводить его взгляды и директивы.

Національный Совѣтъ, основанный двумя старыми политическими дѣятелями, выѣхавшими за предѣлы Австріи въ цѣляхъ политической работы съ вѣдома отвѣтственныхъ вождей чешскаго народа, — былъ единодушно признанъ всѣми чешскими обществами и группами Европы и Америки, какъ высшій идеологическій центръ національнаго самосознанія.

14 ноября (нов. ст.) 1915 года Національный Совѣтъ издалъ декларацію, въ которой заявлялъ, что патріотическіе интересы чеховъ и словаковъ требуютъ активнаго содѣйствія чехословацкаго народа вооруженной борьбѣ противъ Австро-Венгріи.

Національный Совѣтъ началъ изданіе газеты «Чехословацкая Независимость». Въ 8 номерѣ газеты Дюрихъ помѣстилъ обширную статью, въ которой объяснялъ, почему онъ покинулъ родину, заявлялъ, что чешскій народъ, оставаясь подъ владычествомъ Австріи, никогда не добьется осуществленія своихъ правъ, и призывалъ къ борьбѣ противъ австрійскаго ига.

Въ Парижѣ Дюрихъ познакомился съ французскими политическими дѣятелями, въ частности съ министромъ иностранныхъ дѣлъ Бріаномъ, который выразилъ ему, какъ и передъ тѣмъ Масарику, свою симпатію къ чешскому народу. Въ маѣ 1916 года прибыла въ Парижъ русская парламентская депутація. Дюрихъ присутствовалъ на пріемѣ ея парижскимъ муниципалитетомъ. Онъ былъ очень огорченъ рѣчью Милюкова, который, перечисляя народы, коимъ война должна принести освобожденіе, не упомянулъ о чехахъ. Возможность случайной ошибки со стороны Милюкова была повидимому исключена, такъ какъ онъ читалъ свою рѣчь, заранѣе составленную. Когда позже, въ Россіи, Дюрихъ дѣлился тогдашнимъ своимъ огорченіемъ, ему сообщили, что подобная же рѣчь Милюкова въ Москвѣ также не содержала упоминанія о чехахъ.

Болѣзнь помѣшала Дюриху выѣхать въ Россію немедленно

по полученіи разрѣшенія, и онъ прибылъ въ Петроградъ лишь въ началѣ іюля 1916 года.

Какова была роль Дюриха въ исторіи чешскаго движенія въ Россіи? Роль эта опредѣлялась, во-первыхъ, личными качествами самого Дюриха, во-вторыхъ —сложившейся къ его пріѣзду обстановкой.

Дюрихъ несомнѣнно одушевленъ былъ лучшими намѣреніями. Впитавъ въ себя завѣты старыхъ славянофиловъ, онъ искренно вѣрилъ въ Россію, какъ освободительницу славянъ, былъ преданъ идеѣ чешскаго возрожденія и готовъ былъ отдать всѣ свои силы для общаго славянскаго дѣла.

Но — по старости ли, или по свойству ума — онъ былъ безсиленъ не только увѣренно и отвѣтственно дѣйствовать, но даже просто разобраться и отдать себѣ отчетъ въ сложномъ сплетеніи политическихъ, и личныхъ взаимоотношеній. Онъ былъ неспособенъ гдѣ нужно распутать и гдѣ нужно — разрубить узлы, выбрать и твердо повести нужную нить. И вмѣсто того, чтобы стать и быть вождемъ, онъ запутался въ липкомъ кружевѣ интригъ и сталкивающихся интересовъ, какъ муха въ паутинѣ.

Онъ былъ безсиленъ и, что хуже всего, не сознавалъ своего безсилія.

Не приходится сомнѣваться въ личной честности Дюриха, и потому особенно удивительна его политическая близорукость и его полная слѣпота въ отношеніи нѣкоторыхъ фактовъ.

Можно кое-какъ понять, что пріѣхавъ въ Швейцарію, совершенно не зная еще о томъ, что дѣлается въ Россіи и не подозрѣвая о воодушевленной патріотической работѣ, которая кипитъ тамъ, ведомая мѣстными, въ особенности кіевскими, чехами, — боясь потерять каждое мгновенье, боясь упустить тѣ возможности, которыя чувствовались въ Россіи для чешскаго національнаго дѣла, — Дюрихъ писалъ въ своемъ докладѣ русскому посланнику о необходимости возможно скорѣйшаго установленія *прямыхъ* сношеній русскаго правительства съ *легальными* представителями чешскаго народа.

Но совершенно невозможно представить, какъ могъ этотъ человѣкъ въ 1921 году, когда періодъ борьбы окончился, когда

всѣ споры и страсти были въ прошломъ, находясь на покоѣ и подводя итоги пережитому, писать въ своихъ воспоминаніяхъ, что основанная имъ и Масарикомъ въ концѣ 1915 года газета «Чехословацкая Независимость» является *первымъ* чешскимъ революціоннымъ органомъ заграницей. Въ своихъ мемуарахъ онъ приводитъ цѣликомъ свою статью, написанную для этой газеты — какъ какой-то манифестъ чешскаго освободительнаго движенія, тогда какъ статья эта, сама по себѣ весьма симпатичная, — и по блеску и по ударности мыслей, и просто въ литературномъ отношеніи стоитъ гораздо ниже тѣхъ образчиковъ вдохновеннаго слова, которые печатались чешскими патріотами въ Россіи въ кіевскомъ «Чехослованѣ» съ самыхъ первыхъ дней войны.

Еще болѣе удивительнымъ, почти невѣроятнымъ, кажется утвержденіе Дюриха, что «уже 29 мая 1915 года вышло изъ подъ его пера первое официальное предложеніе о созданіи чешскаго войска въ Россіи, тогда, когда о томъ еще и не снилось тѣмъ, которые пріѣхали позже въ Россію собрать плоды его трудовъ, а потомъ въ своей внушающей сожалѣніе смѣлости зашли такъ далеко, что безчеловѣчнымъ образомъ отрицали его малѣйшее участіе въ созданіи славныхъ чешскихъ войскъ...»

Здѣсь Дюрихъ остріе своего чернильнаго жала направляетъ противъ профессора Масарика и его приближенныхъ. Но, набрасывая эти строки, какъ могъ почтенный патріотъ забыть, что 8 октября 1914 года выступила на фронтъ чешская дружина, и что 14 января 1915 года Іиндржишекъ, Вондракъ и Дѣдина докладывали Великому Князю Николаю Николаевичу проектъ образованія войска изъ военноплѣнныхъ?

Но можетъ быть предложеніе Дюриха отличалось какой-либо особой убѣдительностью, доказательностью или совершенствомъ технической разработки?

Вотъ этотъ проектъ, представляющій собой часть его записки министру Сазонову: «Намъ сообщаютъ, что чешскихъ военноплѣнныхъ въ Россіи свыше 100 тысячъ. Ихъ родственники просятъ о томъ, чтобы изъ этихъ плѣнныхъ были составлены чешско-русскіе полки, не взирая на послѣдствія для тѣхъ, кто бы снова очутился въ австрійскомъ плѣну».

И это все... И все таки Дюрихъ рѣшился считать себя творцомъ идеи чешской вооруженной борьбы. Здѣсь — добросовѣстное заблужденіе, повидимому. Но какова же могла быть въ кипящемъ котлѣ политическихъ событій роль человѣка, который способенъ такъ заблуждаться?

А между тѣмъ Дюрихъ считалъ себя и призваннымъ, и обязаннымъ быть вождемъ и даже диктаторомъ: онъ неоднократно указывалъ русскимъ чехамъ, что обстановка не позволяетъ принять «конституціонный» способъ веденія чешскаго дѣла...

ГЛАВА VII.

«КІЕВСКІЙ ПАКТЪ»

Совершенно понятно, что русскіе чехи, въ минуту, когда должна была рѣшиться судьба того начинанія, для котораго было уже затрачено столько напряженныхъ усилій, и когда пріоткрывались возможности дальнѣйшей, еще болѣе грандіозной работы, — не были склонны передавать безоговорочно веденіе всего дѣла Дюриху, и во всякомъ случаѣ хотѣли, чтобы Дюрихъ учелъ и считался съ тѣмъ, что и какъ было уже сдѣлано.

«Въ бесѣдахъ съ докторомъ Вондракомъ, — отмѣчаетъ Дюрихъ въ своихъ запискахъ, — я получилъ впечатлѣніе, что онъ слишкомъ выдвигаетъ значеніе выполненной Союзомъ работы и преувеличиваетъ уступки, сдѣланныя Союзу русскими властями, и что онъ слишкомъ ревностно стоитъ за сохраненіе въ рукахъ Союза веденія дѣлъ»... Представляя себѣ трудности момента съ одной стороны и личность Дюриха съ другой, — приходится придти къ заключенію, что Вондракъ былъ совершенно правъ въ своихъ опасеніяхъ за интересы того дѣла, которому онъ посвятилъ всѣ свои силы, свое молодое вдохновеніе, свой умъ и дипломатическій талантъ.

«Я допускаю, впрочемъ, — пишетъ далѣе Дюрихъ, — что я былъ до извѣстной степени предубѣжденъ противъ кіевскихъ чеховъ: кромѣ предостерегающаго голоса проф. Масарика, на меня могла подѣйствовать и тенденціозная информація г. г. Павлу и Чермака, закоренѣлыхъ недруговъ Кіева».

Чермакъ и Павлу пользовались довѣріемъ проф. Масарика,

и послѣдній сочувствовалъ тому, чтобы Дюрихъ оцѣнивалъ вещи и лица съ ихъ точки зрѣнія. Учитывая отсутствіе въ Дюрихѣ иниціативы и способности составить свое собственное сужденіе, проф. Масарикъ повидимому былъ увѣренъ, что Дюрихъ въ своей дѣятельности будетъ слѣпо слѣдовать его указаніямъ, подкрѣпляемымъ на мѣстѣ совѣтами Павлу и Чермака.

Сужденія Дюриха о невозможности «конституціоннаго» способа веденія дѣлъ встрѣтили полную поддержку проф. Масарика. Лѣтомъ 1916 года задачей Дюриха съ точки зрѣнія парижскаго Національнаго Совѣта было — обуздать слишкомъ увеличившееся вліяніе Союза, вырвать изъ его рукъ иниціативу и руководство чешскими дѣлами, которое тѣмъ самымъ перешло бы къ парижскому Національному Совѣту.

Такое заданіе совершенно соотвѣтствовало желаніямъ Дюриха, переоцѣнивавшаго свои силы. Дюрихъ не способенъ былъ понять, что если авторитетъ начальника въ рамкахъ служебной субординаціи можетъ покоиться на формальномъ моментѣ, то авторитетъ вождя, призваннаго выявлять и вести умственныя и духовныя теченія и стремленія, — долженъ быть оправданъ личными свойствами и данными, помимо формальнаго момента «народныхъ полномочій».

Русскіе чехи были поставлены въ трудное положеніе. И особенно отвѣтственнымъ было положеніе правленія Союза и предсѣдателя его В. Вондрака. Стушеваться, отойти на задній планъ — означало бы передать патріотическое дѣло въ слабыя и неспособныя руки. Объявить войну и игнорировать Дюриха — значило пойти наперекоръ парижскому Національному Совѣту, не признать полномочій посланца пражскихъ политическихъ круговъ, пренебречь тѣмъ авторитетомъ, которымъ располагалъ Дюрихъ, какъ офиціальный представитель чешскаго народа, въ глазахъ русскаго правительства, — однимъ словомъ, начать внутреннюю борьбу, вызвать новое дробленіе силъ, новые споры, новое недовольство русскихъ властей, и тѣмъ опять затормозить чешское національное дѣло.

Нежеланіе брать на себя отвѣтственность за новые раздоры и идти наперекоръ авторитету Національнаго Совѣта и проф.

Масарика — подсказало Вондраку и правленію Союза патріотическое рѣшеніе: уступить формальное руководство Дюриху и стараться путемъ личнаго воздѣйствія и помощи ему предостеречь его отъ ошибокъ и восполнить недостающую ему энергію.

Послѣ посѣщенія Ставки, въ началѣ августа 1916 года, Дюрихъ поѣхалъ въ Кіевъ, и тамъ состоялось такъ называемое «кіевское соглашеніе» между нимъ и правленіемъ Союза.

Придавая, очевидно, этому моменту существенное значеніе, проф. Масарикъ послалъ въ Кіевъ свое довѣренное лицо — поручика Штефаника, личнаго друга Бенеша, кооптированнаго въ составъ Національнаго Совѣта. Штефаникъ и выработалъ текстъ кіевскаго соглашенія, — послѣ долгихъ и нервныхъ переговоровъ какъ съ Дюрихомъ, такъ и съ представителями правленія Союза.

Существенная часть соглашенія заключала въ себѣ слѣдующее:

«Чехословацкій народъ испытываетъ абсолютное довѣріе къ Россіи, которая благородно проявила свою волю продолжать свое историческое призваніе: защищать и освобождать славянъ. Въ то же время чехословацкій народъ твердо вѣритъ въ искреннюю и дѣйственную симпатію къ его стремленіямъ, проявленную со стороны Франціи, Англіи и Италіи.

«Но прежде всего чехословацкій народъ глубоко убѣжденъ въ побѣдѣ своей національной идеи, ибо эта побѣда — неотъемлемая часть политики справедливости, на которой единственно можетъ быть построено равновѣсіе Европы.

«Святымъ долгомъ чеховъ и словаковъ, находящихся внѣ Австро-Венгріи, является дѣйственное участіе въ борьбѣ за національную независимость.

«Чехословацкія организаціи заграницей, насчитывающія до 2 милліоновъ членовъ, для этой цѣли основали и признали чехословацкій Національный Совѣтъ, который получилъ одобреніе со стороны всѣхъ компетентныхъ руководителей народа на родинѣ.

«Этотъ Совѣтъ, единственно отвѣтственный и компетентный, работаетъ въ самомъ тѣсномъ согласіи съ руководящими органами союзныхъ державъ и ихъ друзей.

«Въ виду распыленности чехословацкой стихіи и необходимости политическаго руководства, а также въ цѣляхъ повышенія активности вооруженной борьбы и всей политической работы, согласно съ волей заграничныхъ чеховъ и руководителей народа тамъ, за Карпатами, — изъ компетенціи чехословацкихъ организацій изымаются дѣла военныя и дѣла о плѣнныхъ, которыя передаются чехословацкому Національному Совѣту, какъ неотдѣлимая часть дипломатическо-политической работы.

«Товарищъ предсѣдателя чехословацкаго Національнаго Совѣта Іосифъ Дюрихъ, чешскій депутатъ, пріѣхалъ въ Россію и является представителемъ Національнаго Совѣта въ Россіи. Въ качествѣ такового онъ призванъ говорить отъ имени этого Совѣта и долженъ быть разсматриваемъ, какъ представитель въ Россіи чехословацкаго народа. Въ этихъ своихъ заданіяхъ онъ опирается на кругъ работниковъ, избранныхъ съ его согласія чехословацкимъ Національнымъ Совѣтомъ.

«Чехословацкія организаціи обязуются лойяльно помогать всѣми средствами чехословацкому Національному Совѣту въ осуществленіи его усилій.

«О финансовой сторонѣ всего дѣла заботится финансовая комиссія, подлежащая высшему надзору чехословацкаго Національнаго Совѣта».

Несмотря на расплывчатость идеологическихъ формулировокъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ и полное отсутствіе указаній о конструкціи того органа, на который долженъ «опираться» Дюрихъ и о взаимоотношеніяхъ его съ Союзомъ, — общій смыслъ документа совершенно ясенъ.

Соглашеніе было подписано 16 августа ст. ст., но еще 27 іюля Дюрихъ совершилъ актъ, который фактически свелъ на нѣтъ настойчивую и трудную работу Союза по созданію чешскаго войска. Безъ вѣдома и согласія Союза Дюрихъ поручилъ веденіе военныхъ дѣлъ генералу Червинкѣ.

Червинка поспѣшилъ добиться разрѣшенія прибыть въ Ставку, и 8 августа явился туда съ цѣлымъ арсеналомъ доносовъ на руководителей Союза. Что самое главное, Червинка выступилъ рѣшительнымъ противникомъ принципа всеобщаго набора

въ войско среди военноплѣнныхъ, принципа, принятаго съѣздомъ и проводимаго правленіемъ Союза.

Это вмѣшательство Червинки совершенно измѣнило положеніе вещей, и если еще 5 августа генералъ М. В. Алексѣевъ сдѣлалъ В. Вондраку заявленія о предстоящемъ въ самое ближайшее время окончательномъ принятіи проекта правленія Союза, — то черезъ нѣсколько дней всѣ карты были спутаны.

Въ дальнѣйшемъ въ силу хода событій Ставка оказалась какъ бы въ сторонѣ отъ вопроса о созданіи чешскаго войска, и судьба этого важнѣйшаго патріотическаго чешскаго дѣла перешла въ руки инстанцій и лицъ, не способныхъ ни душой понять смыслъ чешскихъ начинаній, ни умомъ оцѣнить ихъ значеніе...

ГЛАВА VIII.

«РОССІЯ И ЕВРОПА»

Нельзя сколько-нибудь вѣско судить объ отношеніи русскаго правительства къ чешскому дѣлу, если не учесть значенія личности профессора Масарика. И въ томъ поворотѣ, который приняли чешскія дѣла въ августѣ 1916 года, Масарику принадлежитъ особая и можетъ быть рѣшающая роль.

До мая мѣсяца 1917 года Масарикъ жилъ въ Лондонѣ, но съ конца 1915 года вліяніе его стало чувствоваться въ Россіи, многое направляло и многое опредѣляло. И можетъ быть именно то, что онъ присутствовалъ незримо, — придавало его личности какой то особый ореолъ.

Обстоятельство, что Масарикъ былъ единственнымъ изъ крупныхъ чешскихъ политическихъ дѣятелей, очутившимся заграницей почти съ самаго начала войны, и та энергія, съ которой онъ развернулъ въ Западной Европѣ пропаганду въ пользу чешской національной идеи, — поставили его на пьедесталъ идеолога и руководителя чешской политическо-дипломатической работы въ международномъ масштабѣ. Русскіе чехи не могли игнорировать его авторитета. Они съ первыхъ же дней войны, совершенно самостоятельно и независимо отъ Масарика, находившагося тогда еще въ предѣлахъ Австріи, развили кипучую дѣятельность, направленную къ осуществленію національнаго идеала. Но именно высота ихъ патріотическаго подъема обусловила для нихъ возможность и необходимость, независимо отъ какихъ либо личныхъ или партійныхъ убѣжденій и симпатій,

сдѣлать все для сплоченія всѣхъ чешскихъ патріотовъ вокругъ единаго знамени.

И во всѣхъ своихъ сношеніяхъ съ русскими политическими дѣятелями, въ бесѣдахъ съ министрами и военачальниками, на Высочайшей аудіенціи, — представители русскихъ чеховъ не уклонялись отъ прямыхъ заявленій о признаніи ими Масарика вождемъ чешскаго освободительнаго движенія.

Это не могло не возбудить въ русскихъ правительственныхъ кругахъ особаго интереса къ личности Масарика. Правительство справедливо считало въ данномъ случаѣ недостаточными отзывы чеховъ, — ибо они представляли лишь сужденія о роли Масарика въ данный моментъ, а не обдуманную и полновѣсную оцѣнку его личности и работы въ цѣломъ.

Богатымъ и безпристрастнымъ источникомъ освѣдомленія о Масарикѣ являлась его литературная дѣятельность, и въ частности и въ особенности его капитальный двухтомный трудъ «Россія и Европа», появившійся въ свѣтъ въ 1913 году. Цензурный экземпляръ этой книги былъ переданъ министерству иностранныхъ дѣлъ. Въ 1916 году еще два экземпляра книги были выписаны изъ Швейцаріи.

Съ точки зрѣнія царскаго бюрократа и, что безконечно важнѣе, просто съ точки зрѣнія русскаго патріота — не въ пользу профессора Масарика говорила эта книга.

* * *

«Германія, которой въ русской революціи принадлежала роль полицейскаго устроителя и финансирующей силы, создала цѣлую литературу о ней въ связи съ государственнымъ банкротствомъ Россіи. Это были теоретическіе проекты того разрушенія Россіи, за которое во время міровой войны Германія взялась практически».

Такъ пишетъ акад. П. Б. Струве въ своихъ «Размышленіяхъ о русской революціи» («Русская Мысль», 1921).

Книга Масарика, принадлежащая перу славянина, можетъ претендовать на почетное мѣсто въ циклѣ этой литературы.

Масарикъ противополагаетъ Россію Европѣ; онъ разсма-

триваетъ ихъ какъ два явленія, въ основѣ своей противорѣчащія одно другому, по природѣ одно другому враждебныя. При этомъ онъ выступаетъ, какъ убѣжденный западникъ, видя въ русской самобытности, въ основахъ русскаго духовнаго склада — преграду и препятствіе для міровой цивилизаціи. Эта преграда съ его точки зрѣнія можетъ и должна быть преодолѣна путемъ революціи, «переворота отъ основанія». Въ своей книгѣ онъ анализируетъ и характеризуетъ рядъ представителей русской интеллигенціи и даетъ имъ положительную или отрицательную оцѣнку сообразно съ тѣмъ, какъ они относятся къ революціи.

Особенно тщательно и пристально всматривается Масарикъ въ Достоевскаго. Не въ первый разъ пишетъ Масарикъ о немъ. По свидѣтельству знатока чешской культуры и исторіи и друга чешскаго народа, французскаго профессора Дени, Достоевскому посвящены «самыя впечатляющія страницы, какія мы находимъ у Масарика». Но если въ писаніяхъ своей молодости Масарикъ преклонялся передъ духовностью и моральной высотой Достоевскаго, то въ этомъ своемъ трудѣ, отражавшемъ и выражавшемъ уже сложившееся міросозерцаніе человѣка и ученаго, — онъ почти причислилъ Достоевскаго къ «черносотенцамъ».

Масарикъ отрицаетъ русскую государственность, отрицаетъ цѣнность исторически сложившихся формъ русскаго государственнаго бытія. И если для предшествовавшихъ царствованій онъ еще признаетъ «смягчающія вину обстоятельства», находитъ мимоходомъ въ нихъ иногда свѣтлую сторону, то царствованіе послѣдняго русскаго Монарха въ его глазахъ сплошь окутано мракомъ и ужасомъ. Слѣдуя примѣру и воспринимая образъ мыслей русскихъ революціонеровъ эмигрантовъ, онъ готовъ поставить въ вину Царю тѣ вещи, которыя совершались помимо его воли, за предѣлами его вѣдѣнія, какъ напримѣръ несчастье на Ходынскомъ полѣ. Въ своемъ осужденіи русскаго государственнаго строя Масарикъ поднимается до пафоса: «Знаетъ ли Царь обо всемъ, что дѣлается его именемъ, или не знаетъ? Тысячами подписывая смертные приговоры, отдаетъ ли онъ себѣ отчетъ, что значатъ эти страшныя цифры? И этотъ Царь созвалъ гаагскій мирный конгрессъ!»

Въ другомъ мѣстѣ Масарикъ пишетъ: «Начинается бѣлый терроръ, который является методомъ правительства Николая II противъ революціи. Перо возмущается при описаніи злодѣйствъ этого ужаснаго правительства... Можно сказать безъ преувеличенія, что погромы и казни по приказанію военныхъ и полевыхъ судовъ, мученія въ тюрьмахъ и при слѣдованіи къ мѣстамъ ссылки, самая грубая жестокость и тиранія, многочисленныя самоубійства въ тюрьмахъ, болѣзни, эпидеміи и голодъ — отстранили страхъ смерти. За первый годъ конституціи, отъ октября 1905 до октября 1906 года — при погромахъ, въ стычкахъ, при разныхъ столкновеніяхъ потерпѣли физическія поврежденія 22.721 человѣкъ».

И далѣе: «Правовой анархизмъ, который наступилъ послѣ революціи, лежитъ на совѣсти правительства и его полиціи. Офиціальное воспитаніе массъ обусловило общую недѣйствительность репрессій, проводимыхъ правительственными органами, излюбленнымъ орудіемъ которыхъ были въ теченіе многихъ десятилѣтій ложь и преступленія, — взрастило нынѣшнее поколѣніе экспропріаторовъ и сдѣлало звѣрское хулиганство бѣдствіемъ всей страны». «Правительство Царя-папы, который свои права получаетъ отъ Бога, который не хочетъ отдать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ Думѣ, а только Богу, — пользовалось для обезпеченія безопасности царской особы убійцей Азефомъ даже послѣ того, какъ его преступныя дѣйствія были открыты обществу и прибиты на доску». «Учтемъ, что это значитъ, если царизмъ для борьбы съ революціей приноситъ въ жертву своихъ собственныхъ и при томъ выдающихся людей (Великій Князь Сергѣй). И Азефъ не первый, Азефъ знаменуетъ систему»...

Масарикъ отрицаетъ православіе, какъ духовную и культурную цѣнность. Въ теченіе всей своей дѣятельности въ предѣлахъ Австрійской имперіи Масарикъ боролся съ католицизмомъ. Другіе славянскіе дѣятели въ Австріи стояли въ *политической* оппозиціи католицизму, поскольку церковь являлась проводникомъ австрійскихъ государственныхъ централистическихъ тенденцій. Масарикъ же, помимо политической стороны вопроса, разсматривалъ всегда католическую церковь, какъ организмъ, построенный на духовномъ порабощеніи массъ

и препятствующій духовному развитію народа. Однако, католичество рисуется Масарику все же въ болѣе привлекательномъ свѣтѣ, чѣмъ православіе. «Римскій католицизмъ все таки больше заимствовалъ отъ науки и отъ новаго міропониманія» — пишетъ Масарикъ («Россія и Европа», II томъ, стр. 681). Русская церковь представляется ему «въ основѣ непрогрессивной и реакціонной». Предпочтеніе, которое отдаетъ Масарикъ католицизму передъ православіемъ, связано, очевидно, съ извѣстнымъ преобладаніемъ раціонализма въ западной церкви по сравненію съ восточной. Масарику органически ненавистенъ мистицизмъ, ирраціонализмъ, въ особой степени свойственный русскому православію, придающій русскому церковному бытію и укладу особую прелесть, отвѣчающую запросамъ русской души. Съ самоутверждающей гордостью «европейца» подходитъ Масарикъ къ русскому православію, внимательно разглядываетъ его, но самый подходъ ученаго, расцѣнивающаго и классифицирующаго явленія съ точки зрѣнія философской доктрины, все внѣ этой доктрины стоящее заранѣе отрицающаго, — ограничиваетъ его поле зрѣнія, дѣлаетъ его близорукимъ, не позволяетъ ему прозрѣть глубины, увидѣть сущность...

Характеризуя православіе, Масарикъ обращается къ воспоминанію о своемъ посѣщеніи русскихъ святынь, когда сопровождавшій его монахъ, крестившійся и кланявшійся передъ каждой иконой, проявлявшій на каждомъ шагу признаки благочестія и отрѣшенности отъ міра, долго удерживалъ его своимъ разговоромъ, желая, будто бы, какъ въ концѣ концовъ утверждаетъ Масарикъ, получить «бакшишъ»... Вмѣсто характеристики чертится каррикатура....

Масарикъ отрицаетъ идею славянской солидарности, и притомъ отрицаетъ въ двухъ направленіяхъ. Онъ считаетъ ее и практически неосуществимой, и теоретически не выдерживающей критики. О первыхъ славянофилахъ онъ замѣчаетъ, что «ясность и опредѣленность не были ихъ отличительными свойствами», а позднѣйшіе славянофилы, по его мнѣнію, превращаются въ «зоологическихъ націоналистовъ и патріотовъ». Славянскій вопросъ трактуется имъ съ почти высокомѣрнымъ пренебреженіемъ: «Въ Россіи, — пишетъ онъ, — есть дѣйстви-

тельно очень много отставныхъ генераловъ и офицеровъ, которые часто, чтобы убить время, занимаются такъ называемой славянской политикой».

По мнѣнію Масарика, русскій панславизмъ переоцѣнивается въ Европѣ. Съ его точки зрѣнія въ самой Россіи нѣтъ почвы для панславизма. «Если при Николаѣ II, — говоритъ онъ, — былъ провозглашенъ въ качествѣ офиціальной программы паназіатизмъ, то эта программа болѣе отвѣчаетъ дѣйствительному положенію вещей, чѣмъ программа панславизма».

Антипатія автора книги къ панславянской идеѣ чувствуется ясно въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ говоритъ о сепаратизмѣ славянскихъ народовъ:

«Отдѣльные славянскіе народы были именно самостоятельными народами, а не племенами, какъ нѣмцы, которые были разъединены лишь въ государственномъ отношеніи, а не въ отношеніи языка и культуры... Число славянскихъ народовъ и языковъ было увеличено тѣмъ, что венгерскіе словаки письменнымъ языкомъ отдѣлились отъ чеховъ, и тѣмъ, что русины*) отдѣлились отъ великороссовъ и развернули самостоятельныя національныя усилія... Эта національная и языковая диференціація проявилась также до извѣстной степени у словинцевъ, которые при другихъ политическихъ условіяхъ могли бы свободно въ языковомъ отношеніи соединиться съ хорватами. Тотъ же процессъ диференціаціи мы наблюдаемъ въ развитіи языка хорватскаго и сербскаго; здѣсь также совершается на-

---

*) Русины — одна изъ транскрипцій русскаго національнаго имени, удержавшаяся на западныхъ этнографическихъ окраинахъ русскаго племени (другая подобная транскрипція, болѣе древняя — русичи). Въ Австріи съ извѣстнаго времени была тенденція, противопоставляя русиновъ — русскимъ, создать теорію о двухъ отдѣльныхъ народахъ. Въ устахъ нѣмцевъ такая ошибка была понятна, ибо они могли не знать, что слово «русинъ» есть существительное, которому соотвѣтствуетъ прилагательное «русскій». Но въ концѣ концовъ это поняли, и тогда была пущена въ ходъ «украинская» терминологія, гдѣ отсутствуетъ «русскій» корень. Если бы Масарикъ писалъ свою книгу сейчасъ, онъ несомнѣнно сказалъ бы вмѣсто «русины» — «украинцы».

ціональная диференціація подъ вліяніемъ различной государственной и церковной принадлежности, а также въ силу дѣйствія извѣстныхъ вліяній, вытекающихъ изъ географическаго положенія».

Въ своихъ сужденіяхъ о Западной Европѣ Масарикъ всюду и во всемъ отдаетъ предпочтеніе германскому міру передъ романскимъ.

Онъ находитъ очень мѣткимъ мнѣніе Герцена о томъ, что романскому міру «свойственна сила къ освобожденію, но отнюдь не къ свободѣ». «Въ Европѣ, — говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, — проблема декаданса и дегенераціи стоитъ на порядкѣ дня, и особенно это относится къ Франціи». «Всѣми признается, что анархизмъ болѣе распространенъ въ романскихъ земляхъ, чѣмъ въ Германіи. Испанія, Италія, Франція и особенно Россія — страны анархизма».

Нѣкоторыя мѣста книги Масарика не могутъ быть названы иначе, какъ германофильскими. Сочувственно излагая нѣкоторыя мысли и оцѣнки Шельгунова, Масарикъ пишетъ: «Онъ приходитъ къ заключенію, что тотъ «механическій порядокъ», который русскіе осуждаютъ въ нѣмцахъ, есть точность и опредѣленность понятій и нормъ; это мы находимъ только у народовъ протестантскихъ. Народы католическіе — безпорядочны, необузданы и начинаютъ составлять планъ своихъ дѣйствій тогда, когда слѣдовало бы уже дѣйствовать».

Изслѣдуя динамику народонаселенія Европы, Масарикъ приходитъ къ выводамъ: «Количество народонаселенія къ 2.000 году представляется такъ: Австрія — 54, Венгрія — 30, Германія — 165, Италія — 58, Франція — 64, Англія — 145, Европейская Россія — 400, съ Азіей — 500, Соединенные Штаты — 1195 милліоновъ... Будетъ ли еще существовать тройственный союзъ? Несомнѣнно численность его населенія будетъ для него по отношенію къ тройственному согласію гораздо болѣе неблагопріятной, чѣмъ теперь. Кто вѣритъ, что въ жизни народовъ рѣшающей является физическая сила, пусть утѣшается или огорчается этимъ подсчетомъ».

Здѣсь Масарикъ ставитъ точку — какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ многіе нѣмецкіе ученые и публицисты, опираясь на со-

вершенно тѣ же разсужденія, переходили къ проповѣди въ пользу превентивной войны.

Сужденія Масарика о русской государственности, о славянствѣ, о православіи — уже сами по себѣ показываютъ, каково отношеніе автора къ міросозерцанію Достоевскаго, которому удѣлено въ книгѣ такое исключительное вниманіе. Но, кромѣ того, въ самомъ началѣ книги Масарикъ говоритъ: «Трудъ мой самъ докажетъ, что анализъ Достоевскаго былъ примѣненъ для изученія Россіи не смотря на то, или пожалуй именно потому, что я самъ совершенно отрицаю подходъ Достоевскаго къ міру и къ жизни».

***

Содержаніе книги Масарика, запрещенной русской цензурой къ распространенію, стало извѣстно чешскимъ дѣятелямъ въ Россіи лишь въ 1916 году. И тогда вопросъ объ этой книгѣ сталъ предметомъ обсужденія въ чешской печати. Нѣкоторые чешскіе патріоты просто психологически отказывались вѣрить содержанію книги — до такой степени оно не вязалось въ ихъ сознаніи съ ихъ собственнымъ осмысливаніемъ вещей и съ ихъ представленіемъ о Масарикѣ, какъ о національномъ вождѣ. Въ этомъ отношеніи очень показательны статьи Луиса Тучека, виднаго дѣятеля Союза, одного изъ энергичнѣйшихъ организаторовъ чешской дружины. Считая, что вопросъ о личности Масарика имѣетъ громадное значеніе для чешскаго дѣла, Тучекъ ищетъ въ его книгѣ какой то «сокровенный смыслъ»; онъ вѣритъ самъ и старается увѣрить другихъ, что книга Масарика — это «мученическій трудъ», что будучи позитивистомъ, Масарикъ «бичуетъ» себя кантовской теоріей тѣмъ безжалостнѣе, чѣмъ явственнѣе онъ сознаетъ, что онъ безнадежно связанъ съ русской стихіей, что «русская душа — это онъ».

Мысли Тучека, внушенныя страстнымъ желаніемъ примирить непримиримое — свой національный идеалъ и столь расходящійся съ нимъ образъ вождя, — очень трогательны, но совсѣмъ не убѣдительны. И, конечно, правы были представители петроградской редакціи «Чехословака», интеллигенты изъ военно-

плѣнныхъ, сами раздѣляющіе во многомъ точки зрѣнія Масарика, которые высмѣивали Тучека, какъ человѣка qui cherche midi â quatorze heures.

Но, не ища въ книгѣ Масарика никакихъ «сокровенностей», редакція «Чехословака» отнюдь не считала нужнымъ и полезнымъ муссировать ея явный и подлинный смыслъ. И въ статьяхъ, посвященныхъ Масарику, редакція, оставляя въ сторонѣ его послѣднее произведеніе, широко пользовалась арсеналомъ его славянофильскихъ «грѣховъ молодости», относящихся къ эпохѣ 80-хъ и 90-хъ годовъ. Было, конечно, использовано и выраженіе западника и раціоналиста Дени о томъ, что «Масарикъ слишкомъ славянинъ». Очень кстати пришлось выступленіе въ австрійскомъ парламентѣ депутата Менгера, назвавшаго Масарика измѣнникомъ.

***

Масарикъ съ своей стороны дѣлалъ все возможное, чтобы загладить хотя бы отчасти неблагопріятное впечатлѣніе, которое произвела въ русскихъ политическихъ кругахъ его книга, изданная наканунѣ войны въ Германіи, на нѣмецкомъ языкѣ, и встрѣченная въ Германіи съ удовлетвореніемъ; еще и въ 1917 году пангерманскій журналъ «Das grossere Deutschland» отзывался о ней, какъ о «можетъ быть самомъ геніальномъ и глубокомъ вкладѣ въ политическую литературу послѣднихъ лѣтъ».

Не пренебрегая никакими возможностями войти въ сношенія съ русскими офиціальными кругами, хотя бы самыми «черносотенными», Масарикъ за нѣсколько мѣсяцевъ передъ русской революціей принялъ предложеніе участвовать въ газетѣ Протопопова «Русская Воля». И здѣсь онъ сдѣлалъ заявленіе, мало вяжущееся съ его недавними сужденіями:

«Форма независимости чешскаго государства можетъ быть различна. Династія русскаго происхожденія была бы наиболѣе популярна. Возможно, оказалась бы достаточной персональная унія съ Россіей. Во всякомъ случаѣ долженъ засвидѣтельствовать, что всѣ наши политическія партіи настроены опредѣленно русофильски. Подтверждаю это потому, что было от-

крыто заявлено, будто бы моя книга о Россіи была направлена противъ Россіи. Это не такъ: моя книга направлена вообще противъ абсолютизма, но теперь не время спорить о внутреннихъ русскихъ вопросахъ, и если такіе люди, какъ Крапоткинъ, Плехановъ, Бурцевъ и др. защищаютъ Россію, мы можемъ присоединиться къ нимъ съ открытымъ сердцемъ. Во всякомъ случаѣ, мы хотимъ предоставить Россіи иниціативу во всѣхъ славянскихъ вопросахъ. Если бы Россія признала болѣе цѣлесообразнымъ дать чехамъ нерусскую династію, мы должны были бы, однако, настаивать, чтобы это не была династія нѣмецкая...»

На своей публичной лекціи въ Парижѣ въ мартѣ 1916 года Масарикъ, въ полное противорѣчіе съ тѣмъ, что было имъ высказано въ его книгѣ, призналъ возможность и желательность всеславянской федераціи, и на заданный ему вопросъ, представляетъ ли славянство единый организмъ, рѣшительно отвѣтилъ въ утвердительномъ смыслѣ.

Наконецъ, любопытно отмѣтить разговоръ Масарика съ Дюрихомъ, разсказанный послѣднимъ въ его воспоминаніяхъ, когда Масарикъ весьма непочтительно выразился о себѣ, какъ объ авторѣ своей книги... Къ сожалѣнію, это раскаяніе Масарика относилось не къ содержанію книги, а къ тому непоправимому ущербу, который нанесла она его вліянію въ Россіи...

ГЛАВА IX.

РУССКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И ЧЕХОСЛОВАЦКІЙ ВОПРОСЪ

Разбираясь въ документахъ эпохи, можно слѣдующимъ образомъ характеризовать общую линію, опредѣляющую отношеніе русскихъ властей къ чешскому національному движенію и проблемѣ созданія самостоятельнаго чехословацкаго войска.

Національныя чаянія чеховъ встрѣчали полное признаніе и сочувствіе всюду: и у войсковыхъ начальниковъ, и въ петроградскихъ центральныхъ органахъ, и на высотѣ престола. При этомъ не было никакихъ тенденцій посягнуть на права чеховъ добиваться и творить независимо и самостоятельно свою государственность.

Идея созданія чешскаго войска сама по себѣ также встрѣчала полное одобреніе и симпатіи и въ Петроградѣ, и особенно въ высшемъ военномъ центрѣ — въ ставкѣ Верховнаго Главнокомандующаго.

Затрудненія и задержки имѣли своимъ источникомъ соображенія международно-политическія. Неувѣренность въ томъ, кто станетъ у руля будущей чешской государственности, опасенія — небезпредметныя и небезпричинныя, связанныя съ вопросомъ, какое мѣсто займетъ Чехословакія въ послѣвоенной европейской констелляціи, — были тѣми тормазами, которые стопорили правительственный аппаратъ при обсужденіи и разрѣшеніи чешскихъ дѣлъ.

При этомъ какъ общее явленіе можно замѣтить, что поли-

тическія опасенія тревожили гораздо больше петроградскія учрежденія, чѣмъ военачальниковъ арміи, которые, непосредственно соприкасаясь на мѣстахъ съ настроеніями чеховъ, наглядно представляя себѣ ихъ положеніе въ лагеряхъ, отчетливо понимали, что промедленіе грозитъ непоправимымъ ущербомъ моральному состоянію чеховъ, а психологическій моментъ во всемъ этомъ начинаніи является рѣшающимъ. Сказанное относится въ особенности къ генераламъ Ходоровичу и Брусилову.

Генералъ Н. А. Ходоровичъ, занимавшій должности начальника штаба, затѣмъ помощника главнаго начальника и наконецъ, съ весны 1916 года, главнаго начальника Кіевскаго военнаго округа, и такъ много сдѣлавшій для облегченія формированія чешской дружины и для улучшенія быта военнопленныхъ въ своемъ округѣ, — писалъ въ январѣ 1917 года въ генеральный штабъ: «Не мало чешскихъ и словацкихъ плѣнныхъ, изъ которыхъ предполагалось формировать добровольческія части, и среди которыхъ несомнѣнно наблюдался высокій подъемъ духа, постепенно впадаютъ въ какое то безразличное, апатичное настроеніе, а намѣченные для службы офицеры, къ коимъ въ настоящее время еще присоединяются и прибывающіе съ румынскаго фронта бывшіе сербскіе офицеры, чехи и словаки, проводятъ цѣлые мѣсяцы въ бездѣйствіи, и, занимая предназначенныя для формированія войскъ помѣщенія, являются скорѣе излишнимъ бременемъ, чѣмъ тѣмъ воодушевленнымъ, полезнымъ для общаго дѣла матеріаломъ, каковымъ они сдѣлались бы при другихъ условіяхъ».

Генералъ А. А. Брусиловъ въ декабрѣ 1916 г. представилъ въ штабъ Верховнаго Главнокомандующаго составленную ген. Дитерихсомъ записку, въ которой просилъ принять мѣры для облегченія участи военнопленныхъ славянъ. Описывая печальное положеніе славянъ въ различныхъ лагеряхъ, Брусиловъ высказываетъ слѣдующія соображенія: «Все это не соотвѣтствуетъ тѣмъ радужнымъ надеждамъ, съ какими славяне сдавались русскимъ. Подъ вліяніемъ этой горечи разочарованія, подогрѣваемой нѣмецкой подпольной пропагандой, у славянъ является сомнѣніе въ искренности торжественныхъ обѣщаній

Верховнаго Главнокомандующаго. На такихъ откалывающихся славянъ нѣмцы указываютъ, какъ на примѣръ австрійскихъ славянъ, ненавидящихъ Россію, неспособныхъ оцѣнить Россію и русское великодушіе, а это, конечно, ожесточаетъ русскихъ, — и рознь среди славянъ достигнута. Лишь самые крѣпкіе духомъ находятъ достаточно силъ остаться вѣрными Россіи».

Неудовлетворительное положеніе плѣнныхъ славянъ трудно, впрочемъ, поставить въ упрекъ центральнымъ правительственнымъ учрежденіямъ. Вина лежала на мѣстномъ начальствѣ — комендантахъ лагерей и ихъ помощникахъ, строевыхъ офицерахъ, часто преклоннаго возраста, лишенныхъ политическихъ горизонтовъ, переобремененныхъ работой, не имѣющихъ ни времени, ни способности присмотрѣться и разобраться въ человѣческомъ матеріалѣ, въ живыхъ душахъ, судьба которыхъ зависѣла отъ нихъ.

Центральныя учрежденія, какъ уже было отмѣчено выше, дѣлали съ своей стороны распоряженія, во многомъ облегчающія положеніе славянъ; слишкомъ трудно было контролировать и слѣдить за тѣмъ, чтобы директивы добросовѣстно примѣнялись на мѣстахъ.

Что касается нежеланія центральныхъ властей зачислять въ строй чеховъ спеціалистовъ, работавшихъ на заводахъ, то здѣсь имѣли мѣсто соображенія государственной обороны. Это отмѣчаетъ и Дюрихъ въ своихъ запискахъ.

Военныя заслуги чешскихъ частей находили себѣ должную оцѣнку со стороны войсковыхъ начальниковъ. Цѣлый рядъ приказовъ по корпусамъ и дивизіямъ отмѣчаетъ доблестную службу чешскихъ частей, развѣдывательныхъ партій и отдѣльныхъ чиновъ. Еще въ декабрѣ 1915 г. Военный Совѣтъ въ согласіи съ генеральнымъ штабомъ предоставилъ офицерамъ чешской дружины всѣ права русскихъ офицеровъ.

Радикальной мѣрой, способной въ корнѣ измѣнить положеніе чеховъ, представлялось только одно рѣшеніе — то рѣшеніе, котораго добивались все время чехословацкія организаціи: формированіе чешскихъ частей, куда былъ бы открытъ свободный доступъ всѣмъ желающимъ изъ среды военнопленныхъ.

Но на пути именно къ этому рѣшенію лежали очерченныя выше международно-политическія соображенія, связанныя съ опасеніемъ, что на первый планъ въ политической жизни будущей Чехословакіи выдвинутся такія теченія и фигуры, которыя не будутъ отвѣчать интересамъ русской государственности. Здѣсь, конечно, въ первую очередь рѣчь шла о личности профессора Масарика.

Сохранившіяся письменныя свидѣтельства о бесѣдахъ генерала Червинки и редактора «Чехослована» В. Ф. Швиговскаго съ камергеромъ Приклонскимъ, вѣдавшимъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ вопросами объ австрійскихъ славянахъ, — показываютъ, какъ велико было недовѣріе русскаго правительства къ проф. Масарику. О томъ же свидѣтельствуетъ секретная записка по чехословацкому вопросу, составленная Особымъ политическимъ отдѣломъ министерства иностранныхъ дѣлъ и датированная 6-мъ сентября 1916 года.

Записка эта вообще имѣетъ большую цѣнность въ качествѣ историческаго документа, характеризующаго отношеніе министерства иностранныхъ дѣлъ къ чешскому вопросу.

Въ первой части записки отмѣчается значеніе чехословацкихъ земель съ точки зрѣнія международно-политической. До войны эти земли служили транзитнымъ путемъ для распространенія германскаго вліянія на Балканы и въ Азію. Возрожденныя къ самостоятельному бытію, эти земли могутъ, наоборотъ, явиться барьеромъ, очень упорнымъ и устойчивымъ, противъ германской экспансіи на югъ и на востокъ. Авторы записки указываютъ, что это соображеніе уже воспринято правительствами Англіи и Франціи, такъ же какъ и нѣкоторыми политическими писателями этихъ странъ, и со стороны союзниковъ замѣчается тенденція подготовить себѣ опредѣляющую роль въ политикѣ будущаго чехословацкаго государства. Въ запискѣ высказывается мысль, что въ противовѣсъ этимъ стремленіямъ Россія должна взять строительство судебъ чехословацкаго государства въ свои руки; въ пользу этого приводятся слѣдующія соображенія: моральнаго порядка — традиціонное покровительство славянамъ; международно-политическаго порядка — созданіе

оплота противъ германскаго посягательства на области, въ коихъ исторически развивалось русское преобладающее вліяніе; внутренне-политическаго порядка — значеніе чешскихъ земель въ области отношенія Россіи къ польскому и украинскому вопросамъ; экономическаго порядка — высокій уровень обрабатывающей промышленности и сельско-хозяйственной техники.

Вторая часть записки, содержащая свѣдѣнія о возникновеніи чехословацкихъ организацій въ Россіи, объ ихъ составѣ и ихъ работѣ, — характеризуется рѣзко-отрицательнымъ отношеніемъ къ личности проф. Масарика. При этомъ недовѣріе къ Масарику переносится и на всѣхъ отвѣтственныхъ чешскихъ дѣятелей въ Россіи, которые будто бы, начиная съ первыхъ шаговъ ихъ политической работы, находились подъ вліяніемъ Масарика и поступаютъ во всемъ сообразно съ его директивами.

Наконецъ, послѣдняя часть записки, посвященная вопросу о практическихъ мѣропріятіяхъ для цѣлесообразнаго направленія чешскихъ дѣлъ, предусматриваетъ сведеніе на нѣтъ дѣятельности существующихъ организацій и предполагаетъ заново начать работу по формированію чешскихъ частей подъ ближайшимъ наблюденіемъ и контролемъ русскихъ властей и подъ непосредственнымъ руководствомъ вновь созданнаго органа изъ чеховъ, не возбуждающихъ никакихъ подозрѣній въ нелойяльности къ правительству, съ депутатомъ Дюрихомъ во главѣ.

Слѣдуетъ отмѣтить, что изложенная точка зрѣнія основывалась не только на строго-обособленныхъ интересахъ русской международной политики. Въ австрійскомъ парламентѣ Масарикъ былъ представителемъ самой малочисленной чешской партіи — реалистовъ, и авторы записки имѣли основаніе думать, что сложившаяся обстановка, поднявшая именно Т. Г. Масарика на хребетъ волны, — можетъ въ дальнѣйшемъ дать политикѣ будущей Чехословакіи тѣ уклоны и обороты, которые не соотвѣтствуютъ не только интересамъ Россіи, но и подлиннымъ настроеніямъ и стремленіямъ самого чехословацкаго народа.

Тѣ сужденія и предубѣжденія, коими запечатлѣна изложенная записка, сложились не сразу. Они росли постепенно,

по мѣрѣ того, какъ въ глазахъ русскихъ властей вырисовывалась опредѣляющая роль Масарика въ чешскомъ движеніи Къ концу 1916 года эти предубѣжденія выявились твердо и непоколебимо. Тѣнь Масарика закрыла собой чешское движеніе въ Россіи и его вождей.

Положеніе людей, стоявшихъ въ 1916 году во главѣ чешскаго національнаго дѣла, было поистинѣ трагическое. Конечно, они не раздѣляли мнѣній, выраженныхъ проф. Масарикомъ въ его книгѣ; можетъ быть въ нѣкоторыхъ вопросахъ они занимали позицію прямо противоположную. Конечно, они знали, что Масарикъ — представитель самой малочисленной чешской политической группы. Но если не считать Дюриха, онъ былъ единственнымъ депутатомъ, котораго австрійцы выпустили заграницу, и съ этимъ поневолѣ приходилось считаться. Кромѣ того, слишкомъ хорошо было извѣстно стремленіе Масарика къ первенству и власти и его рѣшимость не остановиться ни передъ чѣмъ для достиженія своихъ цѣлей. Обстановка властно требовала — скрѣпя сердце, наперекоръ симпатіямъ и чувству, блюсти единство дѣйствія.

Наконецъ, — и можетъ быть, самое главное: были всѣ данныя за то, что Т. Г. Масарикъ отказался отъ многихъ прежнихъ позицій. Статьи его въ его парижской газетѣ «Чехословацкая Независимость», его публичныя выступленія, какъ напр. его знаменитая лекція въ Парижѣ въ мартѣ 1916 года, — съ очевидностью свидѣтельствовали о коренной перестройкѣ всего міросозерцанія Масарика. И русскіе чехи хотѣли вѣрить, что въ рѣшительный для судебъ родины часъ — Масарикъ дѣйствительно сталъ чешскимъ патріотомъ и славяниномъ.

Психологія чешскихъ дѣятелей въ Россіи не была не только оцѣнена, но и просто понята въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, руководимомъ преемниками С. Д. Сазонова. И въ упомянутой выше запискѣ поставлены на одну доску, въ качествѣ «креатуръ» Масарика, слѣпо ему повинующихся, и Вондракъ, и такія яица, какъ Павлу.

Между тѣмъ, Павлу и его политическіе друзья, будучи дѣйствительно такъ сказать психологическими креатурами Масарика, — внесли свою посильную лепту, свой клубъ душнаго

дыма въ ту ѣдкую пелену недовѣрія и недоброжелательства, которая окутывала постепенно Вондрака и «кіевское» правленіе Союза, возглавляемое имъ. Эти то люди, главнымъ образомъ изъ среды военноплѣнныхъ интеллигентовъ, болѣе «масариковцы», чѣмъ патріоты, группировавшіеся вокругъ редакціи «Чехословака», — очень хорошо понимали самоотверженную позицію дѣятелей Союза. Но тѣмъ съ большей энергіей они, въ своемъ стремленіи къ захвату власти, — всячески старались подорвать авторитетъ Союза и помѣшать работѣ чешскихъ патріотовъ — путемъ доносовъ русскому правительству и посредствомъ той агитаціи въ чешскихъ массахъ, которую мы отмѣтили выше.

Это была, такъ сказать, «оппозиція слѣва». Но существовала еще и оппозиція справа, центромъ которой являлось «Общество чешско-русскаго единенія» въ Кіевѣ. Дѣятелями его были съ одной стороны люди безпринципные, какъ Зивалъ, а съ другой стороны — люди честные по своимъ побужденіямъ, но безнадежно близорукіе и примитивные, какъ напр. Дѣдина; эти послѣдніе, ослѣпленные блескомъ русскаго великодержавія, неспособны были отдѣлить идею славянской солидарности отъ русскаго бюрократическаго аппарата. Узость ихъ политическаго кругозора не позволяла имъ мыслить идею чешскаго возрожденія отдѣльно отъ русской правительственно-административной организаціи. Для нихъ не существовали историческія, культурныя, соціальныя условія и различія.

Неудивительно, что эти люди, узкіе и крайне прямолинейные, съ величайшимъ недоброжелательствомъ относившіеся къ проф. Масарику, — весьма недовѣрчиво смотрѣли и на дѣятелей правленія Союза, видя въ ихъ концепціи, чеканно утверждающей идею чехословацкой независимости, — недружелюбіе къ Россіи и отчужденность отъ славянской идеи.

«Общество чешско-русскаго единенія», симпатичное по своимъ тенденціямъ для многихъ русскихъ бюрократовъ, сыграло свою роль въ походѣ противъ руководителей Союза чехословацкихъ обществъ. Представители общества дѣйствовали и путемъ личныхъ связей и вліяній, и путемъ официальныхъ выступленій. Радикальность ихъ позицій отчетливо выражена

въ ихъ обращеніи къ военному министру, уже въ январѣ 1917 года, гдѣ они, указывая, что вопреки волѣ Государя дѣло созданія чешскаго войска находится на мертвой точкѣ, — пишутъ: «До сихъ поръ эти идеи были осуществлены въ крайне незначительныхъ размѣрахъ... Какія препятствія затормозили исполненіе воли Его Величества Государя Императора, намъ точно неизвѣстно. Однако, не малая часть вины въ этомъ падаетъ на непонятныя дѣйствія лицъ, которыя случайно, благодаря умѣлой агитаціи на кіевскомъ съѣздѣ чешскихъ обществъ, были избраны ничтожнымъ большинствомъ во главу чешскаго движенія въ Россіи. Всѣ поступки и дѣйствія этихъ руководителей до того непонятны и вредны чешско-славянскому дѣлу, что ихъ можно объяснить только безграничнымъ честолюбіемъ или преслѣдованіемъ личныхъ цѣлей главныхъ виновниковъ хаоса, ими вызваннаго. Зная всѣ ихъ закулисные поступки и печальныя послѣдствія таковыхъ, считаемъ долгомъ высказать убѣжденіе, что нежелательныя тренія не прекратятся до тѣхъ поръ, пока не будутъ отстранены отъ руководящихъ ролей члены правленія чешскихъ обществъ Вондракъ, Тучекъ и Швиговскій»...

Это письмо съ полной ясностью характеризуетъ въ равной мѣрѣ и безпредметную огульность ведущихся нападокъ, и ту энергію, съ какой эти люди, движимые добросовѣстнымъ, но отъ этого не менѣе вреднымъ заблужденіемъ, — дѣйствовали противъ патріотовъ, творящихъ чешское національное дѣло.

Съ «Обществомъ единенія», немало потрудившимся для разъединенія какъ русскихъ, такъ и чеховъ, — вошелъ въ союзъ генералъ русской службы Червинка, который имѣлъ особое вліяніе въ генеральномъ штабѣ, и много поработалъ надъ дискредитированіемъ правленія Союза. Представляя собою человѣка политически безцвѣтнаго, будучи по существу лишь винтикомъ русской бюрократической машины, Червинка считалъ, что его положеніе чеха и вмѣстѣ генерала русской службы даетъ ему всѣ права и основанія добиваться, чтобы формированіе чешскаго войска было поручено ему. Еще въ 1915 году онъ выдвигалъ свой проектъ созданія войска въ противовѣсъ проекту Союза. Тогда его постигла неудача. Осенью

1916 года, благодаря поддержкѣ Дюриха, онъ одержалъ временную побѣду.

Вліяніе Дюриха и самый составъ генеральнаго штаба, въ которомъ засѣдали военные бюрократы, лишенные политическаго кругозора, — обусловили то, что въ генеральномъ штабѣ даже точка зрѣнія министерства иностранныхъ дѣлъ на чешскія дѣла казалась слишкомъ «либеральной». Здѣсь В. Вондрака и другихъ руководителей Союза разсматривали чуть ли не какъ измѣнниковъ. Объ этомъ съ достаточной наглядностью говоритъ докладная записка военному министру ген. Бѣляеву, представленная начальникомъ генеральнаго штаба ген. Аверьяновымъ 4 декабря 1916 года.

Въ этомъ докладѣ извращены и ретушированы самые существенные факты, характеризующіе дѣятельность и взаимоотношенія чешскихъ организацій.

«Союзъ чехословацкихъ обществъ, — объясняетъ Аверьяновъ, — являвшійся въ началѣ войны организаціей чисто благотворительнаго свойства, подъ вліяніемъ затѣмъ начавшагося въ предѣлахъ Австро-Венгріи освободительнаго движенія среди славянъ, пользующагося сочувствіемъ политическихъ круговъ Лондона и Парижа, — перешелъ къ политической дѣятельности.

«При этомъ упомянутый Союзъ подпалъ сразу подъ вліяніе чешскаго профессора Масарика, выѣхавшаго по возникновеніи войны въ Швейцарію, съ разрѣшенія на то австрійскаго правительства, но безъ всякихъ полномочій со стороны чешскаго комитета въ Прагѣ.

«Дѣятельность этого лица характеризуется министерствомъ иностранныхъ дѣлъ въ качествѣ весьма подозрительной, и притомъ явно враждебной интересамъ Россіи»...

Объективная исторія дѣятельности чешскихъ организацій въ Россіи совершенно отчетливо показываетъ, что въ ихъ работѣ «политическіе круги Лондона и Парижа» — были рѣшительно не при чемъ... Можно было какъ угодно отрицательно относиться къ личности и дѣятельности Масарика, но изображать его въ роли какого то самозванца — значило допускать болѣе чѣмъ неточность, поскольку его работа заграницей въ дѣлѣ пропаган-

ды идеи чехословацкой независимости встрѣчала горячее сочувствіе и признаніе какъ въ самой Чехіи, такъ и среди многочисленныхъ чешскихъ колоній Европы и Америки, о чемъ къ концу 1916 года были уже не только косвенныя свѣдѣнія, но и прямыя доказательства и свидѣтельства...

Мало того. Въ докладѣ Аверьянова содержатся клеветническія обвиненія правленія Союза въ томъ, что оно, «будучи по своимъ лѣвымъ политическимъ тенденціямъ» вреднымъ русскимъ политическимъ интересамъ, «развило въ этомъ направленіи и свою дѣятельность среди плѣнныхъ», обѣщая «содѣйствовать освобожденію лишь тѣхъ, кто будетъ проводить его политическіе взгляды и обязуется вносить правленію Союза національный налогъ» для составленія фонда, большая часть котораго предназначается «на развитіе дѣятельности Масарика»...

Характерно, что поскольку рѣчь шла о борьбѣ съ правленіемъ Союза, оппозиція и справа и слѣва — какъ это часто бываетъ — соединяли свои усилія.

Депутатъ Дюрихъ, находившійся въ первое время своего пребыванія въ Россіи подъ вліяніемъ «петроградской» оппозиціи, желая устранить Союзъ отъ «военной акціи», — поручилъ военныя дѣла генералу Червинкѣ.

И вмѣшательство Червинки, вооруженнаго авторитетомъ Дюриха, какъ «легальнаго» представителя чехословацкаго народа, — повело къ тому, что послѣ Высочайшей резолюціи 27 іюля, послѣ завѣреній, сдѣланныхъ В. Вондраку еще 5 августа, — черезъ нѣсколько дней предложенный Союзомъ проектъ пошелъ на смарку.

Правда, проектъ Червинки, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ представленъ, также не получилъ одобренія. Этотъ проектъ въ сущности сводилъ на нѣтъ идею самостоятельнаго чехословацкаго войска. Онъ предполагалъ организацію чешскихъ отдѣловъ русскихъ войсковыхъ соединеній, отдѣловъ, несущихъ службу на общемъ основаніи, принимающихъ обычную формулу присяги, съ русскимъ языкомъ въ командованіи и дѣлопроизводствѣ. Какое бы то ни было участіе чешской общественности въ организаціонной работѣ совершенно устранялось.

Генералъ Алексѣевъ, обладавшій и широкимъ политическимъ кругозоромъ, и непосредственнымъ чувствомъ правды, въ неоднократныхъ бесѣдахъ съ представителями чеховъ, особенно съ Вондракомъ, воспринявшій идею чешскаго освободительнаго движенія во всемъ ея размахѣ и глубинѣ, — еще 17 іюля выразилъ въ категорической формѣ свое довѣріе къ чистотѣ побужденій дѣятелей Союза и къ ихъ способностямъ, своей резолюціей: «Организацію войска предоставить исключительно Союзу чехословацкихъ обществъ въ Россіи».

Понимая, что одобреніе проекта Червинки нанесло бы ударъ престижу русской власти въ глазахъ чеховъ и ставило бы подъ угрозу весь смыслъ продѣланной до сихъ поръ работы и самаго принципа чешскаго войска, — генералъ Алексѣевъ писалъ въ своемъ отзывѣ о проектѣ, представленномъ Червинкой:

«Полное отстраненіе чехословацкихъ организацій отъ вопроса созданія войска означало бы по моему мнѣнію добровольно отказаться отъ самой главной и значительной черты намѣченныхъ формированій — ихъ національнаго характера, съ которымъ неотдѣлимо связанъ успѣхъ всего движенія. Только при условіи сохраненія этого фактора будетъ сохраненъ необходимый для успѣха движенія подъемъ духа, общность интересовъ и связанный съ ними въ смыслѣ качества и количества контингентъ добровольцевъ... Я полагаю, что не нужно точно придерживаться нашихъ уставовъ, потому что это условіе потребовало бы много времени для переобученія солдатъ, въ прочихъ отношеніяхъ уже совершенно подготовленныхъ... Не вижу никакой необходимости въ русскомъ командномъ языкѣ. Введеніе русской команды ослабило бы въ добровольческихъ частяхъ ихъ самое цѣнное свойство — національный характеръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ тотъ подъемъ духа, на который мы вправѣ разсчитывать при надлежащей организаціи движенія... Приказъ я предлагалъ бы редактировать слѣдующимъ образомъ: сформированныя чехословацкія части, по принесеніи присяги вѣрности Россіи и чехословацкому государству, направляются»...

Отзывъ генерала Алексѣева предотвратилъ ту роковую ошибку, которая была бы совершена одобреніемъ проекта

Червинки, — но Алексѣевъ не могъ добиться полнаго проведенія своей точки зрѣнія.

Послѣдовала новая задержка. Проектъ Червинки былъ отправленъ въ генеральный штабъ для переработки. Одержалъ верхъ принципъ «предоставленія вопроса всецѣло военному вѣдомству». Такимъ образомъ, правленіе Союза было лишено вліянія и отстранено отъ работы.

А черезъ нѣсколько дней, 16 августа ст. ст., оно принуждено было расписаться въ своемъ устраненіи путемъ заключенія «кіевскаго пакта» съ Дюрихомъ...

ГЛАВА X.

КАЛИФЪ НА ЧАСЪ

Разсчеты Масарика и Бенеша на то, что Дюрихъ во всей своей дѣятельности въ Россіи будетъ руководствоваться ихъ пожеланіями и инструкціями, не оправдались. Дюрихъ недолго былъ масариковскимъ «porte-parole». И личные взгляды и симпатіи Дюриха, и сложившаяся обстановка — толкали его на другіе рельсы. Дюрихъ съ одной стороны считалъ себя не менѣе компетентнымъ въ чешскихъ дѣлахъ въ Россіи, чѣмъ Масарикъ; съ другой стороны, убѣдившись, что имя Масарика является для русскихъ властей одіознымъ, онъ не видѣлъ по чистой совѣсти никакихъ основаній губить, или даже тормозить чешскія дѣла, добиваясь признанія его верховнаго авторитета. Никакихъ оппозиціонныхъ тенденцій по отношенію къ русскому правительству у Дюриха не было. Онъ находилъ неумѣстнымъ и невозможнымъ не только вести съ русскими властями какую бы то ни было борьбу, но даже противополагать ихъ точкѣ зрѣнія какія то свои условія и требованія.

И Дюрихъ круто измѣнилъ свою линію, когда понялъ и увидѣлъ, что изъ всѣхъ его званій — званіе товарища предсѣдателя парижскаго Національнаго Совѣта является для русскихъ властей наименѣе авторитетнымъ и пріятнымъ.

Надо отмѣтить, что нѣкоторое обоснованіе для своего поведенія Дюрихъ могъ найти и въ сужденіяхъ самого Масарика, который не разъ высказывалъ мысль, что для созданія чешскаго войска въ Россіи «слѣдуетъ идти на всѣ возможные компромиссы».

Въ моментъ заключенія «кіевскаго пакта» Дюрихъ полагалъ, что имъ создана твердая и благодарная почва для веденія чешскихъ дѣлъ, и что позиція его упрочена какъ въ глазахъ чеховъ, такъ и въ глазахъ правительства.

Очень скоро онъ убѣдился, что это не такъ.

«Былъ забытъ одинъ важный, собственно самый важный факторъ, — пишетъ онъ о «пактѣ» въ своихъ воспоминаніяхъ, — который единственно былъ способенъ провести заключенный договоръ въ жизнь. Это было русское правительство, которое тотчасъ же послѣ того, какъ «пактъ» былъ ему представленъ, наложило свое veto. Оно заявило, что не можетъ допустить, чтобы какое-либо заграничное учрежденіе имѣло рѣшающій голосъ во внутреннихъ дѣлахъ Россіи, къ тому же въ дѣлахъ военныхъ. Мнѣ было совершенно офиціально объявлено, что если бы я настаивалъ на «пактѣ», правительство не могло бы дальше вести со мной сношеній».

Вполнѣ понятно нежеланіе русскаго правительства признать руководящую роль находящихся внѣ Россіи органовъ и лицъ, или, какъ говорится въ докладѣ Аверьянова, допустить «созданіе у насъ дисциплинированнаго политическаго органа, послушнаго велѣніямъ заграничныхъ организацій, которыя могутъ воспользоваться имъ въ цѣляхъ, не совпадающихъ съ государственными интересами Россіи». Столь же естественной представляется возникшая въ противовѣсъ «пакту» мысль создать для руководства чешскими дѣлами центральный органъ, наличіе котораго, какъ это формулировано въ письмѣ генерала Бѣляева премьеру князю Голицыну въ январѣ 1917 года, — положило бы конецъ вредному дѣйствію «распрей и взаимныхъ нареканій, происходившихъ среди находящихся въ Россіи и принадлежащихъ къ различнымъ политическимъ теченіямъ чеховъ и словаковъ». Намѣреніе поставить во главѣ этого органа Дюриха также можно считать формально оправданнымъ. Но тотъ проектъ «Чешско-словацкаго Народнаго Совѣта въ Россіи», который былъ разработанъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ (при министрѣ Покровскомъ) и генеральнымъ штабомъ, — представлялъ собою образецъ бюрократической безвкусицы. Согласно этому проекту предсѣдатель Совѣта

назначается министерствомъ внутреннихъ дѣлъ по соглашенію съ министерствами иностранныхъ дѣлъ и военнымъ. Такимъ же путемъ могутъ быть во всякую минуту устранены члены Совѣта, изъ коихъ 6 назначаются предсѣдателемъ, а остальные 6 — правленіемъ Союза чехословацкихъ обществъ. Совѣтъ можетъ быть во всякое время закрытъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ по соглашенію съ военнымъ министерствомъ и министерствомъ иностранныхъ дѣлъ.

Независимо отъ вопроса, могъ ли Дюрихъ поступить иначе, — слѣдуетъ сказать, что онъ, согласившись на предлагаемую ему роль безъ малѣйшей попытки что либо измѣнить и отстоять, — нанесъ существенный ущербъ чешскому престижу и идеѣ чехословацкой независимости, знамя которой такъ высоко держали Вондракъ и возглавляемое имъ правленіе при всей ихъ преданности Россіи и лойяльности къ правительству.

Дюрихъ увѣряетъ въ своихъ запискахъ, что необходимость согласиться на сдѣланное ему предложеніе была признана представителемъ парижскаго Совѣта Штефаникомъ, тѣмъ Штефаникомъ, при посредничествѣ котораго былъ заключенъ «кіевскій пактъ». Дюрихъ даже приводитъ слова Штефаника: «Вы находитесь въ положеніи дѣйствительно трагическомъ. Если вы будете настаивать на кіевскомъ договорѣ, вы будете лишены возможности работать дальше для нашего народа, а если хотите работать для блага народа, то принуждены нарушить данное слово. Force majeure указываетъ на второе рѣшеніе. Мы (т. е. парижскій Совѣтъ) должны будемъ потомъ выступить противъ васъ съ какимъ-либо заявленіемъ, но будьте увѣрены, что мы не сдѣлаемъ ничего, что бы мѣшало вашей работѣ».

Если такое обѣщаніе было дано Штефаникомъ, то оно было нарушено самымъ рѣшительнымъ и жестокимъ образомъ. При дѣятельной поддержкѣ петроградской оппозиціи началась настоящая травля Дюриха, которая велась какъ устнымъ способомъ, такъ и письменнымъ путемъ, въ «Чехословакѣ». Дюрихъ обвинялся въ интригахъ противъ Масарика, въ расколѣ единаго фронта. Нѣсколько позже, когда революція принесла полную «свободу слова», «Чехословакъ» предъявилъ Дюриху еще и другія обвиненія, затрагивающія не только политическую,

но и личную его честь. Трудно сказать, была ли искренна редакція «Чехословака», толкуя піэтетъ Дюриха къ русскому правительству, какъ измѣну чешскому дѣлу, но надо полагать, что брошенныя ему обвиненія въ продажности «черносотеннымъ русскимъ властямъ» — были завѣдомо ложными.

Дюрихъ пробовалъ защищаться отъ взводимыхъ на него обвиненій, и 4 февраля ст. ст. 1917 года аппелировалъ къ Масарику телеграммой въ Лондонъ: «Штефаникъ и Павлу дѣйствуютъ отъ вашего имени противъ меня нелойяльно. Прошу ихъ дезавуировать, иначе принужденъ былъ бы подать въ отставку (изъ парижскаго Національнаго Совѣта).» Трудно судить, былъ ли Масарикъ настолько недоволенъ самымъ фактомъ организаціи «Чехословацкаго Народнаго Совѣта въ Россіи», что рѣшилъ не считаться болѣе съ Дюрихомъ, или же онъ находился подъ вліяніемъ инсинуацій, получаемыхъ имъ изъ Петрограда, — но во всякомъ случаѣ его отвѣтная телеграмма была составлена въ очень холодныхъ выраженіяхъ; Дюриху оставалось только написать, что Масарикъ плохо освѣдомленъ; онъ прибавилъ, что не можетъ пріѣхать въ Лондонъ, куда вызывалъ его Масарикъ для объясненій.

Позже, по представленію Штефаника (по крайней мѣрѣ, такъ считаетъ Дюрихъ), Дюрихъ былъ исключенъ изъ парижскаго Національнаго Совѣта. Вмѣстѣ съ тѣмъ Штефаникъ не постѣснялся подать на Дюриха обширный доносъ тому самому «черносотенному русскому правительству», подчиненіе волѣ котораго вмѣнялось Дюриху въ вину, какъ измѣна чешскому дѣлу.

Если Штефаникъ и петроградская оппозиція вели кампанію противъ Дюриха, какъ противъ лица, идущаго въ разрѣзъ съ линіей Масарика, — то оппозиція справа, въ лицѣ упоминаемаго выше «Общества чешско-русскаго единенія», предъявила Дюриху запоздалыя обвиненія въ подчиненіи Масарику и сотрудничествѣ съ «масариковцами». 16 января 1917 года это общество обратилось къ Дюриху съ обширнымъ письмомъ, содержавшимъ, между прочимъ, такіе упреки и требованія:

«Уже въ Парижѣ вы сдѣлали роковую ошибку, подчинившись, хотя бы только формально, тому направленію мысли,

которое еще до войны шло наперекоръ чувствамъ подавляющаго большинства чешскаго народа, направленію, которое развивало славянское дробленіе, сепаратизмы словацкій, украинскій, бѣлорусскій, внося невѣроятныя ссоры среди всѣхъ славянскихъ народовъ.

«Нынѣ же вы поддались вліянію людей, вызвавшихъ такое негодованіе въ средѣ чеховъ. Люди, которыхъ вы нынѣ публично приглашаете въ свои совѣтники, виновны въ томъ, что чешское дѣло застряло, и даже послѣ вашего пріѣзда за 7 мѣсяцевъ не двинулось впередъ.

«Мы считали долгомъ патріотизма подчиниться вамъ, но видя вашу слабость, ваше подчиненіе людямъ спорнаго (?) характера, опасаемся, что идя по этому пути, вы можете потушить еще болѣе пламень стремленія чеховъ принять посильное участіе въ роковой борьбѣ.

«Если у васъ не хватитъ силъ вырваться изъ плѣна лицъ не только неспособныхъ, но и недостойныхъ рѣшать великое наше дѣло, — то будетъ лучше, если вы, сознавая громадную свою отвѣтственность передъ чешскимъ народомъ, откажетесь отъ руководительной роли».

Не удовлетворившись этимъ письмомъ, направленнымъ непосредственно Дюриху, Общество чешско-русскаго единенія въ тотъ же день обратилось къ тогдашнему военному министру генералу Бѣляеву съ докладной запиской, содержавшей прямой доносъ на руководителей Союза Вондрака и Тучека, которые обвинялись въ «безграничномъ честолюбіи и преслѣдованіи личныхъ цѣлей»; эти лица, — утверждали авторы записки, — всячески препятствовали объединенію чешскихъ военныхъ силъ, руководимыхъ генераломъ Червинкой.

При этомъ даже недружелюбіе къ Дюриху отходило на задній планъ, и отвѣтственность за его неудачныя дѣйствія перелагалась на правленіе Союза. Въ докладной запискѣ говорилось, что съ пріѣздомъ депутата Дюриха руководители Союза «сперва хотѣли подчинить его своей волѣ, и когда это имъ не удалось, они всѣми способами стараются проникнуть въ его ближайшіе совѣтники, чтобы направлять его дѣйствія по руслу ихъ стремленій»...

Взаимоотношенія между Дюрихомъ и Союзомъ были уже довольно подробно охарактеризованы, и потому здѣсь достаточно сказать, что подлиннымъ чешскимъ интересамъ была бы принесена наибольшая польза именно въ томъ случаѣ, если бы Дюрихъ подчинялъ свою политику патріотическимъ цѣлямъ, вдохновлявшимъ работу Союза со времени его основанія, и если бы чешскій депутатъ сообразовался съ тѣмъ общимъ направленіемъ чехословацкихъ дѣлъ, по которому вели работу дѣятели Союза. Къ сожалѣнію, Дюрихъ былъ слишкомъ увѣренъ въ своемъ опытѣ и въ своей непогрѣшимости, чтобы руководствоваться добросовѣстными совѣтами Союза, и думая, что онъ поступаетъ по собственной волѣ и осуществляетъ собственныя рѣшенія, — подпадалъ подъ дѣйствіе постороннихъ вліяній, не имѣющихъ ничего общаго съ Союзомъ...

***

Но ни доносы слѣва, ни нападки справа не въ силахъ были измѣнить положеніе вещей. 11 февраля 1917 года «Положеніе о Чехо-Словацкомъ Народномъ Совѣтѣ въ Россіи» было утверждено, и Дюриху было предложено приступить къ организаціи Совѣта. Согласно «Положенію» шесть членовъ Совѣта должны были быть назначены Дюрихомъ, остальные шесть — Союзомъ. Двѣ недѣли медлило правленіе Союза съ назначеніемъ своихъ членовъ, и отвѣтную телеграмму на свой запросъ Дюрихъ получилъ лишь 2 марта, въ дни революціи. Союзъ избралъ своими представителями Паевскаго, Ждарскаго, Максу, Миллера, Орсага и Шнеппа. Дюрихъ съ своей стороны назначилъ Владимира Клеканду, Коничека, Краля, генерала Червинку, Швиговскаго и Шмидта.

Промедленіе съ отвѣтомъ Союза объяснялось тѣмъ, что его петроградская оппозиція долго упорствовала въ нежеланіи принимать какое бы то ни было участіе въ созданіи дюриховскаго Совѣта.

Революціонныя событія сдѣлали невозможной работу дюриховскаго Совѣта, дѣтища предреволюціонной бюрократіи. Уже 6-го марта правленіе Союза телеграммой заявило о томъ,

что оно отмѣняетъ сдѣланное имъ назначеніе своихъ представителей въ Совѣтъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ дѣятели парижскаго Національнаго Совѣта съ наступленіемъ революціи мгновенно забыли, что соглашеніе между правленіемъ Союза и Дюрихомъ было заключено не только съ ихъ согласія, но и подъ ихъ прямымъ давленіемъ. Уже упоминалось о томъ, какую роль въ заключеніи «кіевскаго пакта» сыгралъ Штефаникъ, довѣренное лицо профессора Масарика и близкій другъ Бенеша. Даже послѣ подписанія «пакта» органъ парижскаго Національнаго Совѣта «Чехословацкая Независимость» неодобрительно отзывался о слишкомъ будто бы самостоятельной позиціи Союза, лишь съ явной неохотой подчинившагося Дюриху. Въ номерѣ отъ 10 октября газета пишетъ: «Союзъ слишкомъ чувствовалъ себя правительствомъ. Наши соотечественники въ Россіи слишкомъ чувствовали себя государствомъ въ государствѣ, слишкомъ переоцѣнивали свой вѣсъ въ великомъ русскомъ государствѣ, слишкомъ «дѣлали политику» и какъ слѣдуетъ не отдавали себѣ отчета, что сейчасъ у насъ можетъ быть лишь одна политика: бороться всѣми силами; предоставить свои силы, какъ можно лучше организованныя, *безоговорочно* въ распоряженіе тѣхъ, кто сражается за наше будущее. До сихъ поръ мы не представляемъ собой государства, не можемъ имѣть правительства въ подлинномъ смыслѣ слова, не нуждаемся ни въ какомъ парламентѣ, ни въ какомъ представительномъ организмѣ. Къ счастью, нашлись вожди, избранные и посланные народомъ изъ дому, и та часть народа, которая живетъ сейчасъ заграницей, подчиняется этимъ вождямъ...»

Черезъ два мѣсяца, послѣ того какъ правленіе Союза до извѣстной степени примирилось съ возглавленіемъ чешской работы Дюрихомъ, видя въ этомъ хотя и плохой, но при данной обстановкѣ наилучшій выходъ, кіевскій «Чехослованъ» писалъ: «Для дальнѣйшей дѣятельной работы нужно, чтобы всѣ чешскія и словацкія организаціи сгруппировались и присоединились въ дружной работѣ къ единому центру — Союзу чехословацкихъ организацій въ Россіи, который можетъ успѣшно дѣйствовать лишь въ полномъ согласіи съ правомочнымъ и признаннымъ представителемъ народа депутатомъ Дюрихомъ, ставшимъ во

главѣ нашего движенія въ Россіи, совершенно такъ же, какъ проф. Масарикъ въ Западной Европѣ». И вотъ по поводу этихъ словъ Э. Бенешъ даетъ свой телеграфный отзывъ: «Статья въ номерѣ 35 «Чехослована» очень хороша и выясняетъ все».

Такова была позиція парижскаго Національнаго Совѣта въ тотъ періодъ, когда дѣятели его были увѣрены, что Дюрихъ находится подъ ихъ вліяніемъ и готовъ слѣдовать ихъ руководству.

Но какъ только обнаружилось, что Дюрихъ не оправдалъ ожиданій, подчинился требованіямъ русскаго правительства и безоговорочно принялъ предложенную ему роль въ подготовленной правительствомъ политической комбинаціи, — парижскій Національный Совѣтъ радикально измѣнилъ свои точки зрѣнія по самымъ основнымъ и существеннымъ вопросамъ.

Въ своемъ письмѣ отъ 31 декабря 1916 года (оно дошло по назначенію лишь 1 февраля 1917 года) Бенешъ какъ бы освобождалъ правленіе Союза отъ обязательствъ, вытекающихъ изъ «кіевскаго пакта»: «Мы не собираемся дезавуировать Дюриха. Если нельзя придти къ соглашенію, лучше было бы, если бы вы сами осуществили и сумѣли осуществить вашъ авторитетъ. Мы не хотимъ и не можемъ, какъ я уже сказалъ, выступить противъ Дюриха. Не можемъ открыто лишить его довѣрія, чтобы это не было использовано противъ насъ въ отношеніи русскихъ властей. Не хотимъ его исключать; онъ самъ будетъ нести и несетъ отвѣтственность за разногласія и промахи. Мы хотимъ свое лойяльное поведеніе додержать до конца».

9 января была получена телеграмма профессора Масарика, гдѣ онъ полностью отказывался отъ такъ недавно выраженнаго въ его офиціальномъ органѣ сужденія о ненужности какихъ бы то ни было представительныхъ органовъ: «Товарищъ предсѣдателя Національнаго Совѣта не можетъ создавать новаго Совѣта, а только его отдѣленіе для Россіи. Сожалѣю, что не былъ освѣдомленъ. Опасно, что члены назначаются правительствомъ. Дюрихъ также не долженъ назначать. Члены должны быть независимы и избраны существующими организаціями».

6 февраля Бенешъ послалъ правленію Союза телеграмму,

содержаніе которой значительно расходится съ только что полученнымъ его письмомъ: «Въ виду теперешняго положенія вещей и послѣднихъ событій сообщаемъ вамъ, что мы совершенно согласны съ Миланомъ (Штефаникъ). Пора это кончить. Поставлена на карту наша честь и все, что было достигнуто. Никоимъ образомъ не можемъ одобрить оппортунистическаго рѣшенія. Я только что пріѣхалъ изъ Лондона, гдѣ было принято окончательное рѣшеніе. Просимъ васъ поддержать Милана»...

Поддержка Штефаника должна была заключаться въ открытомъ выступленіи Союза противъ Дюриха, за что Штефаникъ обѣщалъ правленію Союза возстановленіе его компетенціи и признаніе за нимъ всѣхъ правъ, отъ коихъ оно отказалось «кіевскимъ пактомъ», заключеннымъ при содѣйствіи и по настоянію того же Штефаника, какъ представителя парижскаго Національнаго Совѣта.

Однако правленіе Союза, разъ признавши принципъ сотрудничества съ Дюрихомъ, не сочло возможнымъ мѣнять свою позицію. И конечно, въ данномъ случаѣ Союзъ дѣйствовалъ не изъ личныхъ симпатій къ Дюриху. Никакихъ причинъ для этихъ симпатій не было. Но руководители Союза понимали, что при данномъ положеніи вещей сотрудничество съ Дюрихомъ является наименьшимъ зломъ и изъ всѣхъ мыслимыхъ комбинацій даетъ больше всего шансовъ на успѣхъ дальнѣйшей патріотической работы и на окончательное разрѣшеніе основного вопроса о созданіи чехословацкаго войска. Эта задача, для достиженія которой было потрачено уже столько энергіи, времени и усилій, — представлялась дѣятелямъ Союза выполненіемъ ихъ долга передъ родиной, и если ради этого они нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ пошли на заключеніе «кіевскаго пакта», то тѣмъ болѣе теперь ихъ патріотическая совѣсть не позволила имъ ставить подъ угрозу успѣхъ дѣла изъ за попытки дискредитировать Дюриха въ глазахъ русскаго правительства и выдвинуть на первый планъ авторитетъ проф. Масарика, — попытки, успѣхъ коей былъ, помимо всего прочаго, болѣе чѣмъ сомнителенъ...

Конечно, поведеніе правленія Союза вызвало рѣзкое осужденіе со стороны петроградской оппозиціи. Замѣчательно, что

парижскій Національный Совѣтъ не счелъ нужнымъ ни разу съ того дня, когда Павлу и другіе начали свой походъ противъ кіевскаго правленія Союза,— воздѣйствовать на петроградскую оппозицію для того, чтобы охладить ея пылъ и облегчить положеніе правленія, которое должно было справляться не только съ трудностями своей непосредственной работы, но и съ препятствіями, возникающими вслѣдствіе внутреннихъ пререканій, а иногда и прямо враждебныхъ противъ него дѣйствій. И наоборотъ, правленіе Союза неоднократно получало указанія о необходимости считаться съ оппозиціей и блюсти единство, то единство, которое постоянно нарушалось съ противной стороны. Эти указанія, направленныя не по адресу, стали особенно часты послѣ революціи, когда петроградская оппозиція выступила съ открытыми обвиненіями и нападками какъ на Дюриха, такъ и на правленіе Союза. Еще 29 марта профессоръ Масарикъ телеграфировалъ Союзу: «Старайтесь возможно больше помочь мнѣ въ присоединеніи меньшинства къ работѣ. Оставьте ваши несогласія, которыя затрудняютъ нашу работу».

Такимъ образомъ на дѣятелей Союза была переложена отвѣтственность за пререканія и раздоры, возникавшіе исключительно по винѣ петроградской оппозиціи. Мало того. Немного позже послѣдовало уже откровенное выступленіе Бенеша, полностью согласовавшееся съ линіей петроградскихъ оппозиціонеровъ. Дюрихъ въ своихъ воспоминаніяхъ опубликовалъ примѣчательное письмо Бенеша къ своему брату, организатору чешскаго союза въ Америкѣ.

«Мы имѣемъ теперь доказательства, — пишетъ Бенешъ, — что дѣйствительно шла рѣчь о сепаратномъ мирѣ, а главное, что въ Петроградѣ бюрократія и черная сотня была противъ насъ, обвиняла насъ (Масарика и меня) въ непріязни къ Россіи; въ совѣтѣ министровъ было заявлено, что мы подкуплены западными державами и работаемъ во вредъ славянству. Источникомъ былъ Дюрихъ, который такъ говорилъ о насъ въ Петроградѣ, который держалъ себя вообще такъ гнусно, что не хватаетъ словъ для протеста. Онъ дошелъ до настоящихъ преступленій, потому что вступилъ въ союзъ съ чернѣйшими реакціонерами противъ насъ, дѣлалъ политику съ Коничекомъ, котораго и у

васъ знаютъ, и съ какимъ то Приклонскимъ, чиновникомъ министерства иностранныхъ дѣлъ, креатурой Протопопова, который симпатизировалъ мадьярамъ, и который обращалъ споры между нашими людьми во вредъ нашему дѣлу. А тотъ старый оселъ также пользовался этимъ для своихъ цѣлей. Онъ достигъ того, что благодаря Приклонскому получилъ изъ правительственныхъ средствъ 25.000 рублей (ранѣе была уже заплочена какая то меньшая сумма), что согласился на образованіе Народнаго Совѣта — вещь позорная, потому что онъ долженъ былъ подчиняться министерству внутреннихъ дѣлъ (Протопоповъ); ничего не должно было дѣлаться безъ рѣшенія министерства; туда должны были быть назначены Дюрихомъ шесть человѣкъ, и Дюрихъ ничего не долженъ былъ подписывать безъ вѣдома Приклонскаго. Изъ этого видно, какъ они продались, какая это была измѣна нашему дѣлу»...

Содержавшіяся въ письмѣ обвиненія Дюриха въ продажности были настолько же несправедливы, насколько были ложны слухи о томъ, что русское правительство готовилось заключить сепаратный миръ. Сужденіе о конструкціи проектированнаго Народнаго Совѣта было уже высказано раньше, но самый фактъ, что Совѣтъ долженъ былъ существовать на средства правительства — не заключалъ въ себѣ ничего унизительнаго и несовмѣстимаго съ достоинствомъ лицъ, тамъ участвующихъ, подобно тому какъ ничего зазорнаго не было въ субсидіи, получаемой Масарикомъ отъ англійскаго правительства.

Пренебрежительно-отрицательный отзывъ Бенеша о Коничекѣ столь же несправедливъ. Коничекъ былъ однимъ изъ видныхъ членовъ чешскаго союза въ Москвѣ. Съ самаго начала войны онъ проявилъ себя въ качествѣ горячаго патріота и глашателя національнаго подвига. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ яркихъ сторонниковъ и апологетовъ вооруженной борьбы чеховъ съ Австріей. Въ первый періодъ войны онъ оказалъ большія услуги своимъ соотечественникамъ, подвергшимся различнымъ ограничительнымъ мѣропріятіямъ въ качествѣ австрійскихъ подданныхъ. Единственнымъ грѣхомъ Коничека было то, что онъ въ теченіе всей своей дѣятельности упорно отказывался принять точку зрѣнія руководящихъ круговъ

чешскихъ организацій въ Россіи въ вопросѣ о признаніи Масарика вождемъ чехословацкаго національнаго движенія.

«Какой то» Приклонскій былъ вліятельнымъ чиновникомъ министерства иностранныхъ дѣлъ и вѣдалъ дѣлами объ австрійскихъ славянахъ. Естественно, въ своей дѣятельности и въ своихъ воззрѣніяхъ онъ руководился прежде всего русскими государственными интересами, такъ, какъ онъ ихъ понималъ, — но въ этомъ пониманіи не было рѣшительно ничего враждебнаго или даже несочувственнаго идеѣ чешскаго національнаго освобожденія и чешской государственной самостоятельности, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ цитированная выше «Записка по чехословацкому вопросу», составленная Приклонскимъ.

Конечно, утвержденіе Бенеша, что Приклонскій является креатурой Протопопова, отнюдь не отвѣчало истинѣ, но даже имя Протопопова не должно было бы казаться одіознымъ Бенешу, если Масарикъ за нѣсколько недѣль передъ революціей помѣстилъ въ органѣ того же Протопопова статью, гдѣ онъ заявлялъ, что династія русскаго происхожденія на чешскомъ тронѣ была бы наиболѣе популярна въ Чехословакіи.

Въ Америкѣ, гдѣ свѣдѣнія о чешскихъ дѣлахъ въ Россіи были скудны и почти всегда случайны, тенденціозныя сообщенія Бенеша принимались, какъ непреложная истина. Одного письма Бенеша было достаточно, чтобы создать среди американскихъ чеховъ враждебное отношеніе какъ къ Дюриху, такъ и къ правленію Союза, о которомъ Бенешъ въ томъ же письмѣ отозвался слѣдующимъ образомъ: «Въ Россіи изъ нашихъ людей боролись только петроградскіе — Павлу, Клецанда, также Штефаникъ. Вондракъ и Союзъ держали себя позорно и безсовѣстно, несмотря на предостереженія мои и Масарика».

Очевидно, Бенешъ говоритъ здѣсь о борьбѣ за чешское національное дѣло. Слова его можно признать правильными только въ томъ случаѣ, если поставить знакъ равенства между борьбой за національное возрожденіе и борьбой за авторитетъ Масарика. Руководители чешскаго движенія въ Россіи , признавая Масарика вождемъ движенія, въ то же время считали своимъ долгомъ служить идеѣ и родинѣ, а не лицамъ. Они не могли, въ ущербъ интересамъ дѣла, добиваться, чтобы профессоръ Маса-

рикъ, авторъ книги «Россія и Европа», работающій къ тому же внѣ предѣловъ Россіи, — былъ признанъ русскимъ правительствомъ въ качествѣ верховнаго вершителя чешскихъ дѣлъ, затрагивающихъ жизненные интересы страны и связанныхъ по самой природѣ своей со всей совокупностью военныхъ, внѣшне и внутренне-политическихъ задачъ русскаго государства...

Вскорѣ позиція Бенеша получила формальное одобреніе и со стороны самого проф. Масарика, какъ это можно заключить изъ письма его къ тому же брату Бенеша. Въ этомъ письмѣ, посланномъ въ началѣ апрѣля 1917 года, Масарикъ говоритъ: «Надѣюсь, что афера Дюриха будетъ счастливо разрѣшена благодаря перевороту въ Россіи. Онъ натворилъ много зла. Мы его исключили и не будемъ считать товарищемъ предсѣдателя. Главное, онъ — безсознательная жертва австрійскихъ и мадьярскихъ интригъ. Онъ бралъ деньги отъ очень подозрительныхъ дѣльцовъ австрійскаго происхожденія, бралъ деньги отъ русскаго министерства иностранныхъ дѣлъ. Чиновникъ, который выдавалъ ему деньги, неподлежащія отчетности, часть ихъ удерживалъ для себя. Этотъ человѣкъ былъ передъ войной много лѣтъ консуломъ въ Будапештѣ. Кто поручится, что онъ не былъ подкупленъ Австріей? Дюрихъ все это могъ и долженъ былъ знать. Наконецъ, намъ угрожаетъ скандальный процессъ о разводѣ. Дюрихъ далъ ложное свидѣтельское показаніе, на основаніи котораго былъ заключенъ бракъ. Онъ показалъ, что съ дѣтства знаетъ жениха, что онъ былъ крещенъ и т. д... Тогда парижскій кардиналъ Аметтъ разрѣшилъ церковный бракъ, несмотря на то, что у жениха документы не были въ порядкѣ. Родственники невѣсты судебнымъ путемъ добиваются развода, и главное основаніе — это ложное свидѣтельство Дюриха. Кардиналъ, человѣкъ политически значительный и вліятельный, очень настроенъ противъ Дюриха и чеховъ вообще. Національный Совѣтъ получилъ прошеніе отъ отца этой несчастной госпожи Ш., гдѣ содержится просьба объ исключеніи Дюриха изъ Національнаго Совѣта и приводятся доказательства объ его ложномъ свидѣтельствѣ. Чтобы предупредить скандалъ, мы исключили его (безъ шума); вмѣстѣ съ тѣмъ я черезъ посредство Извольскаго просилъ русское правительство, чтобы оно прекра-

тило эти платежи и т. д. Объ этомъ прошу непосредственно и Милюкова».

Бракоразводный процессъ, о которомъ разсказываетъ Масарикъ, былъ широко использованъ въ качествѣ агитаціоннаго средства противъ Дюриха. Дѣло шло о бракѣ адъютанта Дюриха, поручика французской службы Штафля. На самомъ дѣлѣ тотъ процессъ, который возникъ послѣ свадьбы Штафля, былъ вызванъ имущественными спорами и не находился ни въ какой связи съ показаніями, данными Дюрихомъ по просьбѣ молодого человѣка. Во всякомъ случаѣ представлять дѣло Штафля, какъ неблаговидный поступокъ Дюриха, у Масарика не было никакихъ основаній, тѣмъ болѣе, что на брачномъ актѣ, рядомъ съ подписью Дюриха, стояла и подпись Штефаника.

Дѣло это является очень показательнымъ для характеристики дѣйствій Національнаго Совѣта. Если Дюрихъ былъ признанъ вреднымъ для чешскаго дѣла, если его политика представлялась ошибочной или злонамѣренной, — Совѣтъ могъ и долженъ былъ его исключить и лишить довѣрія именно на этомъ основаніи. Если же Дюрихъ отвѣчалъ своему политическому назначенію, — то Совѣтъ долженъ былъ въ непріятномъ инцидентѣ съ кардиналомъ Аметтомъ прикрыть его своимъ авторитетомъ. Но придраться къ дѣлу Штафля, какъ къ благовидному предлогу, чтобы раздѣлаться съ безпокойнымъ соперникомъ, — это было рѣшеніе малодушное, уклоняющееся отъ отвѣтственности...

***

Въ одномъ Масарикъ былъ правъ. Русская революція очень быстро повлекла ликвидацію дюриховскаго Совѣта.

Отказъ Союза чехословацкихъ обществъ назначить своихъ делегатовъ въ дюриховскій Совѣтъ (телеграмма отъ 6 марта), согласно уставу Совѣта, не являлся препятствіемъ для открытія его дѣятельности. Но черезъ нѣсколько дней послѣ революціи Дюриху было сообщено по телефону о желаніи министра иностранныхъ дѣлъ Милюкова, чтобы онъ воздержался отъ открытія Совѣта.

Тѣмъ временемъ, однако, «Положеніе о чехословацкомъ войскѣ», законченное разработкой въ генеральномъ штабѣ еще 19 февраля, получило окончательное одобреніе верховнаго главнокомандующаго генерала Алексѣева. Подписанное Алексѣевымъ «Положеніе» было привезено въ Петроградъ генераломъ Червинкой, котораго главнокомандующій вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ постараться воздѣйствовать на петроградскія учрежденія въ смыслѣ скорѣйшаго проведенія въ жизнь мѣръ по созданію войска. Дюрихъ понималъ, что если въ такую минуту онъ проявитъ пассивность, то это будетъ означать его окончательное устраненіе. Онъ поспѣшилъ собрать свой Совѣтъ, который наскоро прослушалъ и одобрилъ «Положеніе» и послалъ соотвѣтствующія бумаги, по существу никому не нужныя, въ различныя правительственныя мѣста.

Но это было покушеніе съ негодными средствами. Въ результатѣ двухъ посѣщеній Дюрихомъ министерства иностранныхъ дѣлъ, ему было предложено письменнымъ путемъ аннулировать посланныя его Совѣтомъ сношенія. Онъ этого не сдѣлалъ. Тогда ему было сообщено, что матеріальная поддержка Совѣту прекращается, и Совѣтъ будетъ распущенъ.

Самое распоряженіе о закрытіи Совѣта было сдѣлано, согласно уставу его, министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, послѣ соотвѣтствующаго письма Милюкова.

ГЛАВА XI.

УТВЕРЖДЕНІЕ «ПОЛОЖЕНІЯ» О ФОРМИРОВАНІИ ВОЙСКА. — ЗБОРОВСКІЙ БОЙ.

Какъ упомянуто выше, въ періодъ, когда было рѣшено создать Совѣтъ во главѣ съ Дюрихомъ для руководства чешскими дѣлами, временное веденіе дѣлъ, впредь до сформированія Совѣта, было, по предложенію министерства иностранныхъ дѣлъ, оставлено въ рукахъ Союза.

Въ концѣ февраля, когда выработанный генеральнымъ штабомъ проектъ созданія войска былъ посланъ на утвержденіе въ Ставку, туда выѣхалъ и предсѣдатель правленія Союза В. Вондракъ. Онъ былъ принятъ генераломъ Алексѣевымъ. Въ тотъ же день «Положеніе» было подписано.

Оставалась одна формальность — Военный Совѣтъ. Революціонная встряска вызвала задержку, и Военнымъ Совѣтомъ «Положеніе» было одобрено лишь въ концѣ марта.

Вернувшійся въ Кіевъ изъ Ставки въ день революціи В. Вондракъ, узнавъ о происшедшемъ переворотѣ, отправилъ 3 марта предсѣдателю совѣта министровъ телеграмму, въ которой, привѣтствуя Временное Правительство, просилъ признать чеховъ союзнымъ народомъ и дать имъ возможность самоорганизаціи, заявляя при этомъ, что Союзъ единственнымъ вождемъ признаетъ Масарика.

Вслѣдъ за тѣмъ В. Вондракъ подалъ Временному Правительству докладную записку, имѣвшую цѣлью ознакомить съ чешскимъ вопросомъ пришедшихъ къ власти новыхъ государ-

ственныхъ дѣятелей, которые могли быть не въ курсѣ чехословацкихъ дѣлъ.

Въ теченіе всей своей дѣятельности въ качествѣ предсѣдателя Союза В. Вондракъ въ своихъ заботахъ о военноплѣнныхъ и въ защитѣ правового положенія колонистовъ, — выступалъ въ пользу вообще всѣхъ славянъ австрійскихъ подданныхъ. И въ данномъ случаѣ въ его докладной запискѣ повторялось ходатайство объ освобожденіи изъ плѣна всѣхъ тѣхъ славянъ, за которыхъ поручится Союзъ чехословацкихъ обществъ или другія крупныя славянскія организаціи, и просьба подтвердить принципъ образованія чехословацкаго войска. Чешскіе патріоты, возглавлявшіе Союзъ, считали своимъ долгомъ использовать всѣ возможности и всѣ вновь возникающія перспективы для достиженія конечной цѣли чехословацкаго освободительнаго движенія. И въ соотвѣтствіи съ тѣми чаяніями, которыя казалось открывала революція и которыя она затѣмъ такъ жестоко обманула, — заключительная часть докладной записки В. Вондрака начиналась просьбой формально признать за чехами права союзнаго и дружественнаго Россіи народа и право на государственную самостоятельность.

Однако, революціонные министры въ гораздо меньшей степени, чѣмъ министры императорскаго правительства, поняли и оцѣнили освободительныя стремленія и національные идеалы чеховъ. Особенно это нужно сказать объ А. Ф. Керенскомъ, проявившемъ крайнее недоброжелательство къ чешскому «шовинизму», называвшемъ чешскую борьбу за освобожденіе «недостаточно рыцарской» и державшемъ себя весьма безтактно по отношенію къ представителямъ чешской общественности. Вождь «революціонной демократіи», только что «свергнувшей проклятое самодержавіе», не предчувствуя, что вскорѣ придетъ и его чередъ стать эмигрантомъ, — счелъ умѣстнымъ бросить чехамъ обвиненіе въ томъ, что они не сумѣли поднять знамя возстанія у себя на родинѣ, вмѣсто того чтобы хлопотать о сверженіи австрійскаго ига, сидя заграницей.

Военное вѣдомство отнеслось къ чешскому дѣлу если и безъ предвзятаго недружелюбія, то и безъ особой предупреди-

тельности. Товарищъ военнаго министра генералъ Маниковскій сдѣлалъ на докладѣ Вондрака помѣтку: «Министръ рѣшилъ: никакихъ войскъ изъ чехословацкихъ военноплѣнныхъ не образовывать, а дать спеціалистовъ изъ нихъ на наши заводы для работъ на оборону».

Повидимому, однако, это рѣшеніе А. И. Гучкова было плодомъ его неосвѣдомленности, такъ какъ изъ резолюціи явствуетъ незнаніе министра о томъ, что тысячи чеховъ уже работаютъ на оборону, и что планъ созданія чехословацкаго войска уже подписанъ верховнымъ командованіемъ. По крайней мѣрѣ, когда на другой день «Положеніе» о войскѣ разсматривалось въ совѣтѣ министровъ, оно прошло тамъ безъ возраженій.

***

«Положеніе» о формированіи войска явилось для чеховъ прочной базой для дальнѣйшей усиленной работы.

Со времени выступленія на фронтъ чешской дружины она непрерывно росла. Правда, въ 1915 году правленіе Союза, состоявшее тогда изъ представителей петроградскихъ чеховъ во главѣ съ Чермакомъ, не использовало даннаго высшимъ командованіемъ разрѣшенія пополнять дружину военноплѣнными чехами, изъ числа желающихъ, немедленно по взятіи ихъ въ плѣнъ. Но въ 1916 году, когда на кіевскомъ съѣздѣ побѣдило «милитаристическое» направленіе, и руководство дѣлами перешло къ новому правленію во главѣ съ В. Вондракомъ, — это правленіе и его военный отдѣлъ прилагали всѣ усилія для увеличенія численнаго состава чехословацкихъ частей. И если потребовалось 16 мѣсяцевъ для того, чтобы чешская дружина развернулась въ стрѣлковый полкъ, то черезъ четыре мѣсяца послѣ избранія новаго правленія полкъ уже превратился въ бригаду. Несомнѣнно, этому успѣху очень содѣйствовали выдающіяся боевыя заслуги чешскихъ частей, особенно въ развѣдывательномъ дѣлѣ.

Къ 1 января 1917 года въ первомъ полку бригады числилось 3.287 чиновъ и во второмъ полку 2.682. Въ теченіе 1916 года

было пожаловано георгіевскими крестами 267 добровольцевъ и георгіевскими медалями — 204.

Революція была встрѣчена чешскими добровольцами съ тѣми же надеждами, какъ и всей тогдашней русской интеллигенціей, общественностью и арміей. Характерная черточка. Среди дождя привѣтственныхъ телеграммъ, которыми обмѣнивались полки бригады съ революціонными начальниками, попадается телеграмма съ сообщеніемъ, что солдаты второй роты I чехословацкаго полка собрали 172 рубля «для нуждъ славянской свободы»; офицеры роты дополнили сборъ до 300 рублей. Практичные чехи, не довольствуясь словесными изъявленіями чувствъ, стремятся практически вложиться въ строительство революціи и свободы, въ которое тогда всѣ вѣрили.

Съ самаго начала своей боевой работы чешская дружина находилась въ составѣ третьей арміи. Весной 1917 года чехословацкая бригада перешла въ вѣдѣніе сначала Особой, затѣмъ XI арміи. Эта послѣдняя, наряду съ VII и VIII, приняла участіе въ «іюньскомъ наступленіи» 1917 года, предназначенномъ для укрѣпленія духа «революціонныхъ войскъ». Въ это время бригада была включена въ составъ 49 корпуса.

Операціоннымъ направленіемъ былъ Львовъ. Боевой задачей чехословацкой бригады являлось овладѣніе частью зборовскихъ позицій, а именно участкомъ Могила—Юзефовка. Атака была назначена на утро 19 іюня. Съ 16 іюня началась артиллерійская подготовка. Артиллерія противника энергично отвѣчала, и чехи понесли значительныя потери отъ ея огня.

Наступленіе было проведено бригадой блестяще. Атака началась ровно въ 9 часовъ утра, и черезъ полчаса первая линія противника была во власти атакующихъ. Къ полудню три линіи окоповъ непріятеля были заняты чехами, и къ 2 часамъ дня бригада выполнила задачу.

Изъ состава бригады въ бою принимало участіе около 2.500 бойцовъ. Потери бригады выразились въ цифрахъ — 195 убитыхъ, около 700 раненыхъ и 11 пропавшихъ безъ вѣсти.

Зборовская побѣда чеховъ, какъ и все «іюньское наступленіе», никакихъ конкретныхъ военныхъ результатовъ не имѣла. Это наступленіе было послѣднимъ напряженіемъ силъ, послѣд-

ней попыткой арміи воскресить боевой духъ, побороть революціонную анархію. Попытка не удалась, какъ и можно было предвидѣть. Послѣдовалъ развалъ и хаосъ.

Но совершенно независимо отъ военныхъ результатовъ и отъ дальнѣйшей судьбы революціонной русской арміи, — для чеховъ, для всего чешскаго національнаго дѣла, зборовскій бой имѣлъ совершенно исключительное моральное значеніе.

Бригада выступила какъ отдѣльная часть, и въ трудныхъ условіяхъ, атакуя сильно укрѣпленныя позиціи, имѣя противъ себя превосходящаго силами непріятеля, — нанесла рѣшительное пораженіе австрійскимъ войскамъ, сражающимся отъ имени Австріи, вѣкового врага чешской національной свободы.

Полки были засыпаны привѣтственными телеграммами. Профессоръ Масарикъ, прибывшій въ Россію въ началѣ мая, телеграфировалъ изъ Петрограда: «Добровольцы, потрясенные до глубины души радостью и благодарностью, мы живемъ вашимъ геройствомъ въ этотъ моментъ величайшей важности для Россіи и ея союзниковъ. Потомки гуситовъ исполнили и исполнятъ свою обязанность передъ своимъ народомъ, демократіей и человѣчествомъ. Да здравствуетъ независимая Чехія и Словачина! Да здравствуетъ независимая революція!»

Конечно, профессоръ Масарикъ ошибался въ оцѣнкѣ важности момента, поскольку дѣло касалось Россіи. «Независимая революція», которую привѣтствовалъ профессоръ Масарикъ, нанесла смертельный ударъ русской арміи. Но Масарикъ былъ правъ, поскольку онъ оцѣнивалъ зборовскую побѣду, какъ тріумфъ національнаго чешскаго дѣла...

Чьей заслугой былъ этотъ тріумфъ? Конечно, прежде всего неугасимаго національнаго духа, вдохновлявшаго добровольцевъ на ратный подвигъ. Конечно, тѣхъ бойцовъ, которые, забывъ о личныхъ выгодахъ и интересахъ, пошли подъ знамена, чтобы добыть свободу своей родины. И, конечно, тѣхъ организаторовъ вооруженной борьбы, тѣхъ русскихъ чеховъ «милитаристовъ», которые, преодолѣвая многочисленныя трудности, не смущаясь интригами своихъ соотечественниковъ, «лѣвыхъ» и «правыхъ», — во главѣ съ группой пламенныхъ патріотовъ —

Вондракомъ, Тучекомъ, Іиндржишекомъ и др. — всѣ силы свои посвятили строительству національнаго войска...

Но въ тотъ моментъ, когда ихъ патріотическія усилія нашли свое внѣшнее и блестящее проявленіе въ зборовской побѣдѣ, — эти патріоты оказались отброшенными на задній планъ революціонной волной. Революція, взбаламутившая русское море, поднявшая со дна темныя силы, — измѣнила въ корнѣ и весь ходъ чешскаго движенія. Она предоставила преобладающее вліяніе той массѣ военноплѣнныхъ, надъ пропагандой среди которыхъ работали все время враги Союза; самому образу Масарика, какъ національнаго вождя, присвоила новый обликъ — обликъ апостола соціальной революціи; привела къ власти новыхъ людей и утопила старыхъ вождей, заложившихъ краеугольные камни національнаго строительства, — въ бурномъ потокѣ клеветы и голословныхъ обвиненій...

И зборовскихъ героевъ привѣтствовалъ въ качествѣ предсѣдателя правленія Союза чехословацкихъ обществъ въ Россіи уже не В. Вондракъ, ушедшій послѣ «революціоннаго» съѣзда въ ряды русской арміи, а избранный «масариковцами» В. Гирса. Привѣтствіе его было составлено съ энергической лаконичностью — «Спасибо, братья, за ваши ратные подвиги. Народъ и родина гордятся вами. Вѣчная память почившимъ героямъ»...

ГЛАВА XII.

РЕВОЛЮЦІОННЫЯ ПЕРЕМѢНЫ. — ПРѢЗДЪ Т. Г. МАСАРИКА ВЪ РОССІЮ.

Перемѣна руководящихъ лицъ и, болѣе того, измѣненіе всего облика чехословацкаго движенія были запечатлѣны третьимъ чешскимъ съѣздомъ, состоявшимся въ Кіевѣ между 23 апрѣля и 1 мая ст. ст. 1917 года.

Съѣздъ этотъ получилъ имя «революціоннаго» — какъ бы въ честь русской революціи. И, дѣйствительно, если предыдущіе чешскіе съѣзды и вся работа избиравшихся ими органовъ были вдохновляемы идеей національной революціи противъ австрійскаго владычества, то съѣздъ 1917 года придалъ движенію аспектъ революціи соціальной.

На революціонномъ съѣздѣ получилъ рѣшающее преобладаніе голосъ военноплѣнныхъ, представленныхъ 141 делегатомъ. Отъ чехословацкаго войска было 86 и отъ чехословацкихъ обществъ въ Россіи 95 делегатовъ.

Съѣздъ окончательно рѣшилъ вопросъ о возглавленіи чешскаго движенія, въ своей резолюціи, принятой единогласно: «Чехословацкій Національный Совѣтъ, во главѣ съ профессоромъ Масарикомъ, является наивысшимъ органомъ чехословацкаго народнаго политическаго движенія, и обязанность каждаго чеха и словака — подчиняться его руководству».

Эта резолюція нѣсколько напоминаетъ формулу «кіевскаго пакта» осени 1916 года, въ дальнѣйшемъ сведеннаго на нѣтъ въ силу veto русскаго правительства. Но теперь изъ провозгла-

шенія Масарика руководителемъ и вождемъ — былъ сдѣланъ логическій выводъ, обязывающій всѣхъ чеховъ повиновеніемъ ему.

Враги правленія Союза разсчитывали свести на съѣздѣ старые счеты, но докладъ, представленный правленіемъ, свидѣтельствовалъ съ полной ясностью о его неустанной работѣ — столь же безкорыстной, сколько энергичной, — и планъ мести не удался. Но въ правленіе были избраны новые люди, и значеніе самаго Союза померкло послѣ того какъ было создано русское отдѣленіе Національнаго Совѣта, которому и предстояло въ дальнѣйшемъ непосредственно вести чешскія дѣла въ Россіи.

Всѣми, кромѣ ближайшихъ друзей, оставленный Дюрихъ — на съѣздѣ не присутствовалъ. Въ своихъ воспоминаніяхъ онъ разсказываетъ, что его противники подсылали къ нему различныхъ лицъ, которыя, не останавливаясь передъ угрозами, стремились вырвать у него отказъ отъ его намѣренія выступить на съѣздѣ, чтобы оправдаться въ взводимыхъ на него обвиненіяхъ и защитить свою политическую линію. Дюрихъ все таки поѣхалъ въ Кіевъ, но тутъ, по его словамъ, ему было заявлено, что если онъ попытается проникнуть на съѣздъ, то будетъ остановленъ стражей у входа. Только тогда Дюрихъ подчинился обстоятельствамъ, не желая, какъ онъ объясняетъ, вызывать скандалъ и выносить чешскіе раздоры на судъ русскаго общественнаго мнѣнія. Онъ отправилъ президіуму письмо, которое просилъ огласить на съѣздѣ. Но и этого сдѣлано не было.

Политическая резолюція, принятая съѣздомъ, содержала заявленіе, что чехословацкій народъ не удовольствуется національной автономіей въ предѣлахъ Австріи, и будетъ всѣми силами добиваться своей государственной независимости...

* * *

Прибытіе Масарика въ Петроградъ, почти совпавшее съ окончаніемъ съѣзда, было появленіемъ тріумфатора. Послѣ революціи и вслѣдствіе ея — сталъ равенъ власти верховнаго вождя его авторитетъ, непрерывно возраставшій въ теченіе 1916 года. Многіе позднѣйшіе историки и мемуаристы чешскаго

движенія въ Россіи утверждаютъ даже, что вліяніе Масарика на чешскія дѣла въ Россіи было рѣшающимъ уже съ 1915 года. Однако, это далеко не такъ. О Масарикѣ до іюня 1915 года вообще не было никакихъ свѣдѣній. Мало того. Какъ было уже отмѣчено, русскіе чехи, съ самыхъ первыхъ дней войны опредѣлившіе свои національно-политическія заданія и рѣшительно взявшіеся за ихъ осуществленіе, — просто не могли разсчитывать, что Масарикъ раздѣляетъ ихъ стремленія, чувства и планы, поскольку они знали предвоенныя настроенія Масарика, какъ реальнаго политика, чуждаго какого бы то ни было славянофильства, всегда представлявшаго себѣ судьбы Чехіи въ связи съ австрійской эгидой.

Правда, уже первыя свѣдѣнія о Масарикѣ, опубликованныя въ іюлѣ 1915 года въ кіевскомъ журналѣ «Чешско-русское единеніе», — говорили о томъ, что Масарикъ радикально измѣнилъ свои предвоенныя воззрѣнія.

Въ своей лекціи, прочитанной въ Женевѣ, Масарикъ заявляетъ: «Не легко живется народу въ Чехіи, нелегко потому, что чешскій народъ никогда не скрывалъ своихъ симпатій къ славянству и особенно къ Россіи. Кто изъ насъ не является сербофиломъ, русофиломъ и славянофиломъ? Прослѣдите исторію чеховъ со времени возрожденія, и на каждой страницѣ вы убѣдитесь, что чешскій народъ вѣритъ въ будущее славянства, лелѣетъ мечту славянскаго объединенія и въ объединенномъ славянствѣ видитъ побѣду надъ враждебнымъ намъ во всѣхъ отношеніяхъ германствомъ. Конечное объединеніе славянъ — это путь, путеводная звѣзда лучшихъ чешскихъ мыслителей, историковъ, политиковъ и общественныхъ дѣятелей. Какъ бы чехи въ различные періоды ни относились къ отдѣльнымъ правительствамъ и формамъ устройства славянскихъ государствъ, — они были едины въ общей любви къ славянству, всѣ они были сербофилами и русофилами въ лучшемъ смыслѣ этого слова».

Характерно, что начавшій выходить съ іюня 1915 года въ Петроградѣ «Чехословакъ», руководимый политиками, которые позже объявили себя масариковцами чистой воды, — въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ почти не упоминаетъ о Масарикѣ, даже какъ будто замалчиваетъ его дѣятельность. Можетъ быть, свѣ-

дѣнія о рѣшительномъ поворотѣ въ міровоззрѣніи Масарика, о возникшихъ въ немъ и проявившихся съ неожиданной силой національныхъ и славянскихъ чувствахъ — слишкомъ удивили и испугали сидящихъ въ Петроградѣ интеллигентовъ, въ то время довольно скептически относившихся къ идеѣ вооруженной борьбы чеховъ съ Австріей и недружелюбно настроенныхъ по отношенію къ кіевскимъ «милитаристамъ». И только въ ноябрѣ въ «Чехословакѣ» была напечатана статья, посвященная Масарику, съ сообщеніемъ, что онъ «сталъ во главѣ заграничнаго политическаго движенія». При этомъ газета указывала, что въ лицѣ Масарика чехословацкій народъ, «лишенный насильственной рукой своихъ вождей, получаетъ достаточно авторитетнаго общественнаго дѣятеля, чтобы онъ могъ говорить именемъ народа».

Дальнѣйшія свѣдѣнія о Масарикѣ подтверждаютъ первоначальныя данныя о его новой позиціи. Особенно характерно въ этомъ отношеніи письмо Масарика къ кіевскому съѣзду чеховъ, состоявшемуся въ апрѣлѣ 1916 года.

«Ваша колонія въ Россіи, — писалъ Масарикъ, — занимаетъ особое положеніе среди колоній. Въ настоящее время вы одни живете въ славянскомъ государствѣ, и притомъ въ государствѣ, имѣющемъ рѣшающее значеніе. Не только мы, славяне, но также и неславянскіе западные народы — видятъ въ Россіи главнаго дѣятеля въ этой войнѣ и въ послѣвоенномъ развитіи. Это придаетъ и намъ чехамъ, и всѣмъ славянамъ моральное и до извѣстной степени и политическое вліяніе, за которое всѣ мы благодарны Россіи. Россія дѣйствительно удивила своими успѣхами въ первый періодъ войны даже своихъ противниковъ. Говорю это для того, чтобы обосновать значеніе вашей чешской колоніи въ Россіи. Въ виду того, что мы столько ожидаемъ отъ Россіи для своего освобожденія, очень важно, чтобы вы установили надлежащія отношенія съ русскимъ политическимъ міромъ.

«Нашъ политическій планъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ программа всего чешскаго народа; колоніи являются скорѣе исполнительнымъ организаціоннымъ аппаратомъ, но это вещь немалая. Многое достигнуто тѣмъ, что мы были признаны, какъ союзники;

очень цѣню, что вы организовали чешскую дружину. Сердечно благодарю васъ за это; надѣюсь, найдется форма, какъ дружину расширить и какъ использовать чешскихъ военноплѣнныхъ».

Указывая далѣе, что онъ не можетъ пріѣхать въ Россію въ силу необходимости наладить информаціонно-политическую работу на Западѣ, гдѣ чешскія дѣла до сихъ поръ встрѣчаютъ слишкомъ мало вниманія и пониманія, — Масарикъ писалъ: «Въ Россіи, какъ мы думали, насъ знаютъ лучше, и кромѣ того, тамъ — вы»...

Удивительно ли, что это письмо внушило русскимъ чехамъ радостное сознаніе, что профессоръ Масарикъ кореннымъ образомъ измѣнилъ свои прежнія убѣжденія, что онъ теперь съ ними, что онъ пріемлетъ и цѣнитъ ихъ работу, раздѣляетъ ихъ патріотическій подъемъ и ихъ пониманіе національныхъ задачъ? Удивительно ли, что чехи, находящіеся въ Россіи, зная жизненный и политическій опытъ Масарика и воспринимая его новыя рѣчи, какъ голосъ народной воли, звучащій какъ бы изъ далекой золотой Праги, принужденной австрійскими штыками къ молчанію, — признали авторитетъ Масарика, какъ вождя, вокругъ котораго могутъ тѣсно сплотиться чешскіе ряды для борьбы и побѣды? Въ этотъ періодъ русскіе чехи видѣли въ Масарикѣ общаго руководителя, который не принадлежитъ и не долженъ принадлежать никакой отдѣльной группѣ, никакой партіи. Масарикъ какъ бы воплощалъ собою призывъ угнетенной родины, ея надежды, Масарикъ принадлежалъ родинѣ, принадлежалъ всѣмъ и никому въ частности...

И, вглядываясь и вслушиваясь въ энергическія и яркія патріотическія выступленія Масарика, клявшагося въ преданности Россіи, правъ былъ редакторъ «Чехослована» В. Швиговскій, когда онъ въ бесѣдѣ съ представителемъ министерства иностранныхъ дѣлъ Приклонскимъ, въ отвѣтъ на замѣчаніе послѣдняго о непріязни Масарика къ Россіи, выраженной въ книгѣ «Россія и Европа», — горячо оспаривалъ это утвержденіе, и доказывалъ, что у Россіи нѣтъ лучшаго друга, чѣмъ Масарикъ.

Правда, уже на съѣздѣ 1916 года произошли шероховатости, способныя навести на предположенія, не связанъ ли проф.

Масарикъ какъ то особенно тѣсно — съ однимъ опредѣленнымъ теченіемъ — съ группой петроградской оппозиціи, той группой, которая не только не содѣйствовала успѣху чешскаго движенія, но, напротивъ, усердно вставляла палки въ колеса организаторамъ вооруженной борьбы... На съѣздѣ было два человѣка, только что вернувшихся изъ поѣздки къ проф. Масарику въ Лондонъ: Павлу и Пучалка. И не такъ существенно было нѣкоторое расхожденіе въ сообщеніяхъ этихъ двухъ лицъ о Масарикѣ, какъ могло привлечь вниманіе обстоятельство, что Павлу какъ бы чего то не договаривалъ, какъ бы хотѣлъ показать, что ему даны профессоромъ Масарикомъ какія то особыя, довѣрительныя директивы... Протоколы съѣзда сохранили протестъ В. Ф. Швиговскаго противъ того, что Павлу замалчиваетъ нѣкоторыя вещи, сообщенныя ему профессоромъ Масарикомъ. Съѣздомъ была принята даже, большинствомъ 32 голосовъ противъ 23, резолюція, обязывающая Павлу изложить въ письменной формѣ то, что онъ не хотѣлъ оглашать на съѣздѣ, и передать въ запечатанномъ конвертѣ президіуму для врученія будущему правленію Союза.

Однако Павлу, несмотря на всѣ эти протесты и требованія, категорически отвѣчалъ: «Знаю, но не скажу»...

Русскіе чехи, далекіе отъ подозрительности по отношенію къ Масарику, истолковали этотъ инцидентъ, какъ выходку со стороны Павлу въ его стремленіи не по праву присвоить ореолъ мнимой близости къ вождю...

Будущее показало, что такое пониманіе было не совсѣмъ вѣрно, точно такъ же какъ не совсѣмъ вѣрнымъ и во всякомъ случаѣ отнюдь не исчерпывающимъ было объясненіе Масарикомъ причинъ его непріѣзда въ Россію, данное имъ въ письмѣ къ съѣзду. Слишкомъ трудно сомнѣваться въ томъ, что Масарика останавливало естественное недовѣріе русскаго правительства къ нему, какъ автору книги «Россія и Европа», какъ стороннику украинскаго сепаратизма и, можетъ быть, какъ составителю меморандума, поданнаго французскому правительству въ началѣ 1916 года. Содержаніе этого акта принадлежитъ дипломатическимъ архивамъ, но тотъ же Павлу, уже въ 1920 году, писалъ въ пражскомъ органѣ народныхъ соціалистовъ «Часъ», что

здѣсь «Масарикъ формулировалъ политическія притязанія яснѣе — республикански и указывалъ, что идея республики послѣ позднѣйшихъ опытовъ съ государями становится въ нашемъ народѣ все болѣе популярной». Мало того, по словамъ одного изъ чиновниковъ русскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, въ меморандумѣ Масарика высказывалось соображеніе, что въ интересы Франціи входитъ поддержка чешскаго республиканскаго меньшинства, ибо если чешская государственность выльется въ форму республики, то французское вліяніе въ Чехіи будетъ, естественно, гораздо сильнѣе, чѣмъ оно могло бы быть въ чешской монархіи, которая неизбѣжно и всецѣло окажется подъ вліяніемъ Россіи...

Масарикъ самъ считалъ себя можетъ быть болѣе скомпрометированнымъ въ глазахъ русскаго правительства, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ. Характерная подробность. Послѣдній министръ иностранныхъ дѣлъ императорскаго правительства Покровскій на вопросъ правленія Союза, почему онъ игнорируетъ центральную заграничную чешскую организацію, — отвѣтилъ, что насколько ему извѣстно «это учрежденіе до сихъ поръ вообще и не добивалось офиціальнаго признанія въ отношеніи русской Имперіи».

Можетъ быть весной 1916 года доводы Масарика о необходимости развить работу въ Западной Европѣ и были основательны. Но врядъ ли ихъ можно признать безспорными, поскольку дѣло касается осени 1916 года, когда по иниціативѣ проф. Ястребова при помощи проф. Шахматова группа русскихъ и чешскихъ дѣятелей добилась того, что проф. Масарикъ былъ приглашенъ петроградскимъ университетомъ читать лекціи. Постановленіе это было утверждено министромъ народнаго просвѣщенія гр. Игнатьевымъ; было дано и Высочайшее согласіе. Тѣмъ не менѣе Масарикъ не только не пріѣхалъ, но даже не отвѣтилъ на посланное ему предложеніе.

Не отвѣтилъ онъ и Дюриху, просившему его пріѣхать въ Петроградъ, въ надеждѣ, что Масарикъ защититъ его отъ тѣхъ нападокъ и обвиненій, мишенью которыхъ онъ сталъ послѣ рѣшенія правительства образовать Совѣтъ подъ его

руководствомъ, и первоисточникъ которыхъ Дюрихъ видѣлъ въ Штефаникѣ...

* * *

Именно на съѣздѣ 1916 года авторитетъ Масарика былъ общественно выдвинутъ и общественно закрѣпленъ. И начиная съ этого времени вплоть до русской революціи, до пріѣзда Масарика, когда опредѣлилось его истинное умонастроеніе и обозначилась его истинная политика, — его авторитетъ нелицемѣрно признавали и, что можетъ быть еще существеннѣе, оказывали ему полное и сердечное довѣріе — всѣ чешскіе дѣятели, за очень рѣдкими, единичными исключеніями, какъ напр. Коничекъ, Дѣдина.

Ему посылалъ отчаянныя телеграммы Дюрихъ, чувствующій свое безсиліе выбраться изъ путъ сплетавшейся вокругъ него интриги.

Къ нему обращалось правленіе Союза, призывая его прекратить раздоры, идущіе отъ петроградскаго меньшинства.

Наконецъ, въ послѣднихъ числахъ декабря 1916 года, и рядовые дѣятели, сотрудники Союза безъ кавычекъ, получившіе отъ своихъ сослуживцевъ-противниковъ кличку «черной руки», обратились къ проф. Масарику съ письмомъ, содержащимъ изложеніе обстоятельствъ, которыя препятствовали дружной работѣ, и о которыхъ скромные, но искренніе патріоты считали долгомъ совѣсти довести до свѣдѣнія вождя. Въ этомъ письмѣ въ очень объективныхъ, но тѣмъ болѣе сильныхъ выраженіяхъ была обрисована разрушительная дѣятельность Павлу и его политическихъ друзей.

Масарикъ поблагодарилъ за письмо и — оставилъ его безъ послѣдствій...

Уже въ маѣ 1917 года, непосредственно послѣ пріѣзда проф. Масарика въ Россію, одинъ изъ благороднѣйшихъ чешскихъ патріотовъ Ф. Б. Зуманъ, подъ впечатлѣніемъ революціоннаго майскаго съѣзда, видя, какъ извращаются въ революціонномъ туманѣ очертанія событій и вещей, написалъ меморандумъ, гдѣ хотѣлъ представить Масарику, какъ вождю движенія, чешскія дѣла въ Россіи въ ихъ подлинномъ освѣщеніи.

Меморандумъ представлялъ собою блестящую «сравнительную характеристику» двухъ чешскихъ теченій: «стараго», созидательнаго, возглавляющагося В. Вондракомъ, и «новаго», восторжествовавшаго послѣ революціи, вступившаго въ тѣсный союзъ съ русской «революціонной демократіей» и присвоившаго себѣ право говорить отъ имени всѣхъ чеховъ.

Будучи человѣкомъ независимымъ и стоявшимъ въ сторонѣ отъ внутренней чешской борьбы, — Зуманъ съ тѣмъ большимъ моральнымъ правомъ могъ выступить съ негодующимъ осужденіемъ недостойной кампаніи, направленной противъ основоположниковъ чешскаго движенія въ Россіи.

Все «старое» движеніе было неразрывно связано съ личностью В. Вондрака, и въ меморандумѣ горячія, идущія отъ сердца строки посвящены защитѣ этого дѣятеля, которому, какъ возглавителю всей патріотической работы, — выпала львиная доля клеветы и демагогическихъ обвиненій. Нападки не прекратились даже послѣ революціоннаго съѣзда, когда Вондракъ уже отошелъ отъ руководства чешскими дѣлами. Напримѣръ, послѣ того какъ правленіе кружка «Янъ Амосъ Коменскій» избрало Вондрака, одного изъ основателей общества, — своимъ представителемъ въ русскомъ отдѣленіи Національнаго Совѣта, — недавно вошедшіе въ составъ кружка военноплѣнные приложили всѣ усилія, чтобы аннулировать это избраніе... Зуманъ въ своемъ меморандумѣ ставитъ вопросъ — чѣмъ же заслужилъ В. Вондракъ эту ненависть? Главнымъ образомъ своимъ лойяльнымъ отношеніемъ къ императорскому правительству. Но могъ ли онъ иначе относиться къ правительству, представлявшему Великодержавную Россію, отъ которой чехи ожидали возстановленія своей государственной независимости? Наконецъ, — если оставить въ сторонѣ вопросы личныхъ оцѣнокъ и выдвинуть объективный интересъ дѣла, — могъ ли Вондракъ иначе вести себя, если хотѣлъ добиться помощи чешскому движенію? И кто же велъ агитацію противъ Вондрака? Круги, группирующіеся вокругъ «Чехословака», который еще за два мѣсяца передъ переворотомъ писалъ: «Имя Его Величества нашего Царя Освободителя будетъ на первомъ мѣстѣ записано въ золотой книгѣ нашего освобожденія». Насколько заслуживаетъ уваженія «реа-

билитація» «Чехословака», послѣвшаго тотчасъ же послѣ революціи заявить: «Обѣщалъ Царь, обѣщало правительство, предалъ насъ Царь, предало правительство»?.. («Чехословакъ», № 88).

Характеризуя далѣе обликъ «новаго» направленія, Зуманъ указываетъ, что въ немъ явственно проглядываютъ — черты большевизма.

Кіевская группа, связанная съ петроградской оппозиціей, организовала 1 мая митингъ, на которомъ были выброшены лозунги, ничѣмъ не отличавшіеся отъ большевицкихъ: «Европа дѣлится на двѣ части, два лагеря: пролетаріатъ и капиталисты»; «Не существуетъ никакихъ національныхъ интересовъ»; «До 28 февраля европейская война не была войной освободительной»; «Насъ хотѣли продать царскому правительству»...

Принятая на митингѣ резолюція провозглашала, между прочимъ, знаменитую формулу: «миръ безъ аннексій и контрибуцій»...

И эту то резолюцію Макса, одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ дѣятелей революціоннаго съѣзда, объявилъ на столбцахъ «Чехословака» (№ 95) «нашей платформой» — несмотря на очевидное ея противорѣчіе со всей позиціей Масарика и въ частности съ его словами: «Миръ безъ аннексій и контрибуцій означалъ бы осуществленіе нѣмецкихъ домогательствъ, и привелъ бы къ усиленію Германіи въ результатѣ войны»...

Случилось такъ, что меморандумъ Зумана, содержавшій талантливое изложеніе и сопоставленіе этихъ и ряда другихъ фактовъ, — не былъ поданъ по назначенію. Во-первыхъ, на автора оказало вліяніе выступленіе Масарика по пріѣздѣ его въ Петроградъ, когда онъ призывалъ всѣхъ чеховъ къ забвенію розни и къ дружной работѣ. Правда, это выступленіе оказалось лишь очереднымъ тактическимъ ходомъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ стало все яснѣе вырисовываться неожиданное для многихъ обстоятельство: всѣ дѣйствія Максы и Павлу не только не вызывали неудовольствія Масарика, но принимались имъ вполнѣ сочувственно. А слѣдовательно представлялось безсмысленнымъ «открывать глаза» Масарику на то, что повидимому ему уже давно было извѣстно...

Рядъ заявленій и дѣйствій Масарика непосредственно по пріѣздѣ его въ Россію обнаружилъ съ очевидностью, что его подлинный политическій обликъ не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ представленіемъ, которое сложилось у большинства русскихъ чеховъ въ результатѣ выступленій Масарика въ предшествовавшій періодъ, въ частности въ результатѣ его знаменательнаго письма къ съѣзду 1916 года... Какъ иначе, если не отрицаніемъ какихъ бы то ни было заслугъ правленія Союза, прозвучали слова Масарика въ рѣчи его въ обществѣ петроградскихъ чеховъ 31 мая 1917 года: «Теперь особенно, когда мы въ Россіи даромъ потеряли (propasli) три года, теперь наконецъ уже время работать»?... («Чехословакъ» № 97). Въ дальнѣйшихъ выступленіяхъ Масарикъ упрекалъ русскихъ чеховъ въ томъ, что они, недостаточно зная чешскую политическую жизнь, превратно понимали и неправильно выполняли заданія. Наконецъ, поскольку дѣло касалось важнѣйшей стороны работы — военно-организаціонной, Масарикъ выразилъ свое неудовольствіе въ слѣдующихъ словахъ: «Ошибки прежней работы (т. е. работы правленія Союза) въ военномъ отношеніи вытекали изъ того, что ее вели не спеціалисты» («Чехослованъ», № отъ 23 іюля ст. ст. 1917 г.). Врядъ ли и этотъ упрекъ былъ справедливымъ, если учесть, что ближайшимъ помощникомъ Вондрака и Тучека былъ Гусакъ, блестящій офицеръ, ставшій впослѣдствіи военнымъ министромъ Чехословацкой Республики, и если вспомнить, что въ свое время начальникъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго генералъ Алексѣевъ одобрилъ представленный правленіемъ Союза военный проектъ, ограничившись лишь нѣсколькими несущественными замѣчаніями.

Съ окончательной ясностью выявились симпатіи Масарика тогда, когда наиболѣе близкимъ къ нему въ его политической работѣ лицомъ, а затѣмъ и его замѣстителемъ сталъ Макса, тотъ Макса, который провозгласилъ «нашей платформой» лозунги революціонной демократіи...

ГЛАВА XIII.

МАСАРИКЪ И ЧЕХОСЛОВАЦКОЕ ВОЙСКО.

Если Масарикъ въ области политической работы опирался на лѣвый флангъ чешской общественности, находившійся въ тѣсной идеологической связи съ «революціонной демократіей», — то поскольку дѣло касалось организаціи войска, онъ категорически отбрасывалъ модные лозунги и проявлялъ себя убѣжденнымъ «милитаристомъ». Онъ работалъ и для численнаго увеличенія войска, и для сохраненія въ немъ дисциплины, готовой пошатнуться подъ вліяніемъ заразы, исходящей отъ разлагающейся русской арміи.

Ко времени пріѣзда проф. Масарика въ Россію четыре чехословацкихъ пѣхотныхъ баталіона стали разворачиваться въ четыре пѣхотныхъ полка, и чехи надѣялись въ ближайшемъ будущемъ довести составъ войска до трехъ дивизій. Но тутъ случилось событіе, которое лишній разъ показало, что революціонные министры и генералы гораздо менѣе, чѣмъ ихъ «старорежимные» предшественники склонны были считаться съ національными стремленіями чеховъ. Революціонный командующій Кіевскимъ военнымъ округомъ полковникъ Оберучевъ, почему то не взлюбившій чеховъ, доложилъ военному министру Керенскому о желательности прекращенія чешскихъ формированій. Керенскій не задумываясь согласился, и проф. Масарику, черезъ нѣсколько дней послѣ его пріѣзда, пришлось писать докладную записку Керенскому. Въ ней Масарикъ утверждалъ, ссылаясь на 1848 годъ, что Австро-Венгрія начала войну изъ за ненависти къ русскому народу, «а не къ старому

режиму, ибо старый режимъ поддерживалъ какъ Австрію, такъ и Германію», увѣрялъ, что «политическое освобожденіе Россіи зависитъ также отъ торжества въ Европѣ демократическихъ принциповъ», и заканчивалъ просьбой о разрѣшеніи продолжать работу по созданію войска.

Какъ и слѣдовало ожидать, Керенскому было въ то время некогда заниматься чешскими дѣлами, но приказъ Оберучева былъ отмѣненъ благодаря «старорежимному» генералъ-квартирмейстеру Ставки ген. Духонину, который своей властью распорядился довести чехословацкую бригаду до штата четырехполковой стрѣлковой дивизіи.

Штабъ дивизіи былъ сформированъ въ августѣ 1917 года. Тогда же былъ созданъ артиллерійскій дивизіонъ. Къ этому времени существовало уже семь чехословацкихъ полковъ. Восьмой былъ законченъ формированіемъ въ сентябрѣ, и въ концѣ сентября была образована вторая стрѣлковая дивизія.

Формированіе новыхъ частей происходило въ Бобруйскѣ, Борисполѣ, Березинѣ и Дарницѣ, подъ руководствомъ особой комиссіи, назначенной въ соотвѣтствіи съ инструкціями, выработанными генеральнымъ штабомъ еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, непосредственно послѣ того, какъ принципіальный вопросъ о формированіяхъ былъ окончательно разрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ.

Предсѣдателемъ комиссіи былъ тогда же назначенъ генералъ Червинка.

Едва удалось добиться отмѣны распоряженія Керенскаго, какъ возникли новыя трудности въ связи съ нежеланіемъ промышленниковъ отпускать рабочихъ чеховъ съ заводовъ. Дѣло дошло до того, что въ концѣ іюля владѣльцы сахарныхъ заводовъ настоятельно просили не отбирать у нихъ не только квалифицированныхъ рабочихъ, но даже просто «пріученныхъ къ опредѣленнаго рода работѣ», считая ихъ «незамѣнимыми».

Въ результатѣ подобныхъ обращеній, генеральный штабъ, по настоянію министерства торговли и промышленности, сдѣлалъ въ концѣ іюля распоряженіе о томъ, чтобы военнопленные отпускались изъ предпріятій, работающихъ на оборону, только по замѣнѣ ихъ другими рабочими.

Однако и эти затрудненія не задержали быстраго роста количественнаго состава чехословацкихъ формированій. И если въ день Зборовскаго боя чехословацкая бригада насчитывала около 7.000 человѣкъ, то къ концу 1917 года численность чехословацкаго войска была не менѣе 30.000, а къ концу февраля 1918 года, когда проф. Масарикъ покидалъ Россію, составъ войска опредѣлялся въ 42.000.

Публицисты, близко стоявшіе къ Масарику, въ своихъ статьяхъ и воспоминаніяхъ, написанныхъ на территоріи свободной Чехословакіи, тщательно подчеркиваютъ стремительный ростъ войска въ 1917 году, объясняя его обаяніемъ личности вождя — проф. Масарика.

На самомъ дѣлѣ свыше 23.000 военноплѣнныхъ были зарегистрированы, какъ желающіе поступить въ войско, еще кіевскимъ правленіемъ Союза, до конца марта 1917 года. Они и влились въ войсковые кадры послѣ утвержденія «Положенія о формированіи», котораго добилось опять таки кіевское правленіе. Но это могло быть осуществлено уже въ тотъ періодъ, когда старые дѣятели сошли со сцены.

Кромѣ того, необходимо имѣть въ виду, что поступленіе въ войско было необходимымъ условіемъ для освобожденія военноплѣнныхъ изъ лагерей.

Очень существенное вліяніе въ смыслѣ разростанія войска оказала русская смута, всеобщая неурядица, наступившая неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ. Это отмѣчаютъ даже наиболѣе пылкіе прославители профессора Масарика. Такъ, упоминавшійся уже ранѣе Кудела въ своихъ воспоминаніяхъ пишетъ: «Въ эти крайне тяжелыя времена чехословацкое движеніе въ Россіи сосредоточивается тѣснѣе — подобно тому, какъ морозъ и холодный вѣтеръ заставляютъ людей прижаться другъ къ другу».

Такое же значеніе имѣла оккупація нѣмцами Малороссіи въ началѣ 1918 года. Чехи имѣли полное основаніе ожидать со стороны нѣмцевъ всяческихъ преслѣдованій; естественнымъ выходомъ, который подсказывало чувство самосохраненія, было — присоединиться къ отходившему войску...

Но если проф. Масарику и создавшемуся въ маѣ 1917 года

русскому отдѣлу чехословацкаго Національнаго Совѣта («Одбочка») не приходилось тратить особенныхъ усилій для численнаго увеличенія чехословацкихъ формированій, зато представлялось необходимымъ зорко слѣдить, чтобы «революціонный духъ» не оказался для чешскаго войска столь же пагубнымъ, какъ для русской арміи.

Революціонные порядки, вводимые въ русскихъ частяхъ, и вызванное ими быстрое разложеніе арміи, конечно, не могли не отразиться на чешскихъ формированіяхъ. Какъ и всюду, у чеховъ были образованы «комитеты». Какъ и всюду, они стали присваивать себѣ функціи, принадлежащія командному составу. Появились случаи неповиновенія. По русскому образцу, части стали «выносить недовѣріе» начальникамъ...

Угроза была очевидна. Необходимо было потушить зло.

Проф. Масарикъ и его сотрудники энергично принялись за работу въ этомъ направленіи, и въ теченіе второй половины 1917 года осуществили рядъ мѣропріятій для поддержанія дисциплины и порядка въ войскѣ.

Общіе принципы, на которыхъ велась эта работа, были обстоятельно изложены проф. Масарикомъ въ октябрѣ 1917 года въ Кіевѣ, на совѣщаніи представителей комитетовъ войска. Здѣсь проф. Масарикъ прежде всего настаивалъ на необходимости приложить всѣ усилія для поднятія уровня военной подготовки офицеровъ и солдатъ и указывалъ на исключительное значеніе надлежащихъ отношеній между офицерами и солдатами въ смыслѣ сочетанія взаимнаго уваженія и довѣрія — съ твердой дисциплиной. Комитетамъ Масарикъ отводилъ лишь область культурно-просвѣтительной и хозяйственной работы и подчеркивалъ недопустимость ихъ вмѣшательства въ постановку строевой части и въ дѣла, касающіяся командnаго состава и его боевыхъ распоряженій.

Еще въ іюлѣ мѣсяцѣ въ приказахъ по бригадѣ было объявлено, что комитеты не располагаютъ дисциплинарной властью.

Въ концѣ августа чехословацкій Національный Совѣтъ воспретилъ чинамъ войска какое либо участіе въ политическихъ собраніяхъ безъ разрѣшенія Національнаго Совѣта или начальника дивизіи.

Эти положенія были повторены еще разъ, въ болѣе категорическомъ и систематизированномъ видѣ, въ особомъ распоряженіи Національнаго Совѣта, изданномъ въ сентябрѣ, гдѣ было тщательно подчеркнуто, что оцѣнка дѣйствій командnаго состава принадлежитъ исключительно Національному Совѣту.

Мало того. Въ октябрѣ, въ цѣляхъ укрѣпленія престижа строевыхъ начальниковъ, Національный Совѣтъ поручилъ имъ разсмотрѣніе дисциплинарныхъ проступковъ солдатъ, изъявъ эти дѣла изъ вѣдѣнія полковыхъ судовъ.

Ко времени большевицкаго переворота, когда русская армія представляла собою хаотическую стихію, въ которой распоряжался кто угодно, кромѣ войсковыхъ начальниковъ, — чехословацкое войско фактически являлось обособленной военной силой,. подчинявшейся Національному Совѣту. Связь войска съ политическими руководителями чешскаго движенія была закрѣплена тѣмъ, что проф. Масарикъ принялъ шефство надъ 5 стрѣлковымъ полкомъ — честь, принадлежавшая въ дореволюціонное время лишь членамъ Императорской фамиліи и изрѣдка выдающимся полководцамъ. Новое званіе проф. Масарика было санкціонировано генеральнымъ штабомъ 20 октября въ сношеніи на имя генерала Червинки, послѣ чего генералъ Червинка приказалъ именоваться полку «5 Чехословацкимъ Пражскимъ Фомы Масарика полкомъ».

Въ концѣ 1917 года Національный Совѣтъ рѣшилъ ввести въ чешскихъ частяхъ французскій уставъ внутренней службы. Въ январѣ 1918 года Совѣтъ распорядился писать приказы по войсковымъ частямъ не только по русски, но и по чешски. Еще раньше былъ учрежденъ орденъ Гуситскаго Креста.

Фактическая независимость войска отъ русскихъ властей обозначилась съ полной ясностью послѣ того, какъ чехословацкія формированія получили организаціонное единство.

Еще въ началѣ октября 1917 года былъ изданъ приказъ о сформированіи чехословацкаго корпуса и запасной бригады. Одновременно была упразднена учрежденная въ мартѣ мѣсяцѣ комиссія по формированію чехословацкихъ частей. Предсѣдатель комиссіи генералъ Червинка былъ назначенъ командиромъ запасной бригады. 3 ноября Ставка переименовала упра-

вленіе запасной бригады въ управленіе чехословацкихъ запасныхъ войскъ, и командиръ бригады сталъ инспекторомъ чехословацкихъ запасныхъ войскъ. Генералъ Червинка, въ должности инспектора запасныхъ войскъ, подчинялся командиру чехословацкаго корпуса и являлся, на правахъ начальника дивизіи, начальникомъ всѣхъ чехословацкихъ запасныхъ частей. Одновременно формировались артиллерійскія и инженерныя части, соотвѣтствующія нормальнымъ штатамъ корпуса.

Такимъ образомъ , Національный Совѣтъ и проф. Масарикъ, провозглашенный диктаторомъ, имѣли въ своемъ распоряженіи внушительную военную силу, четко выдѣлявшуюся своей дисциплиной и внутренней спайкой на фонѣ расхлябанной русской арміи, окончательно потерявшей всякую боеспособность.

Передъ проф. Масарикомъ и его сотрудниками стоялъ вопросъ о политическомъ примѣненіи той вооруженной силы, которой они располагали.

* * *

Еще задолго до революціи — какъ только опредѣлились высокія боевыя качества первыхъ чехословацкихъ формированій и намѣтилась возможность увеличенія ихъ численнаго состава,— проф. Масарикъ возымѣлъ мысль добиться перевозки части чехословацкой военной силы во Францію. Масарикъ и Бенешъ вполнѣ основательно считали, что появленіе чеховъ на западномъ фронтѣ — способно въ значительной мѣрѣ поднять ихъ престижъ въ Парижѣ и Лондонѣ. Для полученія согласія русскаго правительства на этотъ планъ Масарикъ разсчитывалъ использовать авторитетъ Дюриха, направлявшагося въ Россію. И дѣйствительно, въ первый періодъ своего пребыванія въ Россіи, Дюрихъ, находившійся тогда всецѣло подъ вліяніемъ Масарика, — усиленно муссировалъ этотъ вопросъ. Союзъ чехословацкихъ обществъ, изъ соображеній лойяльности къ Дюриху и Масарику, не заявилъ протеста противъ прозрачныхъ стремленій послѣдняго воспользоваться плодами организаціонной работы Союза, но и не нашелъ возможнымъ поддержать предложеніе Дюриха, полагая, что мѣсто чехословацкихъ ча-

стей — именно на фронтѣ противъ Австріи, и справедливо считая нецѣлесообразнымъ и опаснымъ разбивать единство чехословацкихъ формированій.

Императорское правительство не усмотрѣло никакой ни военной, ни политической надобности въ переброскѣ чехословацкихъ частей на западный фронтъ, и хлопоты Дюриха, такъ же какъ шаги, предпринимавшіеся одновременно Масарикомъ передъ французскимъ командованіемъ, — остались безрезультатными.

Но ксгда, уже послѣ революціи, вопросъ былъ снова поднятъ французскимъ министромъ снабженія Альберомъ Тома, революціонное правительство иначе отнеслось къ дѣлу. Генеральный штабъ освѣдомился относительно точки зрѣнія русскаго отдѣленія чехословацкаго Національнаго Совѣта.

«Одбочка» въ своемъ отвѣтѣ отъ 20 мая, за подписью предсѣдателя ея Чермака, конечно, выразила согласіе на перевозку формированій. Интересно отмѣтить, что «Одбочка» выдвигала на первый планъ при рѣшеніи даннаго вопроса мнѣніе и желаніе русскаго правительства. Чермакъ писалъ: «Чехословацкій Національный Совѣтъ не можетъ не признать совершенно правильной точку зрѣнія Главнаго Управленія генеральнаго штаба на участіе войска въ борьбѣ на французскомъ фронтѣ, тѣмъ болѣе, что мы всегда признавали и признаемъ за Россіей, какъ наибольшимъ славянскимъ государствомъ, право иниціативы въ славянскихъ вопросахъ».

Ссылаясь на эту переписку, проф. Масарикъ 25 мая обратился къ военному министру Керенскому съ просьбой объ отправкѣ военноплѣнныхъ во Францію.

Альберъ Тома въ письмѣ генералу Романовскому отъ 8 іюня н. ст. опредѣлилъ численность чехословацкихъ военноплѣнныхъ, которыхъ французское правительство желаетъ перевезти во Францію въ данный моментъ, въ 30 тысячъ человѣкъ.

Въ сентябрѣ проф. Масарикъ повторилъ ходатайство объ отправкѣ во Францію чехословацкихъ формированій.

Министерство иностранныхъ дѣлъ и штабъ Верховнаго Главнокомандующаго рѣшили на этотъ разъ пойти навстрѣчу

французскому правительству, причемъ начальникъ штаба генералъ Духонинъ выставилъ два требованія: обязательное согласіе всѣхъ отправляемыхъ чехословаковъ и условіе, чтобы отправка не нанесла ущерба формированію чехословацкихъ частей въ Россіи.

Вслѣдъ за тѣмъ генеральный штабъ отдалъ распоряженіе штабу Кіевскаго военнаго округа приступить къ составленію эшелоновъ чехословаковъ, желающихъ ѣхать на Западъ, и эти эшелоны незамедлительно направлять на Архангельскъ.

Первоначально предполагалось, что части, подлежащія отправкѣ, прибудутъ въ Архангельскъ въ послѣднихъ числахъ сентября. Однако, задержки, неизбѣжныя въ существовавшей тогда обстановкѣ общаго развала, разстроили этотъ планъ. Первый эшелонъ, въ составѣ около 500 человѣкъ, выдѣленный изъ 1-го чехословацкаго запаснаго полка, выѣхалъ изъ Житомира только въ серединѣ ноября. Тѣмъ временемъ навигація въ Бѣломъ морѣ прекратилась, и эшелонъ остановился въ Новгородской губерніи. Другіе эшелоны, направившіеся на сѣверъ, также застряли въ пути.

Оставалась единственная возможность попасть на Западъ — кружный путь черезъ Владивостокъ. Одно время у Масарика была мысль примѣнить чехословацкія военныя силы на румынскомъ фронтѣ. Въ концѣ октября онъ поѣхалъ въ Яссы. Изучивъ обстановку, онъ убѣдился въ несостоятельности этой идеи.

Къ концу 1917 года большевики разрушили русскій фронтъ до основанія. Затѣмъ, вскорѣ послѣ паденія Временнаго Правительства, начались переговоры о мирѣ. Обстановка приводила къ выбору одного изъ двухъ рѣшеній: или защита Національной Россіи въ союзѣ съ начавшимся бѣлымъ движеніемъ, или — переброска въ Западную Европу уже не отдѣльныхъ эшелоновъ, а всей чехословацкой арміи въ цѣломъ. Масарикъ, провозгласившій «принципъ невмѣшательства», не колебался ни минуты...

Большевицкій комиссаръ по военнымъ дѣламъ Троцкій далъ согласіе на продвиженіе чехословацкихъ эшелоновъ черезъ Сибирь къ Владивостоку.

Договорившись съ французской и англійской миссіями о снабженіи чехословацкаго войска денежными средствами и получивъ обѣщаніе большевиковъ не чинить препятствій эшелонамъ на пути во Владивостокъ, — проф. Масарикъ рѣшилъ ѣхать въ Западную Европу, какъ онъ пишетъ, «въ качествѣ квартирмейстера». Онъ выѣхалъ изъ Москвы 7 марта 1918 года. 1 апрѣля онъ прибылъ во Владивостокъ. Въ тотъ же день онъ выѣхалъ въ Японію, прожилъ въ Токіо двѣ недѣли, а въ послѣднихъ числахъ апрѣля былъ уже въ Америкѣ.

ГЛАВА XIV.

«ПРИНЦИПЪ НЕВМѢШАТЕЛЬСТВА»

Оцѣнка Масарикомъ развертывающихся передъ его глазами революціонныхъ событій стояла въ связи съ его общимъ отношеніемъ къ проблемѣ русской революціи. Говоря о книгѣ Масарика «Россія и Европа», мы отмѣчали тѣ надежды, которыя онъ возлагалъ на ожидаемый имъ русскій кризисъ. Масарикъ считалъ, что «царизмъ» является величайшимъ зломъ и бѣдствіемъ, что старый русскій строй лишенъ какихъ бы то ни было творческихъ силъ и возможностей. Масарикъ желалъ и проповѣдывалъ необходимость «переворота отъ основанія».

Ходъ событій показалъ Масарику съ полной очевидностью, что пришедшая на смѣну «царизму» «революціонная демократія», «разрушивъ старый міръ» — новый построить не способна. Можетъ быть наиболѣе показательнымъ моментомъ для Масарика въ смыслѣ воспріятія имъ подлинной сущности новой власти, — было отношеніе ея къ чешскому движенію, свидѣтельствовавшее о полномъ непониманіи чешскихъ стремленій и даже о враждебности къ нимъ.

Въ августѣ 1917 года, въ одной изъ своихъ московскихъ рѣчей, проф. Масарикъ, воспѣвая дифирамбы революціи, заявилъ, что она принесла идею самоопредѣленія народовъ, и этимъ сдѣлала дальнѣйшій шагъ впередъ по сравненію съ революціей французской, выдвинувшей идею свободы личности. Но уже 5 ноября проф. Масарикъ обратился съ протестомъ къ петроградскому совѣту рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ по поводу изданнаго совѣтомъ «Наказа», въ которомъ было

провозглашено требованіе автономіи Добруджи, Босніи и Герцеговины, но ничего не было сказано о національныхъ правахъ чехословаковъ и входящихъ въ составъ Австро-Венгріи сербскихъ и румынскихъ земель.

Наряду съ этимъ, правда, проф. Масарикъ еще въ самомъ концѣ ноября ст. ст. высказалъ наивное убѣжденіе, что «большевики, въ качествѣ революціонной партіи, не могутъ быть противъ насъ».

Но черезъ нѣсколько дней, въ декабрѣ, въ своей рѣчи въ Отдѣлѣ Національнаго Совѣта, Масарикъ хотя и осторожно, но достаточно опредѣленно выразилъ свою неудовлетворенность совѣтской властью, въ словахъ: «Сомнѣваюсь, что большевицкая власть заключитъ миръ; не вѣрю, чтобы Германія могла и хотѣла заключить миръ съ партіей, которая не представляетъ всей Россіи»...

Какой же выводъ сдѣлалъ Масарикъ, когда увидѣлъ, что «переворотъ отъ основанія», приведшій къ власти «революціонную демократію», не только не принесъ пользы Россіи, но безконечно ее ослабилъ и унизилъ, когда Масарикъ самъ, наконецъ, призналъ, что «русскій кризисъ — рана для всѣхъ»?

Онъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ обвинить тотъ же «царизмъ, который при своемъ паденіи ничего не оставилъ послѣ себя». Въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ «Утра Россіи» 1 сентября 1917 года онъ заявилъ: «Паденіе царизма — первая половина революціи; другая — положительная, творческая — не наступила до сихъ поръ потому, что царизмъ былъ гнилымъ даже въ своихъ корняхъ»...

Въ своихъ воспоминаніяхъ, изданныхъ подъ заглавіемъ «Міровая революція», президентъ Масарикъ по этому же поводу пишетъ: «Русскіе, какъ и большевики, являются дѣтьми царизма; въ теченіе столѣтій онъ ихъ воспитывалъ и вырабатывалъ. Они сумѣли устранить царя, но не устранили царизма. У нихъ царская форма, хотя они носятъ ее наизнанку. Вѣдь русскіе и сапоги умѣютъ вывернуть наизнанку.»

Здѣсь не мѣсто разбирать вопросъ, почему же проф. Масарикъ такъ горячо стремился всю свою жизнь содѣйствовать русской революціи, если онъ зналъ, что изъ этого не можетъ

выйти ничего хорошаго, и что паденіе династіи не означаетъ искорененія «царизма».

Здѣсь существенно отмѣтить другое. Неоднократно во время пребыванія своего въ Россіи проф. Масарикъ заявлялъ, что чешское войско борется противъ Австріи и Германіи за славянство, за самостоятельную Чехію и за *Россію*. Такъ, въ рѣчи своей въ Москвѣ въ августѣ 1917 г. онъ обратился къ чешскимъ солдатамъ со слѣдующими словами: «Вы, воины, будете сражаться и проливать кровь за Чехію и Словакію, и одинаковымъ образомъ за Россію. И теперь, когда Россія находится въ тяжеломъ положеніи, мы не имѣемъ права отъ нея отойти. Для меня и для каждаго это — причина прильнуть къ ней еще тѣснѣе».

Но дальнѣйшія событія показали, что подобныя выступленія были продиктованы лишь желаніемъ приспособиться къ преобладавшимъ въ войскѣ настроеніямъ славянской взаимности и единенія, — къ той психологіи неразличенія и во всякомъ случаѣ непротивопоставленія русскихъ и чешскихъ интересовъ, — въ атмосферѣ которой зародилось и протекало чешское движеніе въ Россіи съ самаго начала войны, отъ самыхъ своихъ истоковъ...

Потому что, если-бы эти заявленія отвѣчали истиннымъ убѣжденіямъ и намѣреніямъ чешскаго вождя, то естественнымъ выводомъ изъ создавшейся обстановки было бы для него— внять голосу русскихъ національныхъ вождей Корнилова и Алексѣева, поднявшихъ стягъ борьбы съ большевиками и призывавшихъ проф. Масарика и чехословацкое войско принять дѣйственное участіе въ осуществленіи задачи, стоявшей передъ русскими патріотами, и единственно отвѣчавшей русскому національному сознанію, идеѣ славянскаго единенія, и — болѣе того — общечеловѣческой идеѣ права, гуманизма, культуры и справедливости, служителемъ и глашатаемъ которой всегда считалъ себя проф. Масарикъ.

Чехословацкій диктаторъ рѣшилъ иначе. Онъ принялъ принципъ «невмѣшательства въ русскія дѣла» и «нейтралитета при всѣхъ обстоятельствахъ». И, что можетъ быть хуже всего: свое рѣшеніе, вытекающее въ дѣйствительности, какъ раз-

сказалъ проф. Масарикъ впослѣдствіи въ книгѣ «Міровая революція», изъ презрѣнія къ русскому народу и ненависти къ идеѣ національной Россіи, — онъ, считаясь съ славянскими настроеніями своего войска, прикрылъ превратной и двусмысленной формулой: «Мы лучше всего поможемъ Россіи, если поможемъ себѣ»..

Въ своихъ писаніяхъ, еще до русской революціи, проф. Масарикъ утверждалъ, что каждую революцію слѣдуетъ судить по ея моральнымъ побужденіямъ. Это — одна изъ его любимыхъ мыслей, которую онъ постоянно подчеркивалъ и развивалъ. Особенный интересъ и значеніе пріобрѣтаетъ поэтому оцѣнка, данная проф. Масарикомъ моральной сторонѣ большевизма. Разумѣется, не время и не мѣсто было въ Россіи въ 1917-1918 годахъ высказывать съ полной откровенностью свои сужденія о большевикахъ. И потому въ данномъ случаѣ слѣдуетъ обратиться къ недавно изданнымъ воспоминаніямъ проф. Масарика, гдѣ удѣлено много мѣста и вниманія его пребыванію въ Россіи.

«Самымъ большимъ минусомъ, — пишетъ Масарикъ о большевикахъ, — является моральная развращенность, упадокъ школьнаго образованія и воспитанія, моральная и культурная анархія вообще».

Казалось бы, убійственный отзывъ! Но не надо торопиться съ такимъ заключеніемъ: эти слова представятся совершенно въ другомъ свѣтѣ, если прочесть на предшествующихъ страницахъ масариковскую характеристику до-революціонной Россіи. О большевикахъ онъ говоритъ спокойно, здѣсь же онъ возвышается до пафоса: «А какова была эта царская семья, эта стая всевозможныхъ великихъ князей, державшихъ въ рукахъ высшіе военные и штатскіе посты!»... «Рѣшающія причины пораженія на фронтѣ заключались въ моральномъ гніеніи русскаго высшаго общества и значительной части всего русскаго народа»... «*Царскій Содомъ и Гоморра* должны были быть уничтожены огнемъ и сѣрнымъ дождемъ. Въ такомъ положеніи не былъ лишь дворъ и придворное общество — деморализація была весьма распространена и захватила всѣ круги, особенно же *такъ называемую* интеллигенцію, а также и мужика.

Царизмъ, вся политическая и церковная система, деморализовали Россію»...

И даже произнося слова рѣшающаго моральнаго осужденія большевизма, проф. Масарикъ не могъ удержаться отъ плевка въ лицо ненавистному «царизму»: «Я ихъ (большевиковъ) особенно обвиняю въ томъ, что они *совсѣмъ по царски* излишествовали въ уничтоженіи жизней»...

Но такъ или иначе, большевицкая власть съ точки зрѣнія проф. Масарика подлежала моральному осужденію. Съ другой стороны, Масарикъ очевидно не являлся сторонникомъ непротивленія злу И никто вѣдь не приглашалъ Масарика принять участіе въ возстановленіи «царизма». Его приглашали и просили выступить для спасенія національной *Россіи*. Объективная обстановка, а именно обстоятельство, что большевики въ тотъ періодъ не обладали арміей, а могли располагать лишь едва начинавшими формироваться бандами «красной гвардіи», — если не обезпечивало вполнѣ, то давало несомнѣнныя надежды на успѣхъ...

Принципъ «невмѣшательства во внутреннія дѣла», провозглашенный Масарикомъ, означалъ двѣ вещи. Первое: вопреки заявленіямъ о неразрывной связи русскихъ и чешскихъ интересовъ, о томъ, что чехи и словаки «не смѣютъ оставить Россію, когда она находится въ тяжеломъ положеніи», — проф. Масарикъ въ дѣйствительности сознавалъ и ощущалъ интересы Россіи совершенно чуждыми интересамъ чехословаковъ. И несмотря на это, въ своихъ воспоминаніяхъ онъ посылаетъ «офиціальной Россіи» несправедливый упрекъ: «Для царской Россіи мы были братьями и славянами второго сорта»...

И второе: рѣшеніе Масарика совершенно конкретно означало признаніе большевиковъ въ качествѣ *русской* власти. Можно прямо сказать, что Масарикъ открылъ дорогу европейскимъ государствамъ въ смыслѣ признанія совѣтскаго правительства, ту дорогу, на которую первой вступила Германія. «То, что союзники не должны были вмѣшиваться во внутреннія дѣла Россіи, — пишетъ Масарикъ въ книгѣ «Міровая Революція», — разумѣется само собою вслѣдствіе международныхъ-

обычаевъ; обратно, и большевики не должны были путаться въ дѣла союзническихъ государствъ».

Правда, Масарикъ тутъ же дѣлаетъ оговорку: «Большевицкое ученіе о пролетарскомъ интернаціоналѣ и его задачахъ было въ этомъ случаѣ важнымъ препятствіемъ».

Здѣсь Масарикъ какъ будто обнаруживаетъ пониманіе природы коммунизма и совѣтской власти, но тѣмъ болѣе страннымъ кажется заключеніе, къ которому онъ приходитъ: «Во всякомъ случаѣ уже тогда борьба съ большевиками была борьбой съ офиціальной Россіей: если война съ Россіей — съ большевицкой Россіей, такъ какъ иной не было — была дѣйствительно нужна, то было необходимо объявить ее офиціально и привести причины. Безъ обиняковъ признаюсь, что я не одобрялъ этого недостатка политическихъ формальностей по отношенію къ большевикамъ».

Какъ то не вѣрится, что эти мысли высказаны тѣмъ самымъ проф. Масарикомъ, который всѣми средствами боролся съ высказывавшейся нѣкоторыми европейскими политиками точкой зрѣнія, что чешскій вопросъ связанъ съ внутренними дѣлами Австріи...

И еще разъ въ своей книгѣ повторяетъ тѣ же мысли проф. Масарикъ, въ формулировкѣ по существу ослабленной, но обостренной личнымъ выпадомъ противъ Государя: «Въ концѣ концовъ, большевики были тоже русскими. Для меня Ленинъ былъ не менѣе русскимъ, чѣмъ Николай; несмотря на его монгольское происхожденіе, въ немъ было больше русской крови, чѣмъ у царя».

Мало того, Масарикъ находитъ въ большевицкомъ режимѣ и положительныя, свѣтлыя стороны: «То, что режимъ Ленина не создалъ коммунизма, — пишетъ онъ, — и то, что у него были и есть большіе недостатки и грѣхи, еще не означаетъ, что это зло не принесло Россіи и особенно массѣ русскихъ мужиковъ ничего хорошаго».

Нельзя безъ чувства глубокаго внутренняго отпора читать слѣдующія строки: «Большевизмъ пробудилъ чувство свободы; особенно же возросло сознаніе собственной силы у крестьянъ, и всѣ получили урокъ о силѣ организаціи; окрѣпло убѣжденіе

въ необходимости работы и прилежанія (самъ Ленинъ и многіе вожди являются добрымъ примѣромъ); въ городахъ и среди крестьянъ началось руссовское опрощеніе»...

Для русскихъ людей, пережившихъ большевицкій гнетъ и знающихъ, какое «чувство свободы» испытывали сотни тысячъ большевицкихъ жертвъ въ чрезвычайкахъ и крестьяне, изъ которыхъ выколачивали хлѣбъ карательными отрядами, и какъ происходило болѣе чѣмъ «руссовское» опрощеніе поневолѣ изъ за недостатка хлѣба и самыхъ необходимыхъ вещей, «опрощеніе», приведшее къ милліонамъ голодныхъ смертей, — эти слова ученаго моралиста и соціолога кажутся какимъ то издѣвательствомъ надъ русской трагедіей...

Въ своихъ воспоминаніяхъ проф. Масарикъ нашелъ, наконецъ, возможнымъ откровенно опредѣлить свою тогдашнюю политическую линію, прямо противорѣчившую его великодушнымъ заявленіямъ объ обязательствахъ чеховъ и словаковъ по отношенію къ Россіи: «Для меня въ то время большевики были чисто военной проблемой, т. е. меня интересовало то, какъ большевики будутъ относиться къ нашей арміи».

Изъ этого положенія вытекалъ естественный выводъ:

«Съ того момента, какъ большевики пустились въ переговоры о мирѣ — формально это началось 3 декабря 1917 года приглашеніемъ къ перемирію — всѣмъ стало ясно, что нашему войску нечего дѣлать въ Россіи, а потому мы начали самымъ поспѣшнымъ образомъ нашъ походъ съ Украины въ Россію, направляясь во Владивостокъ, а оттуда во Францію».

Здѣсь только необходима оговорка: напрасно проф. Масарикъ говоритъ за другихъ, утверждая, что это «всѣмъ стало ясно»; очень многіе чехи считали, что при данныхъ обстоятельствахъ имъ слѣдуетъ выступить противъ большевиковъ, — и какъ противъ моральной язвы и угрозы для Россіи и славянства, и какъ противъ орудія нѣмцевъ. Это доказываетъ хотя бы та готовность, съ которой 2-ой чешскій полкъ принялъ участіе въ сопротивленіи большевикамъ 29 октября въ Кіевѣ. Правда, какъ замѣчаетъ Масарикъ, «Макса сейчасъ же ликвидировалъ легкомысленный инцидентъ».

Въ попыткахъ оправдать свою политику нейтралитета

Масарику все время приходится приводить и подчеркивать то положеніе, что чехословацкая армія предназначалась для борьбы съ нѣмцами. Поэтому, защищая «принципъ невмѣшательства», проф. Масарикъ въ своихъ воспоминаніяхъ усердно старается доказать, что большевики не только не имѣли съ нѣмцами рѣшительно ничего общаго, но даже чуть ли не собирались продолжать войну съ Германіей...

«Что касается отношенія нѣмцевъ къ большевикамъ, — пишетъ онъ, — то невѣрно утвержденіе, будто нѣмцы съ начала и при всѣхъ условіяхъ поддерживали большевиковъ... Нѣмцы большевикамъ не довѣряли и до извѣстной степени ихъ боялись; это было ясно изъ переговоровъ въ Брестъ-Литовскѣ, и объ этомъ можно еще судить по тому факту, что весной 1918 года нѣмцы въ Россіи держали значительную часть войска, которую могли бы употребить съ большей пользой во Франціи».

Конечно, нѣмцы знали, что большевики — это темная сила, конечно, были въ Германіи дѣятели, которыхъ смущалъ этотъ способъ борьбы съ Россіей, страшила эта тяжкая моральная отвѣтственность,—но въ конечномъ счетѣ германское правительство взяло эту отвѣтственность на себя, и въ описываемый періодъ большевики являлись естественными союзниками нѣмцевъ. Кстати сказать, тотъ съ несомнѣнностью установленный фактъ, что германскій генеральный штабъ снабдилъ большевицкихъ главарей весьма крупной денежной суммой, — проф. Масарикъ просто игнорируетъ...

И во всякомъ случаѣ неумѣстно и невмѣстно проф. Масарику пользоваться тѣми «доказательствами отъ противнаго», содержащими по существу повтореніе давно опровергнутой клеветы, — которыя мы находимъ въ его книгѣ: «Заключеніемъ мира съ нѣмцами они (большевики) слѣдовали за своими предшественниками царскаго и послѣцарскаго режима. Я уже упоминалъ, что и Милюковъ готовъ былъ подписать миръ, а Терещенко велъ о немъ переговоры съ Австріей, несмотря на то, что принципіально былъ за продолженіе войны».

Проф. Масарикъ ловитъ самыя голословныя свѣдѣнія и глубокомысленно толкуетъ случайные заскоки въ дѣйствіяхъ совѣтской власти, — если онь можетъ отсѣять въ нихъ малѣйшій

намекъ на недружелюбіе большевиковъ къ нѣмцамъ: Въ интересахъ исторической правды я долженъ констатировать, что большевики уже послѣ заключенія перемирія и во время переговоровъ въ Брестъ-Литовскѣ думали о реорганизаціи русской арміи для борьбы съ Германіей. Троцкій въ началѣ войны написалъ рѣзкую брошюру противъ нѣмцевъ и австрійцевъ; въ февралѣ 1918 года онъ внесъ предложеніе въ центральный комитетъ въ Петроградѣ, чтобы добиваться помощи Франціи и Англіи для реорганизаціи арміи. Ленинъ этотъ планъ одобрилъ. Я это слышалъ на мѣстѣ отъ достовѣрныхъ свидѣтелей; о подробностяхъ ничего не могу сказать... Извѣстно, что договоръ въ Брестъ-Литовскѣ былъ принятъ большевиками лишь подъ сильнымъ давленіемъ Ленина. Троцкаго при голосованіи не было. Дальше, я могу привести фактъ, что въ мартѣ, уже послѣ заключенія мира, Троцкій велъ переговоры съ нѣкоторыми представителями союзническихъ государствъ, дабы ему помогли привлечь (?) генерала Бертело, возвращавшагося изъ Румыніи со своей военной миссіей»...

Стараніямъ большевиковъ путемъ какихъ угодно оборотовъ и диверсій предупредить возможность вооруженнаго выступленія противъ нихъ съ чьей либо стороны — проф. Масарикъ придаетъ цѣну и значеніе опредѣленно оріентированныхъ отвѣтственныхъ международно-политическихъ дѣйствій. То же можно сказать объ отношеніи большевиковъ къ самому проф. Масарику и чешскому войску, котораго они на первыхъ порахъ боялись. Проф. Масарикъ даже какъ бы польщенъ, что командовавшій большевицкими войсками, наступавшими на петлюровцевъ, Муравьевъ «обращался съ нимъ ласково и предупредительно». Проф. Масарикъ очень серьезно разсказываетъ о своемъ свиданіи съ Муравьевымъ: «Мнѣ лично Муравьевъ сказалъ, что давно знаетъ меня по книгамъ (!) и сообщеніямъ, и потому старался меня удовлетворить».

«Знаю слабыя стороны большевиковъ, но одновременно знаю и слабыя стороны остальныхъ партій: онѣ не лучше и не способнѣе», — замѣчаетъ проф. Масарикъ. И вотъ, въ сознаніи непогрѣшимости своего суда, — чехословацкій диктаторъ пишетъ: «Меня убѣждали Корниловъ, Алексѣевъ, Милюковъ

и др., чтобы я присоединился къ нимъ и выступилъ противъ большевиковъ. Я отвергъ всѣ эти планы». И въ другомъ мѣстѣ: «Эти всѣ господа забывали, что мы съ ними, вѣрнѣе съ ихъ преемникомъ, ген. Духонинымъ, заключили договоръ, по которому наша армія должна была выступать лишь противъ внѣшняго непріятеля и этотъ договоръ былъ заключенъ уже при большевицкомъ правительствѣ»...

Въ каждой строкѣ этихъ не вполнѣ ловкихъ оправданій чувствуется затаенное стремленіе затушевать исторически неотвратимый вопросъ: какъ могъ вождь вѣрной союзникамъ славянской арміи, вдобавокъ, по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ самого Масарика, разсматривавшій свое войско, какъ часть французской арміи, — отказаться отъ образованія новаго противогерманскаго фронта съ тѣмъ чтобы облегчить положеніе союзниковъ на Западѣ?...

Отношеніе проф. Масарика къ вождямъ русскаго національнаго движенія, пронесшимъ до конца лозунгъ вѣрности союзникамъ и героически взявшимъ на себя задачу борьбы съ краснымъ безуміемъ, — между прочимъ, весьма выпукло характеризуется замѣчаніемъ, мимолетно оброненнымъ проф. Масарикомъ по адресу Савинкова: «Позднѣйшее развитіе Савинкова — онъ служилъ *даже Колчаку* — показало его слабость»...

Уѣзжая въ мартѣ 1918 года заграницу и довѣряя дальнѣйшее веденіе политическихъ переговоровъ секретарю Національнаго Совѣта Клецандѣ, проф. Масарикъ далъ ему инструкціи, согласно которымъ «Клецанда, въ случаѣ, если бы въ Москвѣ дошло до антибольшевицкаго возстанія, долженъ былъ точно держаться директивы: въ русскія дѣла не вмѣшиваться»...

***

Надежды проф. Масарика на спокойный и мирный путь эшелоновъ къ Владивостоку — не оправдались.

Какъ было отмѣчено, въ періодъ борьбы съ петлюровцами большевики очень считались съ чешскими политическими дѣятелями и относились съ опаской къ чешскому войску, предста-

влявшему внушительную силу по своей численности и, главнымъ образомъ, по своей дисциплинированности. Однако, выдвинутый Масарикомъ принципъ «невмѣшательства во внутреннія дѣла» скоро успокоилъ большевиковъ. Когда они увидѣли, что чешскіе политики тщательно избѣгаютъ и боятся какого либо конфликта, они быстро осмѣлѣли, въ особенности послѣ того, какъ имъ удалось болѣе или менѣе привести въ порядокъ ихъ «красную гвардію». Несомнѣнно въ этой эволюціи немалая роль принадлежала личности Максы. Какъ только Макса, послѣ отъѣзда Масарика, получилъ въ чешскихъ политическихъ кругахъ рѣшающее вліяніе, — большевики окончательно возымѣли увѣренность, что чехословацкое войско ни при какихъ обстоятельствахъ не можетъ представить для нихъ угрозу.

Макса обозначился на чешскомъ политическомъ горизонтѣ очень незадолго до революціи, причемъ выдвинулся, какъ сторонникъ Дюриха. Еще за двѣ недѣли до революціи Макса посвящалъ послѣднему такія лестныя строки: «Въ депутатѣ Дюрихѣ мы видимъ лицо, которое предназначено быть средоточіемъ и вождемъ всей здѣшней работы. Для руководства политическимъ движеніемъ въ Россіи будетъ созданъ Народный Совѣтъ, законнымъ вождемъ котораго представляется намъ посолъ чешскаго народа Іосифъ Дюрихъ». Но едва вспыхнула февральская революція, какъ воззрѣнія и симпатіи Максы мгновенно измѣнились самымъ рѣшительнымъ образомъ. Теперь онъ не находилъ словъ, чтобы заклеймить Дюриха, какъ измѣнника чешскому дѣлу и какъ союзника «враждебнаго чехамъ черносотеннаго царскаго правительства». Какъ уже упоминалось, Макса дошелъ до того, что отождествилъ на страницахъ «Чехословака» съ программой чешскаго движенія — лозунгъ революціонной демократіи «миръ безъ аннексій и контрибуцій», провозглашенный на первомайскомъ митингѣ чешскихъ большевиствующихъ военноплѣнныхъ. Этотъ человѣкъ, сочетавшій въ себѣ необузданное честолюбіе съ полнымъ отсутствіемъ моральныхъ принциповъ, проявлявшій необыкновенную чуткость въ приспособленіи политическихъ убѣжденій къ обстановкѣ момента, — сумѣлъ завоевать такое довѣріе проф. Масарика, что былъ назначенъ представителемъ Національнаго Совѣта при

войскѣ и послѣ отъѣзда Масарика фактически явился политическимъ руководителемъ чехословацкихъ вооруженныхъ силъ.

Давая разрѣшеніе на продвиженіе чехословацкихъ эшелоновъ во Владивостокъ, Троцкій потребовалъ отъ нихъ сдачи оружія. Объ этомъ шла рѣчь еще когда проф. Масарикъ былъ въ Россіи. Разсматривая Совѣтъ народныхъ комиссаровъ какъ легальное русское правительство, Масарикъ, естественно, не встрѣтилъ возраженій противъ этого требованія. «Мы были обезпечены вооруженнымъ нейтралитетомъ, — говоритъ онъ въ своихъ запискахъ. — Это не противорѣчило тому, чтобы большевикамъ была выдана часть оружія, которое они хотѣли получить, какъ русское имущество».

Производя сдачу оружія, отдѣльныя чехословацкія части старались использовать возможно шире свое право сохранить вооруженныя команды для охраны имущества. Чешскіе военные начальники, совершенно иначе политически оріентированные и психологически настроенные, чѣмъ Макса и его сотрудники, — не довѣряли своимъ политическимъ представителямъ, не полагались на большевицкія обѣщанія и понимали, что оставшись безоружными они поставили бы себя въ полную зависимость отъ прихотей большевицкой политики и красногвардейскихъ бандъ.

Большинству чехословацкихъ отрядовъ удалось удержать значительное количество оружія, а нѣкоторымъ — даже артиллерію. Кромѣ того, чувство самосохраненія подсказывало чешскому командованію планъ: подтянуть и сосредоточить вокругъ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ пунктовъ — многочисленные эшелоны, разбросанные по Сибири и у восточныхъ окраинъ Европейской Россіи. Дальнѣйшія событія не замедлили показать, что эти предосторожности были весьма не лишними.

Вынесенное большевиками въ ихъ сношеніяхъ съ чешскими политиками убѣжденіе, что съ чехословаками церемониться нечего, — привело къ такимъ пріемамъ разоруженія чешскихъ частей, которые не могли не вызвать вооруженнаго сопротивленія.

Силою вещей чехословацкое войско должно было выступить противъ большевиковъ съ оружіемъ въ рукахъ.

***

Вооруженную борьбу въ Сибири примирить съ принципомъ «невмѣшательства» не представляется никакой возможности, и проф. Масарикъ въ своей послѣдней книгѣ обходитъ молчаніемъ это вопіющее противорѣчіе...

Въ высшей степени знаменательнымъ представляется тотъ фактъ, что чехословацкія части, вынужденныя взяться за оружіе, должны были поступать наперекоръ своимъ политическимъ руководителямъ. Въ самомъ дѣлѣ. Для чехословацкаго войска было бы равносильно самоубійству выполнить слѣдующій приказъ Максы, данный имъ 21 мая 1918 года отъ имени Національнаго Совѣта:

«Въ виду несчастныхъ случаевъ недоразумѣній между чехословацкими поѣздами и мѣстными совѣтскими органами, чехословацкій Національный Совѣтъ , въ цѣляхъ неповторенія подобныхъ случаевъ, приказываетъ всѣмъ командирамъ чехословацкихъ поѣздовъ безоговорочно выдать все оружіе представителямъ мѣстныхъ совѣтовъ. Обезпеченіе охраны переходитъ всецѣло къ совѣтскимъ органамъ Русской федеративной республики. Каждый, кто не выполнитъ этотъ приказъ, будетъ разсматриваться какъ измѣнникъ и будетъ поставленъ внѣ закона»...

Большевицкій тонъ и зловѣщій смыслъ приказа нѣкоторые пытаются теперь смягчить и объяснить указаніемъ на подневольное положеніе Максы, арестованнаго тогда большевиками въ качествѣ заложника. Однако, сопоставленіе двухъ обстоятельствъ: съ одной стороны — соотвѣтствія смысла приказа съ директивами Масарика, а съ другой стороны — свидѣтельства австрійскаго дипломатическаго агента въ Петроградѣ о томъ, что Макса былъ позже командированъ въ Прагу большевиками для организаціи большевицкаго переворота, — заставляетъ надлежащимъ образомъ оцѣнить подлинное значеніе этого поистинѣ потрясающаго историческаго документа. Невольно возникаетъ вопросъ: не былъ ли самый арестъ Максы большевиками — комедіей, разыгранной по взаимному соглашенію?...

Вопреки принципу нейтралитета, провозглашенному чехо-

словацкимъ диктаторомъ, — борьба началась. Если бы это произошло нѣсколькими мѣсяцами, даже недѣлями, раньше, чехословацкія части, конечно, легко справились бы съ красногвардейскими бандами, тогда почти неорганизованными. Обращаясь къ совѣтскимъ источникамъ, мы видимъ, что сами большевики чрезвычайно низко расцѣниваютъ боеспособность красныхъ войскъ въ періодъ, непосредственно предшествовавшій вооруженному выступленію чехословаковъ. Въ частности, красный «военспецъ» Н. Какуринъ въ своей книгѣ «Какъ сражалась революція» (Госуд. изд., 1925 г.) приходитъ къ опредѣленному заключенію, что своевременное и энергичное выступленіе чехословацкихъ частей легко могло бы оказаться роковымъ для самаго существованія совѣтской власти. И даже въ моментъ, когда борьба фактически началась, чехословацкое войско представляло для большевиковъ грозную опасность. Но — и это самое главное: если начало борьбы стояло внѣ воли политическихъ руководителей, то исходъ ея опредѣлился именно ихъ вліяніемъ и ихъ дѣйствіемъ... И то, что могло вылиться въ героическую эпопею, — окончилось печальными событіями, въ результатѣ коихъ въ Чехословацкой Республикѣ не принято упоминать имя Верховнаго Правителя, судьба котораго составляетъ можетъ быть самую трагическую страницу трагической исторіи бѣлаго движенія...

Необходимо отмѣтить, что революція въ чешскомъ войскѣ противъ большевиковъ, противъ Максы, а тѣмъ самымъ и противъ Масарика, — принесла чешскому дѣлу величайшіе успѣхи. Вмѣстѣ съ тѣмъ съ непререкаемой очевидностью выявилось, въ какой мѣрѣ совѣтофильская политика Масарика шла въ разрѣзъ не только съ настроеніями и убѣжденіями чешскаго войска, но и съ интересами союзниковъ — французовъ, англичанъ и американцевъ, — для которыхъ созданіе хотя бы слабаго восточнаго фронта противъ Германіи было вопросомъ первостепенной важности. Поистинѣ нужно изумляться той ловкости и выдержкѣ, которую проявляли Масарикъ и Макса въ ихъ стремленіи во что бы то ни стало сохранить добрыя отношенія съ большевиками — что фактически означало поддержку большевиковъ въ самый критическій для нихъ періодъ, —

вопреки какъ ясной волѣ своего народа, такъ и настояніямъ союзниковъ...

Выступленіе чехословацкаго войска было съ энтузіазмомъ принято союзниками и чрезвычайно помогло осуществленію національно-политическихъ притязаній чехословацкаго народа.

Еще на версальскомъ совѣщаніи 3 іюня 1918 года дипломаты союзныхъ державъ, придя къ соглашенію о принципѣ независимости Польши, вслѣдъ за тѣмъ приняли рѣшеніе «выразить сочувствіе» стремленіямъ чехословаковъ и югославянъ къ автономіи въ предѣлахъ Австро-Венгріи; такимъ образомъ, было ясно, что въ планы Антанты, по крайней мѣрѣ въ ея цѣломъ, совершенно не входитъ расчлененіе Австро-Венгріи и независимость Чехословакіи. Однако, полученныя непосредственно послѣ этого свѣдѣнія объ успѣхахъ чехословацкой арміи въ Сибири въ корнѣ измѣнили положеніе и обусловили немедленное признаніе союзными державами правъ чехословаковъ на государственную самостоятельность. Соотвѣтствующее письмо французскаго министра иностранныхъ дѣлъ Пишона на имя секретаря Національнаго Совѣта Э. Бенеша, отъ 29 іюня 1918 года, начинается слѣдующимъ образомъ: «Au moment où le 21-ème Régiment de chasseurs, première unité de l'armée autonome tchécoslovaque de France, se dispose, après avoir reçu son drapeau, à quitter ses cantonnements et à monter en secteur au milieu de ses frères d'armes français, le Gouvernement de la République, témoin de vos efforts et de votre attachement à la cause des Alliés, considère comme équitable et nécessaire de proclamer les droits de votre nation à l'indépendance et de reconnaître publiquement et officiellement le Conseil National comme l'organe suprême des intérêts généraux et la première assise du futur Gouvernement Tchécoslovaque...»

Еще отчетливѣе редакція англійской декларації, подписанной Бальфуромъ: «Since the beginning of the war the Czecho-Slovak Nation has resisted the commun enemy by every means in its power. The Czecho-Slovaks have constituted a considerable Army, fighting in three different battle-fields and attempting, in Russia

and Siberia, to arrest the Germanic invasion. In consideration of its efforts to achieve independence, Great Britain regards the Czecho-Slovaks as an Allied Nation, and recognizes the unity of the three Czecho-Slovak Armies as an Allied and belligerent Army, waging a regular warfare against Austria-Hungary and Germany...» (Документы эти опубликованы въ журналѣ «La Nation Tchèque», 1918 г.).

Надо отдать справедливость Масарику: проигравъ свою ставку, онъ не только нашелъ удачный способъ faire bonne mine à mauvais jeu, но и сумѣлъ происшедшія вопреки его волѣ и его директивамъ событія — обратить въ свою пользу съ тѣмъ же мастерствомъ, съ какимъ онъ присвоилъ себѣ плоды политической работы Союза русскихъ чеховъ.

И въ то время какъ самъ Масарикъ всѣ свои старанія оправдать свою политическую линію строитъ на обоснованіи и защитѣ «принципа невмѣшательства», — чехословацкія дѣти знакомятся съ патріотическими заслугами вождя чешскаго заграничнаго національнаго движенія — читая официально принятыя въ школахъ Республики хрестоматіи, гдѣ значится:

«Чешскія части отошли на Сибирь, овладѣли сибирскими дорогами и сохранили Сибирь отъ русской большевицкой власти, которая была подъ нѣмецкимъ вліяніемъ. Это было величайшее дѣло нашихъ легіонеровъ въ Россіи»...

Въ рамки этой книги не входитъ изслѣдованіе Сибирской эпопеи. Здѣсь умѣстно лишь высказать пожеланіе, чтобы сибирскія событія были возможно скорѣе всесторонне выяснены и безпристрастно освѣщены. Надо надѣяться, что будетъ разсѣяна до конца туманная пелена, скрывающая правду, и станетъ ясно, что чехословацкіе легіоны не за страхъ, а за совѣсть творили не только долгъ чехословацкаго солдата, но и общеславянскій долгъ, что въ Сибири былъ живъ патріотическій и славянскій духъ, которымъ создалось и развивалось все чехословацкое движеніе въ Россіи, и что чешское войско помимо своей воли стало орудіемъ политиковъ, чуждыхъ ему по своимъ цѣлямъ, настроеніямъ и идеаламъ, но сумѣвшихъ оказать рѣшающее вліяніе на исходъ событій...

ГЛАВА XV.

СУДЪ НЕПРАВЕДНЫЙ

Полемика не является задачей этой книги. Цѣль ея лишь въ томъ, — чтобы дать очеркъ чешско-русскихъ отношеній во время Великой войны, т. е. въ томъ историческомъ отрѣзкѣ, который предшествовалъ для Россіи — большевицкой ночи, для Чехіи — зарѣ освобожденія...

Но изложеніе было бы не полнымъ, если бы мы не коснулись оцѣнокъ и сужденій о лицахъ и событіяхъ описываемаго періода, содержащихся въ публичныхъ рѣчахъ и печатныхъ произведеніяхъ публицистовъ и историковъ, вышедшихъ изъ окруженія проф. Масарика, — за коими признанъ патентъ непогрѣшимости со стороны — да будетъ здѣсь позволено примѣнить терминъ самого Масарика — со стороны «офиціальной Чехословакіи». Съ этими оцѣнками и сужденіями находится въ согласіи недавно появившійся трудъ президента Масарика, какъ бы подводящій итоги и завершающій постройку «офиціальной версіи» чехословацкаго освобожденія.

Кудела, Заплеталъ, Шифтръ, рядъ сотрудниковъ «Чехословака» во главѣ съ Богданомъ Павлу — являлись и являются защитниками теоріи, согласно которой свобода Чехословацкой Республики — всецѣло и исключительно дѣло рукъ Масарика. Правда,самый рьяный изъ создателей культа личности Масарика, бывшій его секретарь Папоушекъ, отмѣчаетъ, что чешское «революціонное движеніе въ Россіи не было слѣдствіемъ ни прямого, ни косвеннаго вліянія Масарика; первыя его основанія выросли въ 1914 г. непосредственно изъ того патріотическаго

настроенія, которое охватило Россію въ началѣ войны». Однако, это отвѣчающее истинѣ, но казалось бы странное въ устахъ Папоушка утвержденіе служитъ только способомъ умалить и опорочить патріотическую работу русскихъ чеховъ путемъ голословнаго и превратнаго толкованія ихъ дѣятельности: «Движеніе этого перваго періода не возникло изъ чисто чешскихъ корней», потому что «его организаторы были совершенно чужды чешской психологіи» и руководились интересами «царизма». (Книга Папоушка «Масарикъ Освободитель»).

Болѣе прямолинейные коллеги Папоушка, однако, не слѣдуютъ этимъ хитросплетеніямъ, и, напримѣръ, въ сборникѣ «воспитательныхъ листовокъ», изданныхъ Новакомъ, мы находимъ утвержденіе, что «подъ руководствомъ Масарика возникли сначала въ Россіи, потомъ во Франціи и Италіи славные чехословацкіе легіоны». «Если кто-либо спрашивалъ чехословацкихъ легіонеровъ, — говорится въ одной изъ листовокъ, — кому они обязаны своими качествами, они гордо отвѣчали «татичку» Масарику, который насъ создалъ, сорганизовалъ, воспиталъ и согрѣваетъ насъ постоянно своей заботливой любовью».

Не эти ли и имъ подобныя описанія вызвали характерное замѣчаніе со стороны извѣстнаго чешскаго профессора Радля, въ общемъ примыкающаго къ проф. Масарику по своимъ политическимъ воззрѣніямъ: «Культъ личности Масарика, распространяемый у насъ теперь офиціально и неофиціально, представляется только другой формой воспитанія династическихъ чувствъ»?

Выступленія проф. Масарика показываютъ, что въ оцѣнкѣ своей дѣятельности онъ сходится вполнѣ съ изложенными выше сужденіями. Уже въ маѣ 1917 г. онъ въ одномъ интервью говорилъ слѣдующимъ образомъ о своей роли: «Мнѣ удалось организовать и революціонизировать наши заграничныя колоніи, которыя весьма многочисленны, и въ Соединенныхъ Штатахъ, въ Англіи, въ Россіи и во Франціи достигаютъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ». Въ день св. Вацлава въ 1920 году, въ торжественной рѣчи, обращенной къ стародружинникамъ, президентъ Масарикъ заявилъ: «Когда мнѣ удалось выѣхать заграницу, я понялъ, что мои дипломатическія усилія будутъ напрасны, если

я не смогу опереться на вооруженную борьбу собственнаго народа, и потому *я васъ вызвалъ — чтобы вы организовались*»... Несомнѣнно, эта версія явилась для стародружинниковъ совершенной новостью...

Что иное, какъ не признаніе за собой рѣшающей роли въ дѣлѣ освобожденія, означаютъ слова Масарика: «Я былъ всегда рѣшительнымъ противникомъ милитаризма, но когда увидѣлъ, что дѣло идетъ къ неизбѣжной войнѣ, — самъ рѣшилъ своему чехословацкому народу въ борьбѣ добыть свободу — которую онъ сейчасъ и имѣетъ». Вся книга президента Масарика «Міровая революція» написана какъ бы въ аспектѣ этихъ словъ; это разсказъ о томъ, какъ онъ, преодолѣвъ твердой рукой всѣ препятствія, осуществилъ авторитарно принятое имъ рѣшеніе...

Основная мысль, проводимая Масарикомъ, его единомышленниками, сотрудниками и поклонниками — ясна, и можетъ быть выражена такъ: Масарикомъ былъ выработанъ планъ освобожденія и осуществленъ съ помощью прогрессистовъ-военноплѣнныхъ, находившихся въ Россіи. «Масарику было ясно сейчасъ же съ начала войны, — пишетъ о немъ Папоушекъ, — что должны дѣлать мы всѣ и что долженъ дѣлать онъ»... Для осуществленія плана пришлось бороться съ черносотеннымъ русскимъ правительствомъ и его союзниками — русскими чехами, зараженными, какъ говоритъ Масарикъ, «некритическимъ русофильствомъ».

Но если существовалъ планъ, существовала обдуманная программа дѣйствій, — то откуда же тѣ многочисленныя противорѣчія и невязки, какъ въ идеологически-теоретическихъ сужденіяхъ Масарика и его помощниковъ, такъ и во всемъ ихъ поведеніи?

«Предвидѣніе — мѣрка научной точности», говоритъ проф. Масарикъ, притязая на то, что работа его была построена на философскомъ продумываніи вещей и отношеній, и какъ бы подтверждая слова Папоушка о его дарѣ предвидѣнія. Но если въ воспоминаніяхъ президента Масарика говорится о томъ, что ему съ самаго начала ясна была грядущая неудача Россіи въ Великой войнѣ и даже содержится обвиненіе въ преступномъ легкомыслія царскаго правительства, поведшаго яко-бы свою

армію на вѣрный разгромъ, — то въ 1915 году это не мѣшало профессору Масарику писать въ сборникѣ «Чешско-русское единеніе»: «Австрійскіе славяне и особенно чехи съ нетерпѣніемъ ожидаютъ появленія побѣдоносныхъ русскихъ войскъ, несущихъ имъ освобожденіе отъ столѣтняго насилія»...

Изслѣдуя въ своей книгѣ «Россія и Европа» проблему революціи, проф. Масарикъ высказывалъ мысль, что «этическая оцѣнка революціи руководствуется ея мотивами». А послѣ большевицкаго переворота, 1 декабря н. ст. 1917 года, въ письмѣ своемъ Плеханову Масарикъ радикально измѣнилъ эту точку зрѣнія, заявляя: «Каждое революціонное движеніе слѣдуетъ судить по его плодамъ»...

Неоднократно проф. Масарикъ утверждалъ, что онъ сочувствуетъ существованію сильной Россіи. Это совмѣщалось съ проповѣдью «переворота отъ основанія», и это не мѣшало ему содѣйствовать украинскому сепаратизму. Уже въ книгѣ «Міровая революція» онъ упрекаетъ Россію въ томъ, что она «не дѣлала славянской политики по отношенію къ украинцамъ и полякамъ», какъ будто нужна была какая то особая политика между Петроградомъ и Кіевомъ, Москвой и Харьковомъ...

«Мужикъ солдатъ, мужикъ — Россія — жили внѣ царской цивилизаціи, а потому и не защищали ея, когда во время войны она не смогла сама удержать себя, благодаря своей скудости и внутренней нищетѣ. Великую вину въ этомъ я приписываю русской церкви». Такъ пишетъ Масарикъ въ книгѣ «Міровая революція». Отзывы его о православной церкви, содержащіеся въ книгѣ «Россія и Европа», были уже приведены. А между тѣмъ во время войны его друзья и единомышленники на страницахъ «Чехословака» увѣряли русское обшество, что «гуситская реформація ведетъ отъ испорченнаго человѣческими вымыслами католичества къ болѣе чистому и подлинному христіанству, которое сохранено въ православной церкви»...

Колебанія и противорѣчія въ вопросѣ объ отношеніи къ большевикамъ были уже изложены; въ концѣ концовъ проф. Масарикъ призналъ de facto и de jure совѣтскую власть; его ближайшій помошникъ Макса прямо заявлялъ о своей солидарности съ идеей революціонной демократіи. Между тѣмъ Ма-

сарикъ велъ энергичную борьбу для искорененія въ чехословацкомъ войскѣ всего того, что несли съ собою лозунги этой революціонной демократіи.

Вся политика Масарика во время его пребыванія въ Россіи была построена на принципѣ нейтралитета и невмѣшательства въ русскія дѣла. Какъ на дѣлѣ соблюдался этоть нейтралитетъ — было ужэ отмѣчено. Краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ являются въ данномъ случаѣ и относящіяся къ эпохѣ борьбы въ Сибири слова секретаря «Одбочки» Національнаго Совѣта, соціалъ-демократа Рихтера: «Исходя изъ факта, что въ Чехіи уже была создана чехословацкая власть, «Одбочка» Національнаго Совѣта не могла уже продолжать свою прежнюю политику открытаго вмѣшательства во внутреннія русскія дѣла въ той мѣрѣ, какъ до тѣхъ поръ, а потому была занята позиція государства къ государству, т. е. было вмѣшательство въ равной мѣрѣ съ союзническими властями. По этимъ соображеніямъ Одбочка уже не предпринимала дальнѣйшаго активнаго вмѣшательства». («Чехословацкій Легіонеръ», 29 августа 1919 г.).

Въ своихъ воспоминаніяхъ Масарикъ передаетъ соображенія, представленныя имъ послѣ изданія Универсала о независимости Украины — украинскому министру иностранныхъ дѣлъ Александру Я. Шульгину въ пользу ухода чехословацкихъ войскъ изъ Малороссіи: «Войско было формировано съ согласія Россіи, Россіи же наши солдаты присягали въ вѣрности, Россіи мы преданы»... А нѣсколькими страницами дальше проф. Масарикъ пишетъ: «Мы были войскомъ автономнымъ, и въ то же время частью французской арміи»... Объясненія этому противорѣчію не дается, и очевидно въ своихъ дѣйствіяхъ проф. Масарикъ просто жонглировалъ понятіемъ присяги.

О противорѣчіяхъ въ сужденіяхъ, инструкціяхъ и дѣйствіяхъ проф. Масарика по отношенію къ чехамъ, работавшимъ въ Россіи, многое было сказано раньше. Очевидно, послѣднее слово принадлежитъ книгѣ «Міровая революція». Но и здѣсь — невязки. Порою Масарикъ, рѣзко критикуя русскихъ чеховъ и ихъ «некритическое русофильство», какъ бы перелагаетъ значительную часть вины на русское правительство, какъ напримѣръ въ слѣдующей рѣзкой и вмѣстѣ туманной фразѣ: «По-

литическая безграмотность русскаго царизма и его взяточничество испортили много нашихъ людей». Но въ общемъ не щадитъ Масарикъ и своихъ соотечественниковъ. Грознымъ обвиненіемъ въ устахъ Масарика звучитъ фраза: «Подъ фирмой славянства устраивались настоящія оргіи черносотенства». «Тѣмъ больше становится заслуга петроградцевъ, — замѣчаетъ Масарикъ, — которые съ самаго начала защищали болѣе критическое отношеніе къ Россіи... По этому поводу особенно вспоминаю три имени: Павлу, Чермакъ, Клецанда». Это, кажется, почти единственныя лица изъ чеховъ, жившихъ въ то время въ Россіи, о дѣятельности которыхъ Масарикъ отзывается съ похвалой. Такая оцѣнка находится въ разительномъ противорѣчіи съ содержаніемъ письма проф. Масарика къ чешскому сьѣзду 1916 г., гдѣ онъ выражалъ величайшее удовлетвореніе патріотической работой русскихъ чеховъ. Въ осьѣщеніи Масарикомъ вопроса о русскихъ чехахъ можетъ быть самымъ примѣчательнымъ фактомъ является неоднократно повторяемыя въ его книгѣ обвиненія ихъ во взаимныхъ раздорахъ: «Неопредѣленность настроенія нашихъ людей, — пишетъ онъ въ одномъ мѣстѣ, — незнавшихъ, чего они собственно хотятъ, и отвратительные споры ихъ между собой отпугивали русскихъ; говоря по совѣсти, я часто удивлялся, что у нихъ еще было столько терпѣнія съ нашими». Между тѣмъ, какъ мы видѣли, споры между чехами въ Россіи въ значительной мѣрѣ обусловливались противорѣчивыми директивами и инструкціями самого Масарика.

Изъ всего содержанія книги Масарика явствуетъ, что онъ осуждаетъ русскихъ чеховъ главнымъ образомъ, если не исключительно, за ихъ русофильство, за то, что будучи чешскими патріотами они вмѣстѣ съ тѣмъ были преданы Россіи и органически не могли противополагать чешскіе интересы государственнымъ интересамъ Россіи. Масарикъ какъ бы повторяетъ въ иной формѣ то, что послѣ февральской революціи написалъ въ «Чехословакѣ» Макса: «Царь и правительство готовили измѣну Россіи и намъ, были чужаками, а органы, выдававшіе себя за нашихъ вождей (т. е. правленіе Союза во главѣ съ Вондракомъ), уславливались за деньги съ этимъ правительствомъ о программѣ, за которую нашъ народъ насъ бы дома проклялъ».

Несправедливость этого суроваго приговора становится особенно наглядной при сопоставленіи съ тяжкими обвиненіями по адресу «черносотеннаго русскаго правительства». Въ самомъ дѣлѣ, совершенно неоспоримъ фактъ, что положеніе чешскихъ военноплѣнныхъ, не говоря уже о колонистахъ, — было въ Россіи неизмѣримо лучше, чѣмъ въ какомъ либо иномъ изъ союзныхъ государствъ, что Россія была единственной страной, гдѣ съ самаго начала войны, пусть съ задержками и треніями, — но все же осуществлялись чешскія военныя формированія, велась интенсивная подготовка крупныхъ кадровъ сознательныхъ борцовъ за національное освобожденіе... Цѣнное показаніе по этому вопросу находимъ, между прочимъ, въ книгѣ Перглера «Итоги чехословацкой Америки»: «Положеніе въ Америкѣ таково, что здѣсь о нашихъ людяхъ не можетъ идти рѣчи, какъ о какомъ то нашемъ меньшинствѣ. Иначе мы скоро очутились бы въ конфликтѣ съ Соединенными Штатами, которые естественно не могутъ терпѣть какого-либо сепаратизма національныхъ фрагментовъ».

Если русскіе чехи были людьми недобросовѣстными и бездарными, значитъ, казалось бы, вся заслуга совершавшейся въ Россіи работы, имѣвшей огромное политическое значеніе для будущей Чехословакіи, — принадлежитъ русскому правительству. А если, какъ утверждаютъ Масарикъ и его единомышленники, императорское правительство не желало освобожденія Чехословакіи, то каковы должны были быть дипломатическіе таланты, настойчивость и патріотическій подъемъ русскихъ чеховъ, добившихся такихъ уступокъ у этого враждебнаго чешскимъ стремленіямъ правительства?

Оставляя на мгновеніе въ сторонѣ вопросы фактическаго порядка, приходится высказать удивленіе, какъ могла ускользнуть отъ философскаго ума проф. Масарика логическая несовмѣстимость его отрицательнаго отношенія и къ русскимъ чехамъ, и къ императорскому правительству...

И далѣе. Спрашивается, почему же органъ «петроградскаго» направленія «Чехословакъ» могъ до революціи сближать гуситство съ православіемъ, неоднократно выражать вѣрноподданническія чувства русскому Монарху; почему простительно

было Павлу писать въ «Чехословакѣ», что чехи должны говорить, какъ тотъ черногорецъ, который на вопросъ англичанъ, сколько ихъ, отвѣтилъ: «съ русскими насъ сто милліоновъ»; почему самъ Масарикъ въ протопоповской газетѣ могъ приглашать русскую династію на чехословацкій тронъ?

Гдѣ ключъ къ загадкѣ всѣхъ этихъ противорѣчій и колебаній?

Многое становится яснымъ, если вдуматься въ слѣдующія слова Масарика: «Въ Россіи мы должны были преодолѣвать самыя тяжелыя препятствія царскаго и послѣ-царскаго режима. Но главное требованіе заграничной программы, которое я поддерживалъ и выдвигалъ съ самаго начала нашего движенія, было осуществлено: у насъ была армія, и при этомъ армія самостоятельная. Я говорю самостоятельная, потому что именно это было важно и объ этомъ мы спорили съ царской Россіей. Для меня было важно не только то, чтобы мы имѣли армію, но то, *чтобы арміей распоряжались мы*, чтобы Національный Совѣтъ *политически и военно былъ начальникомъ арміи*».

Какъ мы видѣли, чешское движеніе въ Россіи зародилось безъ всякаго участія проф. Масарика — это признаетъ даже Папоушекъ. Идею самостоятельнаго войска проводилъ не Масарикъ, а тѣ «кіевскіе милитаристы», которые позже Масарикомъ и его друзьями были преданы анафемѣ; чешскій языкъ въ частяхъ и право назначать чешскихъ офицеровъ отстаивалъ Вондракъ, встрѣчавшій полную поддержку со стороны генерала Алексѣева и вообще Ставки Верховнаго Главнокомандующаго, тогда какъ противъ этихъ предложеній выступалъ ген. Червинка, нашедшій сочувствіе въ генеральномъ штабѣ. А, какъ извѣстно, ген. Червинка оказался однимъ изъ самыхъ рьяныхъ сторонниковъ и сотрудниковъ Масарика.

Конечно, русскіе чехи добивались самостоятельнаго войска въ смыслѣ его организаціоннаго единства, а не въ смыслѣ подчиненія его Національному Совѣту. Это было и по существу невозможно, въ виду законнаго недовѣрія русскаго правительства къ Масарику, какъ къ автору книги «Россія и Европа», и по ихъ мнѣнію нецѣлесообразно съ точки зрѣнія будущей чешской государственной политики, — хотя они и сочли воз-

можнымъ признать Масарика вождемъ заграничнаго движенія, поскольку его русофильскія выступленія доказывали, что онъ отказался отъ своихъ прежнихъ позицій въ славянскомъ вопросѣ.

Итакъ, сами по себѣ приведенныя слова Масарика совершенно не соотвѣтствуютъ подлинному смыслу событій: во время войны ему и въ голову не приходило «спорить съ царской Россіей», а его друзья даже обвиняли «кіевскихъ милитаристовъ» въ томъ, что они слишкомъ независимо держатся по отношенію къ русскому правительству, что они «слишкомъ чувствуютъ себя государствомъ въ государствѣ»... Но вмѣстѣ съ тѣмъ слова Масарика съ несомнительной ясностью раскрываютъ суть его политики со всѣми ея противорѣчіями и неясностями въ отдѣльныхъ моментахъ.

Дѣйствительно, «планъ освобожденія» у него былъ. Онъ состоялъ въ томъ, чтобы добиться арміи, политическимъ и военнымъ начальникомъ которой былъ бы Національный Совѣтъ, т. е. фактически самъ проф. Масарикъ... И вотъ, въ зависимости отъ того, что нужно было въ каждый данный моментъ для достиженія *этого* плана, — проф. Масарикъ мѣнялъ и свои философскія сужденія, и свои инструкціи, и свои оцѣнки лицъ и вещей.

Подъ угломъ зрѣнія этого плана окончательно становится яснымъ, почему проф. Масарикъ до русской революціи не поѣхалъ въ Россію даже послѣ приглашенія Петроградскаго университета, а обосновался въ Западной Европѣ, гдѣ онъ, имѣя въ виду свою прежнюю дѣятельность и личныя связи, могъ разсчитывать пріобрѣсти и укрѣпить свое политическое вліяніе. Усилія Масарика сводились къ тому, чтобы, привлекая вниманіе западныхъ правительствъ къ чешскому вопросу, заставить ихъ принять возможно болѣе активное участіе въ рѣшеніи судебъ Австріи. Проф. Масарикъ полагалъ, что чѣмъ болѣе дѣятельной будетъ роль западныхъ державъ въ рѣшеніи вопросовъ, связанныхъ съ переустройствомъ австрійскихъ земель, тѣмъ меньшее вліяніе получитъ въ рѣшеніи этихъ дѣлъ Россія; онъ былъ увѣренъ, что чѣмъ сильнѣе скажется въ данномъ случаѣ вліяніе Россіи, тѣмъ скромнѣе будетъ его собственный поли-

тическій вѣсъ въ освобожденной Чехословакіи. Какъ уже упоминалось выше, свѣдѣнія, имѣющіяся о меморандумѣ, поданномъ Масарикомъ французскому правительству въ началѣ 1916 года, указываютъ, что тамъ была ясно выражена мысль о невыгодѣ для республиканской Франціи предоставить монархической Россіи рѣшительное слово въ дѣлахъ, связанныхъ съ созданіемъ чехословацкаго государства.

Россійская катастрофа дала возможность Масарику въ его книгѣ, гдѣ онъ защищаетъ свою политику въ періодъ 1914-1918 годовъ, — сдѣлать попытку дискредитировать роль Россіи и русской арміи во время Великой войны. Онъ старается доказать, что роль Россіи въ войнѣ была второстепенной, что Россія чуть ли не была для союзниковъ помѣхой въ борьбѣ съ центральными державами. «Стратегическій планъ союзниковъ, — пишетъ онъ, — долженъ былъ измѣняться вслѣдствіе военныхъ недостатковъ русскихъ. Во Франціи также многіе не довѣряли Россіи изъ-за того, что она не прислала тѣхъ войскъ, которыя обѣщала Франціи... Во Францію было обѣщано полмилліона, а послано было не болѣе 16 тысячъ (1916 г.), и тѣ должны были быть интернированы, такъ какъ не были дисциплинированы. Если нѣкоторые русскіе уже тогда, а многіе и до сихъ поръ, обвиняютъ Западъ въ неблагодарности, такъ какъ западные союзники будто бы мало сдѣлали для Россіи, то эти обвиненія не имѣютъ никакихъ основаній; союзники могли бы обвинять русскихъ, что они не сдержали обѣщаній».

Невольно напрашивается сопоставленіе этого безпощаднаго отзыва съ содержаніемъ письма Масарика къ чешскому съѣзду 1916 года, гдѣ указывалось, что даже на Западѣ «въ Россіи видятъ главнаго дѣятеля войны», и что въ первый періодъ войны «Россія удивила міръ своими успѣхами»...

Трудно говорить мимоходомъ — какъ это дѣлаетъ Масарикъ — о стратегическомъ планѣ войны и его измѣненіяхъ. Во всякомъ случаѣ замѣчаніе Масарика о томъ, что неудачи русскихъ принудили союзниковъ измѣнить ихъ планъ войны — отнюдь не представляется безспорнымъ. И напротивъ, совершенно несомнѣнно, что наше наступленіе въ Восточной Пруссіи, предпринятое по настоятельнымъ просьбамъ Франціи въ тѣ

дни, когда нѣмцы достигли подступовъ къ Парижу, — заставило Германію измѣнить ея стратегическій планъ, къ огромной ея невыгодѣ. За это Россія заплатила катастрофой подъ Сольдау, повлекшей тяжкія потери и нанесшей моральный ударъ всему русскому фронту.

Что касается, въ частности, русскихъ войскъ во Франціи, то по этому вопросу къ счастью имѣются свидѣтельства лицъ болѣе авторитетныхъ въ данномъ случаѣ, чѣмъ Масарикъ. Уже въ маѣ 1926 года членъ французскаго Высшаго военнаго совѣта генералъ Гуро, въ отвѣтъ на просьбу предсѣдателя Центральнаго правленія заграничныхъ союзовъ русскихъ инвалидовъ генерала Баратова принять подъ свое покровительство «День русскаго инвалида», изъявилъ свое согласіе въ письмѣ, въ которомъ между прочимъ были слѣдующія слова: «Имѣвъ честь видѣть подъ своей командой во французской арміи двѣ русскихъ бригады, сражавшихся на французскомъ фронтѣ, я сохраняю слишкомъ хорошую память о лойяльномъ и доблестномъ боевомъ сотрудничествѣ, чтобы не принять съ полной готовностью участіе въ комитетѣ патронажа «Дня русскаго инвалида».

Наконецъ, какіе недостатки ни искали и ни находили бы въ русской арміи, — оцѣнка ея союзниками въ достаточной мѣрѣ ясно вылилась въ соглашеніяхъ, которыми были удовлетворены русскія притязанія на Константинополь и которыми за Россіей было признано право очертить свои западныя границы и предопредѣлить судьбу земель Австро-Венгерской имперіи. Для Франціи, истекающей кровью, далеко неувѣренной въ исходѣ войны, для Франціи, для которой въ ряду ея государственныхъ интересовъ проблемы средней Европы стояли тогда на второмъ, если не на третьемъ планѣ, — представлялось очевидной необходимостью повліять на Россію въ смыслѣ увеличенія активности ея военныхъ дѣйствій путемъ предоставленія ей carte blanche въ сферѣ ея жизненныхъ интересовъ, незатрагивающей сферы жизненныхъ интересовъ Франціи. Такимъ былъ, въ ряду другихъ вопросовъ, и вопросъ о Чехословакіи. Англію дѣла средней Европы оставляли совершенно безучастной, и

потому очерченная позиція Франціи не могла встрѣтить съ ея стороны никакихъ возраженій.

Недаромъ Чермакъ, въ тотъ періодъ находившійся всецѣло подъ вліяніемъ Масарика, въ маѣ 1917 г., когда грядущій развалъ русской арміи еще не казался неизбѣжнымъ, — писалъ въ своемъ отвѣтѣ генеральному штабу по вопросу о перевозкѣ чехословацкихъ частей на французскій фронтъ: «Мы всегда признавали и признаемъ за Россіей, какъ наибольшимъ славянскимъ государствомъ, право иниціативы въ славянскихъ вопросахъ». Чермакъ выступалъ здѣсь отъ имени «Одбочки» Національнаго Совѣта. «Одбочка» дѣлала это и подобныя заявленія именно потому, что, какъ ей было извѣстно, «право иниціативы въ славянскихъ вопросахъ» признано за Россіей западными державами.

Не могло не быть это извѣстно и проф. Масарику. Именно здѣсь заключается объясненіе разительныхъ противорѣчій между словами и дѣйствіями Масарика въ довоенную эпоху, согласующимися съ поведеніемъ его въ періодъ послѣ революціи, съ одной стороны, и съ другой стороны — его политикой отъ начала войны до русской революціи. Чувствуя, что ему не удается перемѣстить центръ тяжести славянскихъ дѣлъ изъ Петрограда въ Парижъ и Лондонъ, — онъ принужденъ былъ, желая получить хотя бы нѣкоторое вліяніе въ рѣшеніи чехословацкаго вопроса, — заискивать передъ императорскимъ правительствомъ и стараться загладить впечатлѣніе, вызванное его книгой «Россія и Европа». Отсюда — его славянофильскія выступленія, его сотрудничество въ газетѣ Протопопова, его приглашенія русской династіи на чешскій престолъ.

Однимъ изъ первыхъ выступленій Массарика въ защиту идеи независимости Чехословакіи былъ его меморандумъ англійскому правительству. И этотъ меморандумъ, представленный лорду Грею весной 1915 года, когда русская армія успѣшно развивала наступленіе въ Галичинѣ, — содержалъ заявленіе, что громадное большинство чешскаго народа настроено въ пользу конституціонной монархіи съ русскимъ великимъ княземъ

во главѣ.*) Меморандумъ 1916 года, о которомъ упоминалось выше, — представленный Масарикомъ французскому правительству — выражалъ уже совершенно иныя тенденціи. А непосредственно послѣ большевицкаго переворота, еще *до подписанія Брестъ-Литовскаго договора*, Масарикъ рекомендовалъ союзнымъ правительствамъ заключить соглашеніе съ большевиками.

Подводя итоги прошлаго въ своей книгѣ «Міровая революція», Масарикъ заявляетъ, что онъ царскимъ правительствомъ «былъ записанъ на черной доскѣ»; здѣсь явное преувеличеніе — вѣдь онъ въ концѣ концовъ съ согласія Государя, безъ всякой просьбы съ своей стороны, получилъ приглашеніе пріѣхать въ Петроградъ. Но, самъ ведя извилистую линію, онъ не довѣрялъ прямотѣ другихъ; психологически понятно даже, если это его раздражало. Здѣсь же — корень его недоброжелательства къ русскимъ чехамъ. «Вѣрноподданническія выступленія», изъ за которыхъ послѣ революціи русскихъ чеховъ такъ бѣшено травили друзья проф. Масарика, — ничѣмъ не отличались отъ таковыхъ же выступленій самихъ прокуроровъ; вся разница состояла въ томъ, что со стороны послѣднихъ здѣсь была политическая игра, а со стороны первыхъ — искреннее и естественное выраженіе чувствъ славянской солидарности. Искренность и есть то, что было позже осуждено Масарикомъ, какъ «некритическое русофильство».

* * *

Изученіе исторической обстановки приводитъ къ убѣжденію, что если бы революціи не произошло, то идеалы чехословацкаго освободительнаго движенія нашли бы свое осуществленіе — можетъ быть въ иной формѣ, въ другихъ сочетаніяхъ политическихъ силъ и лицъ, — но во всякомъ случаѣ не въ меньшемъ объемѣ и полнотѣ. Эта мысль, это допущеніе непріемлемо для президента Масарика. Повидимому, онъ считаетъ, что такое предположеніе дало бы основаніе признать, что все политическое

*) Текстъ этого документа напечатанъ въ книгѣ Новака «Хаосъ», изданной на нѣмецкомъ языкѣ въ Мюнхенѣ въ 1922 г.

поведеніе профессора Масарика обусловливалось не только патріотическими, но и въ значительной степени личными мотивами. Иначе трудно объяснить, почему Масарикъ съ такимъ упорствомъ старается доказать по существу недоказуемое положеніе, именно, что императорское правительство не желало освобожденія Чехословакіи.

«Русскія гражданскія и военныя учрежденія, начиная съ самого Царя, обѣщали, но въ дѣйствительности не осуществляли формировку нашего войска. У насъ былъ одобренный проектъ, но его осуществленіе всюду наталкивалось на сопротивленіе, особенно же въ самой Ставкѣ», — пишетъ Масарикъ въ книгѣ «Міровая революція». Въ другомъ мѣстѣ книги онъ иронизируетъ: «Существуетъ анекдотъ о начальникѣ какой то крѣпости, который приводитъ сотню причинъ, почему онъ не привѣтствовалъ императора Іосифа при его пріѣздѣ стрѣльбой; послѣдняя изъ этихъ причинъ та, что въ крѣпости не было пороха. Въ подобномъ же положеніи по отношенію ко мнѣ были русскія военныя учрежденія. Они приводили мнѣ всевозможныя объясненія, причины и увертки, какъ я ихъ опредѣлялъ по ихъ рѣчамъ, но не сказали мнѣ того, что я узналъ лишь послѣ большевицкой революціи: руководящія военныя и правительственныя учрежденія уже въ 1915 г. постановили, что чешская армія не будетъ создана. Какъ я уже сказалъ, объ этомъ я узналъ лишь послѣ большевицкаго переворота; эти свѣдѣнія доставилъ мнѣ сербскій военный атташе Лонткевичъ».

Въ этомъ мѣстѣ сдѣлана у Масарика выноска: «Къ сожалѣнію онъ умеръ. Онъ мнѣ обѣщалъ въ Кіевѣ, что пошлетъ мнѣ черезъ посольство копію этихъ постановленій въ Парижъ или въ Америку; я ихъ не получилъ, если даже онъ ихъ и послалъ».

Чтобы составить представленіе о подлинной цѣнности показаній Лонткевича — достаточно обратиться къ свидѣтельству такого авторитетнаго лица, какъ С. Д. Сазоновъ, который въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ газеты «Возрожденіе» далъ по поводу этихъ обстоятельствъ слѣдующій отзывъ:

— «Это источникъ болѣе чѣмъ сомнительный! Лонткевича знали, какъ человѣка благонамѣреннаго, но больного. Какъ всѣ лица, не занимавшія отвѣтственныхъ должностей, онъ не

могъ относиться критически къ своимъ информаторамъ. Самъ же онъ, конечно, былъ не въ курсѣ русскихъ государственныхъ рѣшеній...» («Возрожденіе» № 448, 24 августа 1926 г.).

Есть свѣдѣнія, что наряду съ данными, сообщаемыми проф. Масарику, Лонткевичъ дѣлалъ и другія заявленія, еще болѣе сенсаціоннаго характера, уже относительно самого Масарика; о содержаніи этихъ заявленій мы не будемъ упоминать именно въ виду сомнительности ихъ источника.

Въ конечномъ счетѣ сбивчивая информація Лонткевича — обстоятельство совершенно второстепенное. Но прямо поразителенъ фактъ, что проф. Масарикъ, глава славянскаго государства, ссылаясь на содержаніе частнаго неотвѣтственнаго разговора съ больнымъ человѣкомъ, къ тому же находившимся въ сторонѣ отъ русской государственной политики, — счелъ возможнымъ предъявить тягчайшее обвиненіе русскому національному правительству, отвергая и отбрасывая, какъ ненужный хламъ, историческіе факты, свидѣтельствующіе о рыцарской вѣрности славянскому идеалу, проявляемой русской государственной властью.

Выше были уже приведены нѣкоторыя данныя, характеризующія отношеніе русскаго правительства къ вопросу о чехословацкомъ освобожденіи. Здѣсь, можетъ быть, слѣдуетъ вспомнить еще свидѣтельство, содержащееся въ книгѣ генерала Червинки «По пути нашей борьбы», авторъ которой хотя въ свое время и принялъ участіе въ интригѣ, ведшейся противъ правленія Союза чехословацкихъ обществъ и противъ Масарика «справа», — но послѣ революціи вошелъ въ орбиту проф. Масарика и сотрудничалъ съ нимъ, послушно выполняя его предначертанія.

Червинка разсказываетъ о своей бесѣдѣ съ камергеромъ Приклонскимъ въ тотъ періодъ, когда въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ было рѣшено создать чешскій Народный Совѣтъ во главѣ съ Дюрихомъ.

Приклонскій прочелъ Червинкѣ выдержки изъ своей записки по чехословацкому вопросу. «Это былъ проектъ нашего освобожденія, — пишетъ по этому поводу Червинка, — причемъ нашему народу отнюдь не навязывалась опредѣленная форма

государственнаго устройства; признаюсь, я былъ очень удивленъ, потому что ожидалъ иного»...

Такимъ образомъ Червинка подтверждаетъ съ своей стороны, что Россія, рѣшившаяся выступить противъ Австріи и Германіи въ качествѣ защитницы Сербіи, въ качествѣ великой славянской державы, — безкорыстно желала и готова была осуществить освобожденіе западныхъ славянъ...

Въ той же бесѣдѣ С. Д. Сазонова съ сотрудникомъ «Возрожденія», о которой только что была рѣчь, — на вопросъ, существовало ли, какъ о томъ утверждаетъ Масарикъ, рѣшеніе русскаго правительства не создавать чехословацкой арміи, — С. Д. Сазоновъ отвѣтилъ съ исчерпывающей ясностью:

— «Я съ недоумѣніемъ отнесся къ этимъ заявленіямъ президента Масарика. Думаю, что такое рѣшеніе не могло состояться безъ моего вѣдома. Но я объ этомъ никогда не слыхалъ, а потому могу категорически опровергнуть это заявленіе».

И далѣе С. Д. Сазоновъ подробнѣе объясняетъ позицію русскаго правительства въ чехословацкомъ вопросѣ:

— «Освобожденіе Чехословакіи — было однимъ изъ первыхъ основныхъ политическихъ рѣшеній русскаго правительства со времени начала войны. Торопиться съ разработкой подробнаго плана было невозможно. Во-первыхъ, нельзя было учесть, что Австрія выйдетъ изъ міровой борьбы разрушенной до основанія. Во-вторыхъ, и самое главное: подробная разработка плана созданія независимой Чехіи не входила въ задачи императорскаго правительства. Правительство считало, что государственное устройство будущей Чехіи можетъ быть осуществлено съ полной цѣлесообразностью только самими чехами. Россія считала себя призванной лишь добиться созданія независимой Чехіи въ тѣхъ предѣлахъ, которые соотвѣтствовали бы ея географическо-этнографическому положенію и будущимъ экономическимъ интересамъ, въ тѣхъ границахъ, которыя обезпечили бы существованіе во всѣхъ отношеніяхъ жизнеспособнаго государства, — что было бы актомъ исторической справедливости по отношенію къ чешскому народу и соотвѣтствовало бы государственнымъ интересамъ Россіи, пріобрѣтавшей вѣрнаго и крѣпкаго союзника. Подробности, касающіяся

формъ государственнаго бытія, русское правительство предоставляло опредѣлить представителямъ самого чешскаго народа».

Эти заявленія С. Д. Сазонова, высказанныя имъ въ 1926 году, находятся въ полномъ соотвѣтствіи съ опредѣленіемъ задачъ войны, которое было сдѣлано министромъ въ 1914 году въ интимной бесѣдѣ съ французскимъ посломъ Палеологомъ, — и записано послѣднимъ въ его мемуарахъ:

— «Не считая возвращенія Эльзасъ-Лотарингіи Франціи, — необходимо будетъ возстановить Польшу, увеличить Бельгію, возстановить Ганноверъ, отдать Шлезвигъ Даніи, *освободить Чехію*, раздѣлить между Франціей, Англіей и Бельгіей всѣ нѣмецкія колоніи»...

Не пустой фразой былъ и отвѣтъ Государя на новогоднюю телеграмму бывшихъ австрійскихъ офицеровъ чеховъ, собранныхъ для комплектованія чешскихъ частей въ Бѣлгородѣ: «Предоставляю вамъ право съ оружіемъ въ рукахъ *добывать свободу* геройскому чехословацкому народу въ рядахъ доблестной русской арміи»...

Конечно, русское правительство не могло допустить, чтобы въ вопросахъ, тѣсно связанныхъ съ внѣшней и внутренней русской политикой, рѣшающую роль игралъ парижскій Національный Совѣтъ, т. е. фактически проф. Масарикъ.

И если что либо тормозило во второй періодъ войны подготовительную работу русскаго правительства въ дѣлѣ чехословацкаго освобожденія, — то это была прежде всего личность проф. Масарика, которому оно имѣло полное основаніе не довѣрять. Это обстоятельство проф. Масарикъ и толкуетъ, какъ несочувствіе Россіи идеѣ чешскаго освобожденія, и отсюда дѣлаетъ всѣ выводы.

Уклончивому и недоброжелательному, въ оцѣнкѣ Масарика, поведенію русскаго правительства авторъ «Міровой революціи» противопоставляетъ политику западныхъ державъ. «На Западѣ мы были давно признаны» — заявляетъ безъ всякихъ оговорокъ Масарикъ, излагая мотивы своей поѣздки въ Россію *въ маѣ 1917 года*. Между тѣмъ, какъ мы только что видѣли, лишь послѣ выступленія чехословацкой арміи въ Сибири, *въ іюнѣ и въ августѣ 1918 года*, послѣдовали письма Пишона и

Бальфура, гдѣ хотя и не содержалось признанія Чехословакіи, какъ самостоятельнаго государства, но заключалось признаніе правъ чехословацкаго народа на его независимость... И даже послѣ этихъ актовъ въ средѣ европейской дипломатіи чувствовались извѣстныя колебанія, которымъ положилъ предѣлъ историческій день 28 октября, когда чехословацкій народъ, провозгласивъ свою независимость, самъ взялъ въ руки свою историческую судьбу.

***

Было бы, однако, большой ошибкой думать, что въ чешской періодической печати нѣтъ никого, кто бы правильно понималъ и освѣщалъ исторію борьбы за независимость. Цѣлый рядъ выдающихся чешскихъ публицистовъ надлежащимъ образомъ учитываетъ роль Россіи въ чешскомъ освобожденіи,—причемъ особенно цѣнно и утѣшительно, что они отнюдь не принадлежатъ къ одному какому либо узкому политическому сектору, а выявляютъ собой широкое національное теченіе чешской общественной мысли. Достаточно вспомнить сподвижника д-ра Крамаржа и д-ра Рашина, приговореннаго вмѣстѣ съ ними во время войны за русофильство къ повѣшенію, Викентія Червинку, блестящій публицистическій талантъ котораго хорошо извѣстенъ русской эмиграціи, или его товарища по редакціи «Народныхъ Листовъ» Іосифа Гудеца, автора капитальнаго изслѣдованія о русской революціи. Вполнѣ правильную позицію въ русскомъ вопросѣ занимаютъ д-ръ Витъ Веселый, редакторъ «Дружины», органа національно мыслящихъ легіонеровъ, сотрудникъ газеты «Чехъ» д-ръ Горскій и очень извѣстный публицистъ, редакторъ «Народной политики» Левъ Борскій. Въ свое время нашумѣлъ слѣдующій отзывъ Борскаго о чешскомъ освобожденіи, обезпечившій Борскому большую немилость со стороны официальныхъ сферъ: «Если бы я былъ призванъ распредѣлять награды дѣятелямъ нашего освобожденія, то grand prix я присудилъ бы исключительной и неповторимой въ будущемъ счастливой международной конъюнктурѣ; первая награда не досталась бы никому; вторую я бы отдалъ нашему

храброму войску, а третью предоставилъ бы пополамъ политикамъ, работавшимъ заграницей и дома»...

Но и этими именами далеко не исчерпывается списокъ чешскихъ публицистовъ, представляющихъ проблему чешско-русскихъ отношеній совершенно въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ Масарикъ и его единомышленники. Здѣсь, пожалуй, небезынтересно вспомнить примѣчательную статью о безплодности чешскаго англофильства, помѣщенную въ газетѣ «28 Ржіенъ» извѣстнымъ публицистомъ Урбаномъ, весьма далекимъ отъ какихъ либо «реакціонныхъ» настроеній. Мода англофильства, распространившаяся въ Чехословакіи, представляется показательной, если вспомнить, что проф. Масарикъ въ значительной мѣрѣ принадлежитъ англосаксонской культурѣ, что послѣ своей женитьбы онъ присоединилъ къ своему имени имя Гаррикъ, что во время войны онъ избралъ Лондонъ своимъ мѣстожительствомъ.

Въ статьѣ Урбана (написанной въ апрѣлѣ 1926 г.) высказывается надежда, что съ возрожденіемъ Россіи «полетитъ въ уголъ англійская грамматика и снова появится на свѣтъ русская хрестоматія». Статья заканчивается знаменательнымъ вопросомъ: «Но не будутъ ли русскіе тогда вправѣ сказать намъ, что мы народъ, гоняющійся за выгодой? Друзья вѣдь познаются въ несчастьи»...

Не слѣдуетъ забывать, что и въ провинціальной и спеціальной печати очень многіе журналисты раздѣляютъ подходъ къ русско-чешскому вопросу и отношеніе къ Россіи только что названныхъ представителей литературной Праги.

ГЛАВА XVI.

ДВУЛИКІЙ ЯНУСЪ

Можно ли поставить въ упрекъ проф. Масарику, что онъ стремился къ власти? Можно ли винить его въ томъ, что онъ отождествилъ свои личныя притязанія съ благомъ своей страны, своего государства? Нѣтъ, если стать на точку зрѣнія средневѣковой формулы «цѣль оправдываетъ средства», слѣдуетъ признать, что если онъ былъ убѣжденъ въ невозможности добиться освобожденія Чехословакіи иначе, какъ подъ своимъ собственнымъ водительствомъ, то за нимъ была *субъективная* правда.

Конечно, это еще не рѣшаетъ вопроса объ *объективной* правдѣ. Повторяемъ, мы не считаемъ себя призванными предвосхищать судъ исторіи. Мы отказываемся также выносить сужденіе о томъ, насколько искренно проф. Масарикъ былъ убѣжденъ, что помимо него или во всякомъ случаѣ не подъ его водительствомъ освобожденіе Чехословакіи было бы недостижимо...

Тѣмъ не менѣе необходимо высказать съ полной ясностью два положенія:

Нигдѣ въ своихъ теоретическихъ построеніяхъ проф. Масарикъ не проронилъ ни слова о томъ, что онъ раздѣляетъ доктрину отцовъ іезуитовъ. Наоборотъ, его философскія утвержденія могутъ быть разсматриваемы, какъ прямая противоположность идеаламъ великаго Макіавелли...

Изъ подъ пера философа Масарика вылилась фраза, безповоротно осуждающая дѣятельность Масарика, какъ политика:

«Не нужно ухищреній, прятанія, макіавеллизма, это все преодолѣно: современная демократія полагается на общественность»..

И, что можетъ быть самое главное: отождествивъ свои личныя цѣли съ благомъ своего народа, проф. Масарикъ нашелъ въ себѣ смѣлость всей силой своего авторитета, своихъ выдающихся способностей и своей энергіи, — пойти наперерѣзъ тому идеологическому движенію, которымъ вдохновлялась вся національно-патріотическая работа съ самыхъ первыхъ дней войны.

Основнымъ моментомъ этого движенія былъ принципъ славянскаго единенія и взаимности, который въ Россіи былъ провозглашенъ и утвержденъ русскими чехами, но который представлялся безспорнымъ для всѣхъ чеховъ вообще.

«Петроградская» оппозиція во главѣ съ Павлу много поработала для пропаганды среди военноплѣнныхъ, но все-же многіе изъ нихъ пронесли до конца въ своихъ сердцахъ тѣ идеалы, на которыхъ было основано чехословацкое движеніе и безъ которыхъ самое его возникновеніе представляется проблематичнымъ. Съ этой точки зрѣнія весьма показательны статьи военноплѣннаго Яромила Гашека, писавшаго въ «Чехослованѣ» подъ псевдонимомъ Владиміра Станко. Особенно замѣчательна его статья «Чѣмъ мы обязаны русскимъ чехамъ»: «Никто не будетъ отрицать, — писалъ онъ, — что руководящая мысль русскихъ чеховъ: вооруженная борьба съ Австріей — указала массамъ ихъ соотечественниковъ изъ Чехіи единственный возможный путь къ достиженію нашей самостоятельности. Мы пришли неосвѣдомленными, распыленными. Было нужно, чтобы намъ кто-то указалъ путь... Это сдѣлали русскіе чехи. Кто основалъ чешское войско? Кто освѣдомилъ Государя о нашемъ стремленіи къ независимости? Кто матеріально поддержалъ все наше движеніе въ его истокахъ? Русскіе чехи. Справедливая исторія отмѣтитъ, чѣмъ мы обязаны русскимъ чехамъ. Изъ ихъ среды вышла стройная программа нашей борьбы за независимость... И мы, которые пришли въ Россію, — пошли за ними». («Чехослованъ» 4 сентября ст. ст. 1916 г.).

Военноплѣнный Лангеръ, извѣстный легіонерскій публицистъ, авторъ «Желѣзнаго волка», пишетъ во времена керен-

щины: «Боимся за нашу свободу... Почему мы не боялись передъ переворотомъ? Мы не имѣли отъ правительства никакихъ гарантій. Чувствовали препятствія нашимъ стремленіямъ. Смотрѣли на Россію, какъ на полицейское государство... Все таки не боялись. Теперь передъ нами Россія свободная — завидная свобода. Видимъ стремленіе укрѣпить фронтъ и тылъ — и все таки боимся. Почему? Насъ пугаетъ все, что выплываетъ на поверхность сегодняшняго дня. Это потому, что мы не довѣряемъ достаточно способностямъ демократіи»... Это написано въ революціонномъ «Чехословакѣ» (3 іюня ст. ст. 1917 г.).

Различіе между подлинной психологіей освободительнаго движенія и психикой революціоннаго «масариковскаго» періода характеризуетъ и пѣвецъ вооруженной борьбы Медекъ:

«Чехословацкіе воины не философствуютъ, не политиканствуютъ въ тотъ періодъ — скажемъ, до русской революціи, а вѣрятъ! Ихъ души наполняетъ мощное религіозное чувство — вѣра въ справедливость, вѣра въ побѣду»...

Эти отзывы людей, начавшихъ осуществленіе идеаловъ освобожденія съ перехода въ русскій плѣнъ, прочувствовавшихъ и пережившихъ всѣ этапы національнаго движенія, — пріобрѣтаютъ особенный смыслъ и значеніе въ сопоставленіи съ отзывомъ ихъ вождя о томъ, что «русская революція была скорѣе плюсомъ» и «большевицкая революція намъ не повредила».

Весьма примѣчателенъ тотъ пріемъ, при посредствѣ котораго нѣкоторые почитатели Масарика стараются затушевать противорѣчія между идеологическими истоками движенія и политикой его вождя. Въ школьной хрестоматіи «Побѣды Масарика» мы читаемъ: «Во время войны много тысячъ чешскихъ солдатъ, вслѣдствіе невыносимыхъ мученій и жестокости командировъ, очутились въ русскомъ плѣну. Масарикъ изъ этихъ государственно-мыслящихъ людей (въ оригиналѣ — фамильярное слово hochu, т. е. молодцовъ, хлопцевъ) создалъ чешское національное войско — легіи». Здѣсь сводится на степень простого рефлекса самосохраненія — тотъ сознательный патріотическій актъ перехода на сторону русскихъ войскъ, который

большинствомъ чеховъ разсматривался, какъ начало служенія дѣлу чешскаго освобожденія.

Выстрѣлъ покончившаго съ собой полковника Швеца, одного изъ доблестнѣйшихъ чешскихъ героевъ, — былъ той молніей, которая можетъ быть лучше всего освѣщаетъ моральную мглу, окутывавшую чешское войско, болѣзненно ощущавшее и переживавшее трагическое расхожденіе своихъ идеологическихъ устоевъ съ поведеніемъ своихъ политическихъ руководителей...

Чехи, которые подобно Дюриху настаивали, чтобы чешское войско приняло активное участіе въ борьбѣ противъ большевиковъ за русскую національную идею, — были совершенно правы въ своей увѣренности, что эта борьба, соотвѣтствующая идеологіи чешскаго движенія, будетъ начата войскомъ съ полной готовностью. И недаромъ проф. Масарикъ, всюду видѣвшій страшную угрозу русской «реакціи», — въ своей борьбѣ за «невмѣшательство» и «нейтралитетъ» не останавливался ни передъ какими средствами и даже нашелъ возможнымъ демагогически назвать мысль о противобольшевицкомъ выступленіи — «австрійской интригой». (!) (Рѣчь Масарика въ Москвѣ 27 февраля 1918 г.). Мало того, проф. Масарикъ взялъ на себя роль ангела-хранителя большевиковъ передъ лицомъ европейскихъ и американскаго правительствъ и международнаго общественнаго мнѣнія — въ самый критическій для большевиковъ моментъ съ точки зрѣнія международной обстановки. Большевики имѣли бы полное основаніе поставить памятникъ проф. Масарику за тотъ меморандумъ, который онъ подалъ президенту Вильсону тотчасъ же по своемъ пріѣздѣ въ Америку, 10 апрѣля 1918 г. Основная мысль меморандума такова: если союзники будутъ съ большевиками въ хорошихъ отношеніяхъ, то смогутъ имѣть на нихъ соотвѣтствующее вліяніе; остальныя русскія партіи не лучше и не способнѣе большевиковъ. Учитывая существовавшій тогда правильный взглядъ вліятельныхъ союзническихъ круговъ на большевиковъ, какъ на помѣху международному замиренію, Масарикъ, для предотвращенія возможности интервенціи, выдвинулъ слѣдующую мысль, нелѣпость которой для него, какъ для реальнаго политика, должна была быть очевидна:

«Коалиціонное правительство (соціалистическія партіи, включая большевиковъ и лѣвыхъ кадетъ) могло бы на нѣкоторое время (?) добиться общаго согласія (?)».

Сужденія проф. Масарика были въ глазахъ западныхъ правительствъ и обшества — свидѣтельствомъ знатока славянскихъ дѣлъ и въ частности русскаго вопроса, и къ тому же лица, только что побывавшаго въ Россіи и видѣвшаго своими глазами то, что тамъ происходитъ. И можетъ быть отголоскомъ масариковскаго вліянія была возникшая въ 1919 г. смѣхотворная мысль о конференціи на Принкипо, гдѣ вожди бѣлаго движенія должны были сидѣть за однимъ столомъ съ большевицкими дипломатами...

Въ мемуарахъ Дюриха приведенъ текстъ письма проф. Масарика одному лицу въ отвѣтъ на вопросъ о причинахъ отстраненія Дюриха отъ политической дѣятельности. Въ этомъ письмѣ содержится слѣдующая фраза, замѣчательная въ своей простотѣ и ясности: «Революція похоронила абсолютизмъ, а также его *славянскую политику*, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Дюриха». Здѣсь — не что иное, какъ признаніе, что все то, что проф. Масарикъ внесъ и чѣмъ извратилъ чешское освободительное движеніе, — было вмѣстѣ съ тѣмъ отрицаніемъ и извращеніемъ всей идеологіи чешскаго возрожденія XIX вѣка, всего духовнаго наслѣдія борцовъ за національную самобытность и строителей національнаго самосознанія — Палацкаго, Ригра, Тырша и множества ихъ учениковъ и послѣдователей.

***

Осужденіе русскаго правительства за проявленную имъ рѣшимость идти до конца въ защитѣ суверенныхъ правъ Россіи и Сербіи — звучитъ весьма знаменательно въ устахъ президента Масарика. И не только потому, что если бы Россія поступила иначе, то, очевидно, въ настоящее время еще не существовало бы того государства, во главѣ котораго стоитъ строгій судья, — но еще и потому, что здѣсь Масарикъ implicite обнаруживаетъ или органическое непониманіе, или сознательное непріятіе

идеи національнаго достоинства и чести, идеи, составляющей самое существенное въ содержаніи понятія патріотизма.

Исторически установлено, что русское правительство всячески старалось избѣжать войны. Еще 16 іюля Государь обратился къ императору Вильгельму съ предложеніемъ передать австро-сербскій инцидентъ на разрѣшеніе Гаагскаго суда, но германскій монархъ воздержался отъ отвѣта, и Россія принуждена была принять войну — какъ безмѣрно тяжкій, но неотвратимый историческій долгъ.

* * *

Роль проф. Масарика въ судьбахъ его родины — двойственна и въ существѣ своемъ противорѣчива. Съ одной стороны онъ представляется завершителемъ и въ качествѣ главы государства воплощеніемъ духовнаго національно-славянскаго возрожденія Чехіи XIX вѣка. Съ другой стороны — вліяніе его собственной личности и политики — было школой угашенія національно-славянскаго духа.

Проф. Масарику принадлежитъ не малая доля вліянія въ принявшей очень явственныя формы эволюціи умонастроеній чехословацкой молодежи, въ которой происходитъ оскудѣніе національно-славянскаго сознанія и развитіе соціалистическихъ и интернаціоналистическихъ теченій.

Вполнѣ естественно, ущербленіе и забвеніе чешскими государственными людьми и молодой интеллигенціей — тѣхъ идеаловъ, на которыхъ десятилѣтіями строилось національное самосознаніе, — рождаетъ противодѣйствіе, бурный протестъ, часто выплескивающійся за предѣлы устойчивой, но уравновѣшенной и лойяльной къ другимъ воззрѣніямъ цитадели патріотическо-славянскаго міросозерцанія — національно-демократической партіи К. П. Крамаржа.

Съ каждымъ мѣсяцемъ обостряющаяся и разгорающаяся идейная борьба раскачиваетъ государственный корабль молодой республики. Съ утратой сознанія непреложности національно-славянской идеи — отказывается служить тотъ компасъ, который вывелъ этотъ корабль изъ лабиринта послѣвоенныхъ полити-

ческихъ и экономическихъ затрудненій и опасностей. Несомнѣнныя раньше идеи и цѣнности стали предметомъ нервной политической борьбы. Какъ разъ тогда, когда преодолѣны трудности первыхъ лѣтъ государственнаго строительства, возникаютъ новыя, для многихъ неожиданныя опасности.

Врядъ ли можно сомнѣваться, что если бы существовала сейчасъ національная славянская Россія — она бы непререкаемо явилась для чешскаго корабля путеводнымъ маякомъ, — силою вещей, независимо отъ чьихъ либо личныхъ, или даже групповыхъ, партійныхъ вкусовъ, воззрѣній, оріентацій.

Споръ можетъ идти о томъ, въ какой мѣрѣ современная обстановка и уже пройденный путь позволяютъ вернуться къ идеологическимъ истокамъ чешскаго національнаго возрожденія.

Но та же обстановка и тотъ же путь краснорѣчиво свидѣтельствуютъ:

Никакая Антанта — ни Большая, ни Малая — не могутъ для Чехіи на историческихъ путяхъ ея — замѣнить Великой Россіи.

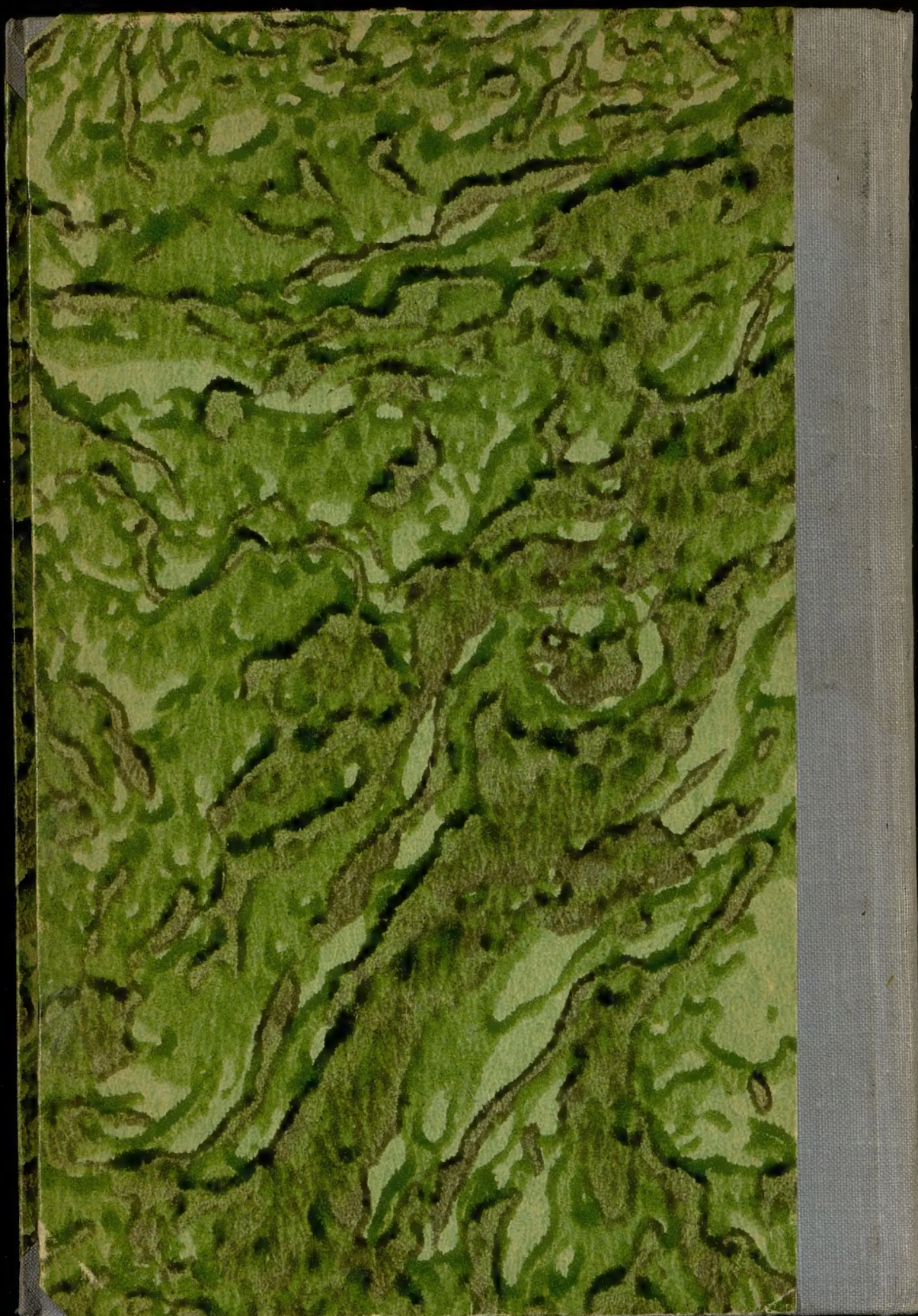
ОГЛАВЛЕНІЕ

Предисловіе		7
I.	Начало Великой войны и русскіе чехи	13
II.	Чешская дружина	24
III.	Идея самостоятельнаго войска. — Союзъ чехословацкихъ обществъ въ Россіи	31
IV.	Побѣда «милитаристовъ». — Первые успѣхи и неожиданная неудача	41
V.	Кіевскіе «милитаристы» и ихъ петроградская оппозиція	46
VI.	І. І. Дюрихъ	58
VII.	«Кіевскій пактъ»	66
VIII.	«Россія и Европа»	71
IX.	Русское правительство и чехословацкій вопросъ.	81
X.	Калифъ на часъ	93
XI.	Утвержденіе «Положенія» о формированіи войска. — Зборовскій бой	108
XII.	Революціонныя перемѣны. — Пріѣздъ Т. Г. Масарика въ Россію.	114
XIII.	Масарикъ и чехословацкое войско	125
XIV.	«Принципъ невмѣшательства»	134
XV.	Судъ неправедный	150
XVI.	Двуликій Янусъ	169

Imp. de Navarre, 5, rue des Gobelins, Paris.

Printed in France

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ
«GRAD KITESCH»
BERLIN W 62,
Kleiststr. 21

СКАНИРОВАНИЕ
ЭДД

QY330 Ou
23/305